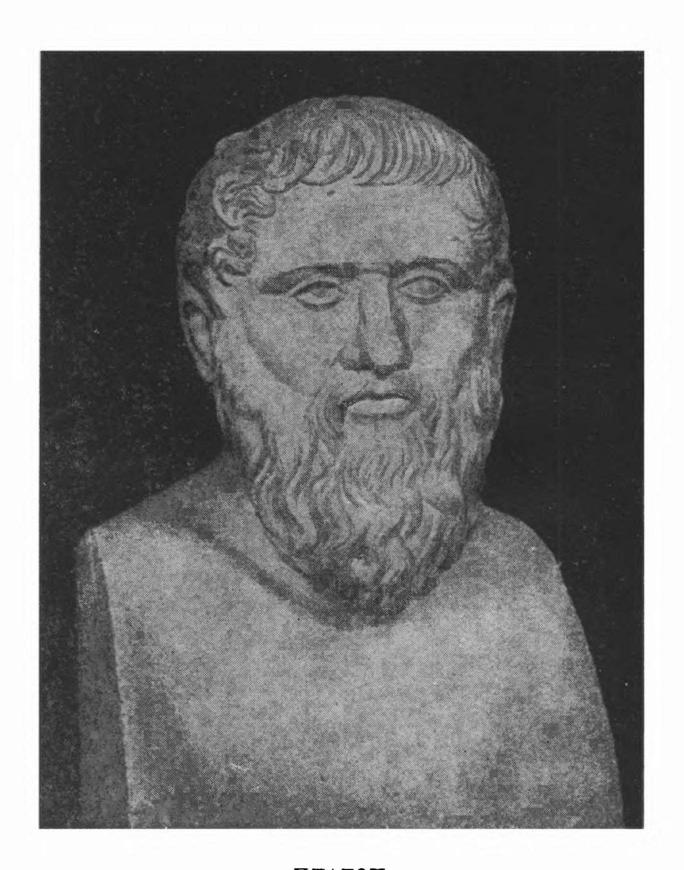

ПЛАТОН • ТЕЭТЕТ

ПЛАТОН
ТЕЭТЕТ

ПЛАТОН

КЛАССИКИ ФИЛОСОФИИ

ПЛАТОН

•

ΠΛΑΤΩΝ

ΘΕΑΙΤΗΤΟΣ

ПЛАТОН

ТЕЭТЕТ

ПЕРЕВОД С ГРЕЧЕСКОГО, И ПРИМЕЧАНИЯ ВИКТОРА СЕРЕЖНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

1
Т37

«Теэтет» является одним из основных сочинений виднейшего представителя древнегреческой философии—объективного идеалиста Платона. В этом сочинении мы имеем преимущественно изложение теории познания Платона. Здесь он пытается критиковать виднейших греческих материалистов—Гераклита, Демокрита и др.

Редактор *В. Вандек*
Техред *В. Морозов*
Корректора *Н. Верховская*, *М. Покровская*

ОТ РЕДАКЦИИ

«Теэтет»—основное сочинение крупнейшего философа античного мира—объективного идеалиста Платона (427—348 гг. до н. э.), в котором изложена его теория познания. В этом произведении Платон критикует философские учения предшествующих материалистов, главным образом диалектику Гераклита, материализм и сенсуализм Протагора, материализм Демокрита, с позиций своей теории идей. Сочинения Платона заслуживают внимания не только потому, что они характеризуют предшествующую философию, но и потому, что Платон сыграл в истории философии видную роль. Платонизм и неоплатонизм были одними из главных философских школ в древнем мире. Западноевропейское средневековье канонизировало Платона, в век Возрождения и в Новое время целый ряд буржуазных идеалистических систем не лишены его влияния.

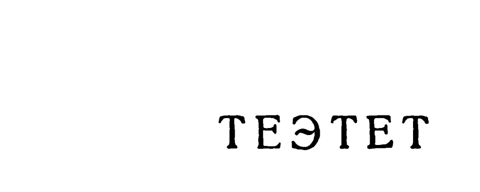
Несмотря на всю неприемлемость для нас философии Платона, исторический Платон был крупнейшим мыслителем, с своих идеалистических позиций разработавшим многие вопросы

теории познания, диалектики, логики. Для глубокого изучения истории философии необходимо знакомство с сочинениями самого философа. При изучении философии Платона необходимо руководствоваться указанием Ленина о том, что «философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи), от природы, обожествленный»[1].

Для облегчения восприятия содержания диалога последний разбит на части по основным проблемам, развиваемым в произведении, и как каждая часть, так и каждая глава снабжены заглавием, выражающим главную мысль их содержания.

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 326.

ТЕЭТЕТ

ВВЕДЕНИЕ (142—146c)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИ КОТОРЫХ ИМЕЛ МЕСТО ДИАЛОГ.—ПРЕДМЕТ ДИАЛОГА

Глава первая

ВСТРЕЧА ЭВКЛИДА[1] С ТЕРПСИОНОМ И РАЗГОВОР ИХ О БЫВШЕЙ КОГДА-ТО БЕСЕДЕ СОКРАТА С ФЕОДОРОМ И ТЕЭТЕТОМ St. 1

Эвклид.—Давно ли из деревни, Терпсион? p. 142

Терпсион.—Давно-таки, и все тебя искал на площади (в Мегаре.—*Перев.*), но к удивлению своему не мог найти.

Эвклид.—Да меня не было в городе.

Терпсион.—Где же ты был?

Эвклид.—По дороге в гавань случайно встретился с Теэтетом: его несли в Афины из коринфского лагеря[2].

Терпсион.—Живого или мертвого?

Эвклид.—Чуть живого: тяжело ранен, а, b
главное, стал жертвой эпидемии.

Терпсион.—Дизентерии?

Эвклид.—Да.

Терпсион.—Какой муж в опасности!

Эвклид.—Доблестный муж! Действительно, вот только что сейчас при мне восхваляли его военные подвиги.

Терпсион.—И вполне естественно. Было бы, наоборот, удивительнее, если бы он не был таким. Однако почему же он не остановился здесь,
c в Мегаре?

Эвклид.—Спешил домой. Я просил и уговаривал его, но он не захотел. Проводив его немного, я на обратном пути с изумлением вспомнил, как Сократ пророчески высказывался между прочим и о нем. Незадолго до своей[3] смерти, думается мне, Сократ встретился с Теэтетом, тогда еще отроком, сблизился с ним и, ведя с ним беседы, восхищался его природной одаренностью. И когда потом я пришел в Афины,
d Сократ передал мне содержание своих бесед с ним, которые стоило послушать, и прибавил, что у него есть все основания сделаться выдающимся человеком, когда он придет в возраст.

Терпсион.—И, повидимому, правильно сказал. Однако что же это за беседы? Не можешь ли ты пересказать их?

Эвклид.—Так вот, по памяти, не смог бы, клянусь Зевсом! В то время, возвратившись домой, я тотчас же сделал набросок для себя,
143 впоследствии же, вспоминая на досуге, дополнял его и, всякий раз как приходил в Афины, спрашивал у Сократа о том, чего не помнил, а вернувшись сюда, вносил новые поправки,

и таким образом весь этот разговор почти целиком был мною записан.

Терпсион.—Однако я уже слышал от тебя об этом и прежде и каждый раз намеревался попросить тебя показать мне твою запись, но так и не собрался до сего дня. Что же теперь мешает нам просмотреть ее? Я-то, придя из деревни, нуждаюсь, разумеется, в отдыхе.

Эвклид.—Да и я после проводов Теэтета b
до Эринея тоже с удовольствием отдохнул бы. Так пойдем и вместе отдохнем, а мальчик тем временем прочтет нам рукопись.

Терпсион.—Правильно.

(*В доме Эвклида.*)

Эвклид.—Вот она, рукопись, Терпсион. Я записал разговор так, как будто бы Сократ разговаривает со своими собеседниками: Феодором и Теэтетом, а не так, как он пересказы- c
вал его мне. А для того чтобы освободить рукопись от вводных предложений вроде таких, например, как: «я говорил», или «я сказал», когда говорит Сократ о себе, или «он подтвердил», или «он не согласился», когда это относится к отвечающему, я все эти вставки устранил и представил дело так, как будто сам Сократ ведет разговор.

Терпсион.—И вполне кстати, Эвклид!

Эвклид.—Ну-ка, мальчик, возьми рукопись и читай.

Глава вторая

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕЭТЕТА И НАЧАЛО БЕСЕДЫ СОКРАТА С ТЕЭТЕТОМ

Разговаривающие лица: Сократ, Феодор[4], Теэтет.

Сократ.—Если бы я, Феодор, больше ин-
тересовался твоими киренцами, я спросил бы
d тебя о том, что происходит в Кирене и есть ли
там среди молодежи такие лица, которые зани-
маются геометрией или какой-либо другой об-
ластью философии. Но ведь я люблю их меньше,
чем здешних, и потому предпочитаю знать, кто
у нас из молодежи по всей вероятности заслу-
жит одобрение. Я и сам по возможности делаю
наблюдения в этом направлении и других рас-
спрашиваю, с кем, как я замечаю, молодые
люди охотно вступают в сношения. Немало их
и около тебя, и правильно: ты достоин этого
e и за геометрию и за прочее. Вот почему мне
приятно было бы узнать, не встречались ли
тебе достойные упоминания.

Феодор.—Как раз очень кстати мне сказать,
а тебе послушать, с каким молодым граждани-
ном мне пришлось встретиться у вас. Если бы
он был красив, я, может быть, поостерегся
бы распространяться о нем, чтобы не показа-
лось, что я пылаю страстью к нему. Но не оби-
жайся, он некрасив, похож на тебя: курносый[5],
как ты, и с глазами на-выкат, поменьше, правда,
144 чем у тебя. Смело говорю: поверь, что из всех
молодых людей, с которыми мне когда-либо

приходилось встречаться (а их довольно много бывало у меня), я не знал ни одной такой удивительной одаренности. Легко воспринимает учение, как редко кто другой, при этом необыкновенной мягкости характера и вместе с тем мужествен, как никто[6]. Я, вероятно, и не предполагал бы, что бывают такие, и не вижу таких. Одни, подобно этому, быстро схватывают, одарены сообразительностью и памятью, но они бывают обыкновенно вспыльчивы, легко доступны гневу, стремительно несутся, подобно кораблю b без груза, и скорее сумасбродны, чем мужественны. Другие менее подвижны, лениво приступают к наукам и приносят их в жертву забвению. Этот же так легко, так уверенно и с таким успехом продвигается в области знания и исследования, полный мягкости, подобно бесшумно несущемуся потоку масла. Удивляешься, как в его возрасте можно добиться такого богатства знаний.

Сократ.—Прекрасная новость! Чей же это сын?

Феодор.—Я слышал имя его отца, но забыл. Да вот и он с другими подходит к нам. Товарищи c его и он сам только что мазались в портике и, помазавшись, идут теперь, повидимому, сюда. Посмотри-ка, знаешь ли ты его.

Сократ.—Знаю. Это сын сунийца Эфрония, как раз именно такого человека, друг мой, каким ты обрисовал мне сына. Человек этот состоит в почете у людей, кроме всего прочего,

еще и за то, что оставил после себя весьма большое состояние. А имени мальчика я не знаю.

d *Феодор.*—Теэтет—его имя. Имущество, кажется, растратили опекуны. Но в отношении денег и он удивительно щедр.

Сократ.—Ты говоришь о благородном человеке. Позови его сюда присесть ко мне.

Феодор.—Будет по-твоему. Теэтет! Иди сюда к Сократу.

Сократ.—Да, подойди, Теэтет, чтобы и я мог рассмотреть свое лицо. Феодор вот утверж-
e дает, что у меня лицо похоже на твое. Однако, если бы у нас была лира и кто-нибудь сказал бы, что она настроена в унисон, то разве мы поверили бы ему безоговорочно, а не исследовали бы предварительно, музыкант ли тот, кто утверждает это?

Теэтет.—Исследовали бы.

Сократ.—И, следовательно, поверили бы, найдя, что он музыкант, а немузыканту не поверили бы?

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Вот я и думаю: если нас интересует сходство лиц, то следует посмотреть, жи-
145 вописец ли тот, кто говорит о сходстве, или нет.

Теэтет.—Я то же думаю.

Сократ.—Итак, разве Феодор живописец?

Теэтет.—Нет, насколько мне известно.

Сократ.—Разве он не геометр?

Теэтет.—Несомненно, геометр, Сократ.

Сократ.—И не астроном, не мастер в вычислениях, не музыкант и не все то, что связано с образованием?

Теэтет.—Мне кажется, так.

Сократ.—Если он—в похвалу или порицание ему будь сказано—находит у нас во внешности что-нибудь общее, то не стоит, следовательно, и считаться с его мнением.

Теэтет.—Может быть, не стоит.

Сократ.—Но если бы он похвалил чью- b
нибудь душу за добродетель, за мудрость, то не следовало ли бы слышавшему похвалу тщательно проверить хвалимого, а хвалимому с полной готовностью показать себя?

Теэтет.—Разумеется, Сократ.

Глава третья

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ДИАЛОГА: ЧТО ТАКОЕ ЗНАНИЕ?

Сократ.—Однако, милый Теэтет, пора тебе показать себя, а мне исследовать. Поверь мне: Феодор многих хвалил предо мной из чужестранцев и наших горожан, но никого не расхваливал так, как тебя.

Теэтет.—Хорошо бы (если бы так) это было, Сократ, но смотри, не шутил ли он. c

Сократ.—У Феодора это не в характере. Но не отступай от того, что ты раз признал, под предлогом, будто он говорит в шутку. Иначе он был бы принужден давать свидетельское по-

казание. Ведь никто не заподозрит его во лжи. Так смело оставайся при своем признании.

Теэтет.—Да, надо сделать по-твоему.

Сократ.—Ну-ка, скажи мне: не учишься ли ты у Феодора геометрии?

Теэтет.—Учусь.

d *Сократ.*—А гармонии, астрономии и вычислениям?

Теэтет.—Стараюсь, во всяком случае.

Сократ.—И я, дитя мое, ведь тоже учусь у него именно и у других, кто, по моему мнению, понимает что-нибудь в этих науках. Но между тем как относительно всего остального в науках я в должной мере осведомлен, есть некая малость, которая меня затрудняет и которую следовало бы рассмотреть с тобой и присутствующими здесь. Отвечай же мне: учиться не значит ли становиться мудрее в том, чему учишься?

Теэтет.—А как же иначе?

Сократ.—Мудрецы же, полагаю, бывают мудрыми благодаря своей мудрости?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Неужели это отличается чем-
e нибудь от знания?

Теэтет.—Что такое *это*?

Сократ.—Мудрость. Или: разве ученые в чем-нибудь не являются мудрецами в том же самом?

Теэтет.—Почему нет?

Сократ.—Следовательно, знание и мудрость одно и то же?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Вот в этом-то и заключается для меня затруднение: я не могу составить себе ясного представления о том, *что̀ такое знание.* Можем ли мы объяснить, в чем оно состоит? Как 146
вы полагаете? Кто первый из нас возьмет слово? Тот же, кто ошибается, а особенно тот, кто постоянно будет ошибаться, пусть сидит ослом, как выражаются дети, играющие в мяч. А тот, кто возьмет верх над другими, не сделав ошибки, станет у нас царем и будет приказывать отвечать ему на все, что он пожелает. Что же вы молчите? Может быть, я веду себя несколько грубовато, Феодор, вызывая вас на дискуссию из-за желания начать общую беседу, подружиться с вами, с вами как с друзьями и стать приветливыми друг к другу?

Феодор.—Нет, Сократ, никакой грубости в том, что ты сказал. Ну, заставляй мальчиков b
отвечать тебе. Я ведь не привык к подобным разговорам, да и не в таком возрасте, чтобы привыкать. А для мальчиков это, может быть, пристойно, и они гораздо больше из этого извлекут для себя пользы, молодежь ведь во всем успевает. Так не отпускай Теэтета, продолжай спрашивать его.

Сократ.—Ты слышишь, Теэтет, что говорит Феодор? Ты, полагаю, не захочешь ослушаться его, да и неприлично молодому чело- c
веку обнаруживать непослушание человеку, мудрому в подобных делах. Скажи же мне прямо

и откровенно: *что такое*, по твоему мнению, *знание*?

Теэтет.—Надо, должно быть, отвечать, Сократ, коль скоро вы оба настаиваете. Вы ведь поправите меня, если я в чем-нибудь ошибусь.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (146cd—151d)

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ЗНАНИИ КАК О ЗНАНИИ ВООБЩЕ. ПОВИВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОКРАТА

Глава четвертая

ЗНАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ И ИСКУССТВ ЕЩЕ НЕ ЕСТЬ ЗНАНИЕ САМО ПО СЕБЕ

Сократ.—Разумеется, поправим, если только будем в состоянии.

Теэтет.—Итак, я полагаю, что знанием является и то, чему можно научиться у Феодора, геометрия, например, и то, что ты сейчас перечислял, а также техническое искусство сапож- d
ника или других ремесленников, все они и каждое в отдельности не что иное, как знание.

Сократ.—Прекрасно и щедро высказываешься, друг мой: спрошенный *об одном*, преподносишь *многое* и вместо *простой—разнообразные* вещи.

Теэтет.—Что ты хочешь сказать, Сократ?

Сократ.—Может быть, еще ничего. Все же объясню тебе, что́ я думаю сказать. Когда

ты говоришь о ремесле сапожника, подразумеваешь ли при этом что-нибудь иное кроме знания изготовлять обувь?

Теэтет.—Ничего иного.

Сократ.—А когда говоришь о ремесле плотника, не знание ли делать вещи из дерева имеешь ты в виду?

Теэтет.—Тоже ничего иного.

e *Сократ.*—Итак, не определяешь ли ты в этих обоих ремеслах то, *чего* каждое из них есть знание?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Но вопрос заключался, Теэтет, не в том, каковы бывают объекты знания, и не в том, сколько существует видов знания, ибо цель нашего вопроса не в том, чтобы сосчитать их, а в том, чтобы понять, что́ такое знание вообще. Или я неверно говорю?

147 *Теэтет.*—Наоборот, правильно говоришь.

Сократ.—Поразмысли еще и вот над чем. Предположим, кто-нибудь спросил бы нас о чем-нибудь простом и обыденном, например, о том, что такое глина, а мы ответили бы ему, что глина бывает у горшечников, у печников, у кирпичников,—разве мы не были бы смешны?

Теэтет.—Может быть.

Сократ.—Мы были бы смешны, прежде всего, потому, что, вероятно, полагали бы, что наш ответ становится понятен для спрашивающего, если мы слово «глина» сопровождаем словами
b «глина мастеров кукол» или других каких-либо

мастеров. Или ты думаешь, что, не зная сущности вещи, можно понять название ее?

Теэтет.—Никоим образом.

Сократ.—Следовательно, не зная, что́ такое знание, нельзя понять знания обуви.

Теэтет.—Конечно, нет.

Сократ.—Следовательно, тот, кто не знает, что́ такое знание, не имеет понятия ни о сапожном мастерстве, ни о каком-либо другом?

Теэтет.—Так оно и есть.

Сократ.—Следовательно, спрашивающему, что́ такое знание, смешным покажется ответ, в котором приводится название какого-нибудь мастерства: ему отвечают о знании того, о чем c
не было вопроса.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Затем, мы пустились бы в бесконечный путь, имея, кажется, возможность ответить просто и коротко, например, на вопрос о глине можно, пожалуй, просто и прямо сказать, что глина есть разведенная водой земля, а для кого она—обойти молчанием.

Глава пятая

НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ФИГУР ТЕЭТЕТ ПОЯСНЯЕТ РАЗНИЦУ МЕЖДУ ЗНАНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ И ЗНАНИЕМ ВООБЩЕ

Теэтет.—Легко теперь-то так представляется, Сократ. Однако ты, повидимому, спрашиваешь о том же, о чем недавно в разговоре

пришло в голову и нам самим, мне и вот этому
d Сократу[7], твоему тезке.

Сократ.—О чем же именно, Теэтет?

Теэтет.—Феодор дал нам разъяснение на чертежах о квадратных корнях* на таких величинах, как прямая, производящая площадь, равную 3 кв. футам, и прямая, производящая площадь, равную 5 кв. футам (принимая фут за квадратную единицу), показывая, что они не измеримы в линейном измерении, и перебирая, таким образом, в отдельности каждый последующий корень; на семнадцатом, примерно, он остановился. Корней оказалось бесконечное количество, и нам пришло в голову попытаться подыскать нечто общее, которым охватывались
e бы все эти корни[8].

Сократ.—И вы нашли что-нибудь подобное?

Теэтет.—Мне, по крайней мере, кажется, что нашли. Суди сам.

Сократ.—Говори.

Теэтет.—Мы разделили все числа на два рода: числа, происходящие от квадрата какого-нибудь числа, назвали мы, уподобляя фигуре квадрата, квадратными и равносторонними.

Сократ.—И хорошо.

148 *Теэтет.*—А, числа, находящиеся в промежутке между названными, такие, как 3, 5 и другие, которые не могут произойти от умно-

---

* Собственно о потенциях: περὶ δυνάμεων-potentiarum. См. прим. 8.

жения какого-нибудь числа на само себя, а возникают от умножения большего числа на меньшее или меньшего на большее и (представленные в виде геометрической фигуры) всегда заключаются между неравными сторонами, мы назвали, тоже уподобляя их продолговатой фигуре, продолговатыми числами.

Сократ.—Прекрасно. Что же потом?

Теэтет.—Линии, которые дают в квадрате равностороннее и квадратное число, выразили мы в понятии линейного измерения (μῆκος); линии же, которые образуют продолговатое b
число, выразили в понятии потенциального (т. е. выраженного в квадратных корнях) измерения (δυνάμεις), так как они соизмеримы с первыми не в линейном измерении, а в площадях, для которых они суть корни. То же проделали мы и с кубическими* телами.

Сократ.—Замечательно, дети мои, так что Феодор, думается мне, не будет повинен во лжесвидетельстве.

Теэтет.—И все же я не мог бы отвечать на твой вопрос о знании как о понятии линейного и потенциального измерения, хотя ты-то, мне кажется, ищешь нечто подобное[9], так что Феодор все-таки оказывается лжесвидетелем в отношении меня.

Сократ.—Как так? Если бы Феодор похвалил тебя за бег, говоря, что он никого из мо- c

---

* Т. е. речь идет о кубических корнях.

лодых людей не встречал, кто бы быстрее тебя бегал, а потом ты оказался бы побежденным в состязании более сильным и быстрым, думаешь ли ты, что его похвала была менее правильной?

Теэтет.—Нет, не думаю.

Сократ.—Но думаешь ли ты, что отыскать сущность знания, как я только что говорил, дело маловажное, а не крайне высокое?

Теэтет.—Я-то, клянусь Зевсом, думаю, что это дело, конечно, одно из самых возвышенных.

Сократ.—Поэтому наберись смелости и
d пойми, что Феодор говорит нечто основательное. Постарайся всемерно постигнуть сущность как других вещей, так и знания: что́ оно собой представляет.

Теэтет.—За старанием-то дело не станет, Сократ.

Глава шестая

ОБ ИСКУССТВЕ ПОВИВАЛЬНЫХ БАБОК

Сократ.—Вперед! Ты только что указал прекрасный путь. Свой ответ о корнях возьми за образец и, подобно тому как корни, несмотря на всю многочисленность их, ты объединил в одном виде, так и все многочисленные знания постарайся выразить в *одном* определении.

e *Теэтет.*—Но поверь мне, Сократ, что много раз принимался я исследовать это дело, получая сведения о поставленных тобою вопросах; но ни сам не могу убедить себя, что говорю что нибудь удовлетворительное, ни от другого не

слышал ответа, соответствующего твоим запросам. Несмотря на это, я все же не отказался от намерения разрешить этот вопрос.

Сократ.—Ибо испытываешь муки родов, милый Теэтет, как беременный.

Теэтет.—Не знаю, Сократ, говорю то, что, конечно, происходит во мне.

Сократ.—Вот, чудак, разве ты не слыхал, 149
что я сын благородной и здравомыслящей повивальной бабки Фэнареты?

Теэтет.—Это-то я уже слыхал.

Сократ.—Не слыхал ли также, что и я занимаюсь тем же самым искусством?

Теэтет.—Не слыхал.

Сократ.—Ну, так знай, что так и есть, только не выдавай меня: я ведь тайком практикую его. Люди по незнанию не говорят обо мне этого, но зато распускают слух, что я человек самый несносный и заставляю людей сомне-
ваться[10]. Этого ты также не слыхал? b

Теэтет.—Слыхал.

Сократ.—Сказать тебе причину?

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Так поразмысли надо всем, относящимся к повивальным бабкам, и тебе будет легко понять, чего я хочу. Ты ведь знаешь, конечно, что ни одна повивальная бабка не воспринимает детей у других, будучи еще сама в состоянии забеременеть и родить, и что делают они это, когда сами уже не могут родить.

Теэтет.—Разумеется.

Сократ.—А причина этого, как говорят, Артемида, потому что она, как нерождающая, получила жребий быть покровительницей родов.
c Бесплодным она отказала в повивальном искусстве, потому что человеческая природа слишком слаба, чтобы практиковать искусство, которого не испытала на опыте. Женщинам же, бесплодным по возрасту, она поручила практику из уважения сходства их с собой.

Теэтет.—Вероятно.

Сократ.—Равным образом разве не вероятно и не необходимо то, что повивальные бабки лучше всех узнают беременных?

Теэтет.—Разумеется.

Сократ.—Больше того: разве с помощью зелья и заговора они не могут возбуждать боли
d и, по желанию, смягчать их или заставлять тяжело рождающих рождать или делать выкидыш, если представляется то возможным по состоянию зародыша?

Теэтет.—Бывает так.

Сократ.—Разве ты не подметил еще одно качество у них: они бывают искуснейшими свахами и безошибочно умеют узнавать, какой женщине с каким мужчиной надо сойтись, чтобы родить лучших детей?

Теэтет.—Этого я совершенно не знаю.

Сократ.—Ну, так знай, что этим они больше гордятся, чем отрезанием пупка. В самом деле, подумай, как по-твоему: одно и то же или разные искусства уход и выращивание плодов

и знание, в какую почву следует посадить то или иное растение или семя?

Теэтет.—Не разные, а одно и то же.

Сократ.—А в отношении к женщине разные ли искусства, по твоему мнению, сажать и выращивать?

Теэтет.—Не вероятно. 150

Сократ.—Конечно, нет. Но по причине существования незаконной и беспорядочной связи между мужчиной и женщиной, возникающей благодаря сводничеству, повивальные бабки, как особы почтенные, избегают и сватания из боязни из свах попасть в сводницы, между тем как только настоящим повивальным бабкам, может быть, и приличествует заниматься правильным сватовством.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Таково, следовательно, это дело повивальных бабок, но оно уступает моему. Ибо женщинам не случается рождать то призраки, то настоящие существа, а это нелегко рас- b
познать. Ведь, если бы случалось, то величайшим и прекраснейшим делом повивальных бабок было бы различать истинное от неистинного. Или ты не так думаешь?

Теэтет.—Думаю так.

Глава седьмая

ПОВИВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОКРАТА

Сократ.—В моем повивальном искусстве[11] дело обстоит во всем так же, как у них, но отличается оно от искусства повивальных бабок,

во-первых, тем, что воспринимает у мужчин, а не у женщин, и, во-вторых, тем, что присматривает за муками родов их душ, а не тел. Величайшим преимуществом в нашем искусстве
c является полная возможность распознавать, что рождается в разуме молодого человека: призрак и ложь или нечто реальное и истинное. Далее, и у меня подобно бабкам имеется еще следующее: я не рождаю мудрости, и уже многие правильно порицали меня за то, что я спрашиваю других, а сам ничего не отвечаю ни на один вопрос, потому что ни в чем не являюсь мудрецом. Причина этого в следующем: воспринимать бог[12] меня понуждает, а рождать не допускает. Поэтому очевидно я сам не ахти какой мудрец и не имею в своем распоряжении
d никакого такого изобретения, которое являлось бы порождением моей души. Но хотя из тех молодых людей, которые общаются со мной, некоторые сначала и оказываются очень не сведущими, однако потом, по мере укрепления уз общения, все, кому бог позволяет, удивительно как успевают, как об этом свидетельствуют и они сами и другие. Отсюда ясно, что от меня они ничему не научаются, а сами в себе находят и хранят много прекрасного. Причина же разрешения от бремени—бог и я.

e Уже многие, не поняв этого и приписав себе свой успех, ушли от меня раньше времени, проникшись презрением ко мне, или по собственному побуждению, или по наущению других,

а расставшись со мной, они вследствие дурного
общения не только выкинули то, что оставалось
у них, но и погубили вследствие плохого ухода
то, что получили благодаря моему повивальному искусству, так как ложь и призраки предпочли истине и в конце концов оказались невеждами как в своих, так и в глазах других.
Среди них был Аристид[13], сын Лизимаха, и 151
очень много других. Когда они опять возвращаются ко мне, просят общения со мной и проявляют удивительную настойчивость, некоторых
из них пребывающий во мне демон возбраняет
допускать к общению, а других—позволяет,
и они снова начинают преуспевать. Общающиеся со мной молодые люди испытывают нечто
общее с роженицами вот еще в каком отношении:
они терпят муки родов, день и ночь испытывая
беспокойное состояние и притом еще в большей
степени по сравнению с роженицами. Я с помощью своего искусства могу не только возбуждать эти муки, но и прекращать. Вот так поступаю я с ними. Иногда также приходится, b
Теэтет, мне благосклонно сватать с другими
тех молодых людей, которые, по моему мнению,
не способны забеременеть, и я, зная, что они
не нуждаются во мне, с божьей помощью довольно удачно догадываюсь, с кем им было бы
полезно иметь общение. Многих из них я передал Продику[14], многих—другим мудрым и
божественным мужам. Я изложил тебе, почтеннейший, все это с такими подробностями из-за

того, что подозреваю, что ты, забеременев, как ты и сам догадываешься, страдаешь муками родов. Итак, относись ко мне как к сыну повивальной бабки, который и сам знаток этого дела, и постарайся, насколько можешь, отвечать, о чем я буду спрашивать тебя. И, если я по рассмотрении твоего ответа найду в нем нечто призрачное и неистинное, незаметно выну это и отброшу, а ты не обижайся, как обижаются по поводу своих детей молодые роженицы. Ведь уж многие, прелестный мой, были так настроены ко мне, что готовы были прямо кусаться, когда я вынимал у них какой-нибудь вздор. И не думают они, что я делаю это из доброго расположения к ним. Им и невдомек, что ни один бог не настроен неприязненно к людям и я не делаю ничего такого по неприязни, но я никак не могу согласиться уступать лжи и утаивать истину. Итак, вот опять попытайся сначала сказать, Теэтет, чтó же такое знание. Не говори, что не можешь. Если богу угодно и наберешься мужества, сможешь.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ (151e—187a)

КРИТИКА ТЕЗИСА: ЗНАНИЕ ЕСТЬ ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Глава восьмая

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕЭТЕТОМ ЗНАНИЯ КАК ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕЗИСА ПРОТАГОРА: ЧЕЛОВЕК—МЕРА ВЕЩЕЙ С ТЕЗИСОМ ГЕРАКЛИТА О ВСЕОБЩЕМ СТАНОВЛЕНИИ

Теэтет.—Да, конечно, Сократ, после такого уверения с твоей стороны стыдно не приложить всего старания, чтобы сказать то, что
имеешь в голове. Итак, мне кажется, что чело- e
век, знающий что-нибудь, чувствами воспринимает то, что он знает, и, поскольку теперь мне это представляется, *знание есть не что иное, как чувственное восприятие*[15].

Сократ.—Прекрасно и благородно, дитя мое. Так следует высказывать свое мнение. Ну-ка, разберем сообща, здоровый ли это плод или жировое яйцо? Знание, говоришь, чувственное восприятие[16]?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Пожалуй, не плохую мысль о зна-
152 нии ты высказал, но это то, что говорил и Протагор. Только изложил он ту же мысль иначе, а именно: человек есть мера всех вещей[17]—существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют. Ты ведь читал его, вероятно?

Теэтет.—Читал и много раз.

Сократ.—Не говорит ли он, следовательно, как бы так, что вещи для меня таковы, какими они мне являются, а для тебя опять-таки таковы, какими они тебе являются? Человек же—это ты и я.

Теэтет.—Действительно он говорит так.

Сократ.—Естественно, конечно, что муд-
b рый муж не говорит пустяков. Последуем за ним. Разве иногда не бывает так, что при дуновении одного и того же ветра один из нас зябнет, а другой—нет, и один—немного, а другой—побольше?

Теэтет.—Конечно, бывает.

Сократ.—Скажем ли мы тогда, что ветер сам по себе холоден или не холоден? Или поверим Протагору, что для зябнущего он холоден, а для незябнущего нет?

Теэтет.—Повидимому, поверим Протагору.

Сократ.—Не является ли ветер таковым и тому и другому?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Но «является» то же, что «воспринимается чувствами»?

Теэтет.—Так, именно.

Сократ.—Следовательно, явление и чувственное восприятие—одно и то же в отношении тепла и тому подобного, ибо чтó каждый воспринимает чувствами, то ему и является существующим.

Теэтет.—Вероятно, так.

Сократ.—Следовательно, чувственное восприятие, рассматриваемое как знание, есть всегда восприятие сущего и не бывает ложным?

Теэтет.—Кажется, так.

Сократ.—Не был ли Протагор, клянусь Харитами, каким-то всемудрым мужем, который нам, разнообразному сброду, говорил об этом загадками, а ученикам своим тайно[18] проповедовал истину?

Теэтет.—Что ты разумеешь этим, Сократ?

Сократ.—Я сообщу тебе нечто, и далеко d
не маловажное, а именно: ничто не существует как единое само по себе, нельзя чему бы то ни было правильно приписать название или приложить какое-либо качество. Если ты назовешь его великим, оно в то же время покажется и малым; если ты назовешь его тяжелым, оно покажется и легким, и все подобным же образом, поскольку единое не имеет бытия, не является чем-нибудь и не обладает качеством. Но все, о чем мы, прибегая к неправильному способу выражения, говорим, что оно существует, на самом деле возникает из потока, движения и взаимного смешения элементов, ибо никогда

ничего не существует, а все всегда *становится*.
e И насчет этого соглашались все по порядку мудрецы кроме Парменида: и Протагор, и Гераклит, и Эмпедокл, и из поэтов величайшие представители обоих жанров поэзии: комедии—Эпихарм[19], трагедии—Гомер, который, сказав: «Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису», прибавил, что все возникло из течения и движения. Или не это, думаешь, говорит?

Теэтет.—Думаю, что это.

Глава девятая

КАК В ЧУВСТВЕННОЙ, ТАК И В ДУХОВНОЙ ОБЛАСТИ ДВИЖЕНИЕ ДАЕТ ЖИЗНЬ, А ПОКОЙ—СМЕРТЬ

153 *Сократ*.—Кто мог бы еще спорить против столь великой рати с полководцем Гомером во главе, не сделавшись смешным?

Теэтет.—Нелегко, Сократ.

Сократ.—Несомненно, Теэтет, так как для этого положения* достаточные доказательства заключаются и в том. что движение—причина всего представляющегося нам подлинным бытием и становлением, а покой—причина небытия и гибели, ибо теплота и огонь, которые, конечно, и все остальное порождают и приводят в порядок, сами порождаются потоком и трением, а это и есть движение. Или не таковы причины возникновения огня?

---

* Т. е. положение всех вышеприведенных философов и поэтов. —*В. С.*

Теэтет.—Действительно таковы. b

Сократ.—Да и род животных возникает от той же причины.

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—Что же дальше? Разве тело наше не разрушается от покоя и бездействия и не сохраняется главным образом гимнастическими упражнениями и движением?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Разве душа не в состоянии обучения и упражнений, тоже движений, приобретает познания, сохраняется и делается лучше? Между тем как благодаря покою, который есть не что иное, как отсутствие упражнения и обучения, она не только не приобретает знаний, но и забывает те, которые приобрела? c

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Следовательно, одно, именно движение,—благо и для души и для тела, а другое—прямо противоположное ему.

Теэтет.—Повидимому, так.

Сократ.—Следует ли еще говорить тебе о безветрии и тихой погоде и прочих подобных вещах, что затишье гноит и губит все, а противоположное этому сохраняет? И доказывать ли мне в завершение всего, что золотая цепь[20], о которой говорит Гомер, есть не что иное, как солнце, что пока, как показывает он, и солнце находится во всеобщем круговращении, d все существует и сохраняется у богов и людей, а когда остановится, как скованное, все вещи

разрушатся и все перевернется, как говорится, вверх дном.

Теэтет.—Мне тоже кажется, Сократ, что Гомер показывает то, что ты ему приписываешь.

Глава десятая

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ БЫТИЯ ПО ПРОТАГОРО-ГЕРАКЛИТОВСКОМУ УЧЕНИЮ

Сократ.—Итак, пойми, прелестнейший, это вот как: прежде всего в отношении предметов зрения то, что называешь ты белым цветом, не есть какая-то особая вещь, существующая вне твоих глаз или в твоих глазах; затем ты также не определишь для него какого-
e либо места[21], ибо тогда оно, разумеется, заняло бы определенное положение среди вещей, получило бы прочное существование и не находилось бы больше в состоянии становления.

Теэтет.—Но как мне понять это?

Сократ.—Последуем за только что изложенным тезисом, полагая, что не существует никакого единого самого по себе бытия. И таким образом и белый, и черный, и любой другой цвет нам представится продуктом встречи глаз с соответствующим потоком, и то, что мы в каждом отдельном случае называем цветом[22], не будет ни предметом, на который
154 мы смотрим, ни глазом, который его видит, а нечто среднее, являющееся для каждого своим собственным. Или ты станешь утверждать, что

каким тебе представляется любой цвет, таков он и для собаки и для всякого животного?

Теэтет. — Ни в коем случае, клянусь Зевсом.

Сократ.—Что же дальше? Представляется ли другому человеку что-нибудь таким же, каким и тебе? Уверен ли ты в этом или гораздо больше ты уверен в том, что нечто даже тебе самому в разное время не является тем же самым, ибо ты никогда не бываешь подобен себе самому?

Теэтет.—Мне кажется, что в последнем я больше уверен, чем в том.

Сократ.—Следовательно, если бы то, что
мы измеряем или к чему прикасаемся, было b
большим, белым или теплым, то для другого, тронувшего его, оно никогда не стало бы иным, поскольку оно само ни в чем не изменилось. Но, с другой стороны, если измеряемое или трогаемое обладало бы одним из этих качеств*, оно при сопоставлении его с другим предметом или другим впечатлением опять-таки не стало бы иным, не испытав своего собственного внутреннего изменения. Между тем теперь, друг мой, мы как бы принуждены легкомысленно утверждать удивительные и смешные вещи, как выразился бы Протагор и всякий, кто решился бы говорить вместе с ним одно и то же.

Теэтет.—Как и о чем ты говоришь?

---

* Т. е. было бы большим, белым или теплым.

c *Сократ.*—Простой пример пояснит, что я хочу сказать. Возьмем, например, шесть костей*. Сопоставив с четырьмя, мы скажем, что шесть больше четырех в полтора раза, а если сопоставим с двенадцатью, шесть окажется меньше в два раза. И иначе невозможно сказать. Или иначе скажешь?

Теэтет.— Не скажу.

Сократ.—Что же? Если бы Протагор или кто другой спросил тебя: Теэтет, может ли что-нибудь стать больше величиной или числом иначе, чем через прибавление? Что бы ты ответил?

Теэтет.—Если бы я стал отвечать, что я думаю исключительно по поводу только что
d поставленного вопроса, то я сказал бы: нет, невозможно. Но если я отвечал бы с учетом предыдущего вопроса, я, чтобы избежать противоречия с собой, сказал бы: да, возможно.

Сократ.—Прекрасно, друг мой, клянусь Герою, божественно! Однако в твоем ответе— да, возможно — встретится, кажется, что-то эврипидовское[23], ибо язык-то будет у нас неуязвим, а мысль уязвима.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Поэтому, если бы я и ты были выдающимися мудрецами и исчерпали бы исследование всех задач ума, нам ничего больше не оставалось бы, как от нечего делать взаимно

---

* Игральных.

испытать наши силы в спорах на манер софи- e
стов, доводами отражая доводы. Но так как мы в данный момент простые смертные, то сначала мы хотим рассмотреть вещи сами по себе, что такое именно то, о чем* мы размышляем, и согласны ли мы друг с другом или совсем наоборот.

Теэтет.—Я-то этого именно и хотел бы.

Глава одиннадцатая

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О БЕЗОТНОСИТЕЛЬНОСТИ БЫТИЯ ПРОТИВОРЕЧАТ ПРОТАГОРО-ГЕРАКЛИТОВСКОМУ УЧЕНИЮ

Сократ.—И я тоже. Но, поскольку это так
и мы имеем довольно много досуга, то что нам
делать, как не приняться снова полегоньку,
не нервничая, но действительно углубляясь в 155
себя, за рассмотрение того, чтó это за явления возникают в нас. При исследовании их мы, как я думаю, скажем, во-первых, что никогда ничто не делается больше или меньше ни в массе, ни в количестве, пока оно остается равным себе. Не так ли?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Во-вторых, то, к чему ничего не прибавляют и от чего ничего не отнимают, никогда не увеличивается и не убавляется, а всегда остается равным.

Теэтет.—Совершенно верно.

---

* Т. е. что такое наши представления.

b *Сократ.*—Не допустить ли и, в-третьих, что то, чего раньше не было, но что потом появилось, не может существовать без возникновения и становления?

Теэтет.—Я, по крайней мере, так думаю.

Сократ.—Вот эти-то три положения, по моему мнению, сталкиваются между собою в нашей душе, когда мы говорим об игральных костях или когда мы утверждаем, что я, человек данного возраста, не увеличиваясь и не уменьшаясь, теперь, в течение одного года, сначала был больше тебя, молодого человека, а потом стал меньше, хотя от моей массы ничего не
c убавилось, но зато твоя увеличилась. Таким образом я являюсь впоследствии тем, чем раньше не был. Выходит, что не путем становления я являюсь впоследствии тем, чем прежде не был. Ведь без становления не может быть изменения (γενέσθαι), и, ничего не потеряв из своей массы, я не мог сделаться меньше. И других фактов подобного рода встретится бесконечное множество, если только мы допустим и это *. Ты следуешь конечно за мной, Теэтет. По крайней мере, мне кажется, что ты не без опыта в таких вещах.

Теэтет.—Клянусь богами, Сократ, я до крайности поражен тем, что̀ это такое, и у меня кружится иногда голова, когда я глубоко вдумываюсь в это.

* Т. е. что Сократ делается меньше, не изменяясь сам.

Сократ.—Феодор, кажется, недурно нащупывает сущность твоей природы, друг мой. Ведь удивляться присуще прежде всего философу. Это именно начало[24] философии, а не что другое, и тот, кто объявил Ириду дочерью Тавманта[25], неплохо, повидимому, знал генеалогию. Однако понял ли ты из того, что, как мы утверждаем, говорит Протагор, почему это выходит у него так, или не понял еще? d

Теэтет.—Кажется, еще нет.

Сократ.—Будешь ли ты признателен мне за то, что я вместе с тобой буду исследовать истинный, но сокровенный смысл мнений знаменитого мужа* или, лучше сказать, знаменитых людей**? e

Теэтет.—Как же не быть мне признательным и даже в высокой степени?

Глава двенадцатая

ОБЪЯСНЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ ВСЕОБЩЕГО ДВИЖЕНИЯ И УЧЕНИЕМ ПРОТАГОРА О ЧУВСТВАХ

Сократ.—Смотри же внимательно кругом, как бы кто-нибудь из непосвященных не подслушал нас. Есть такие люди, которые признают существующим только то, за что они могут крепко схватиться руками[26], а действия и возникновение и все невидимое не относят к разряду сущего.

---

* Т. е. Протагора.

** Т. е. Гераклита, Гомера и других, упомянутых выше.

Теэтет.—Ты говоришь, очевидно, о людях
156 твердых и упорных[27].

Сократ.—Они, действительно, в высокой степени невежественны. Но есть другие, более тонкие[28]. Их секрет я хочу разоблачить перед тобой. Тезис их, из которого вытекает и все то, о чем мы только что говорили, следующий: все есть движение, и помимо него нет ничего. Но существует два вида движения: каждое из них по количеству безгранично, по внутренней же силе одно—активное, другое—пассивное. Из вза-
b имоотношения их и взаимного трения возникают порождения в безграничном количестве, но попарно: воспринимаемое и восприятие, которое всегда проявляется и возникает вместе с воспринимаемым. Чувства носят у нас следующие названия: зрения, слуха, обоняния, ощущения холода и тепла, а также удовольствия, печали, желания, страха и других бесконечное количество без названия, а большое количество также и с названием. Род воспринимаемого всегда соответствует[29] отдельным чувственным
c восприятиям: разнообразные цвета—разнообразным зрительным восприятиям, звуки—слуховым ощущениям и всякое другое воспринимаемое—другим родственным по происхождению восприятиям. В каком же отношении находится эта теория к предыдущему*, Теэтет? Понимаешь ли ты?

* Имеются в виду вышеизложенные положения (см. 155ab).

Теэтет.—Не совсем, Сократ.

Сократ.—Но обрати внимание, приводит ли она к цели. Смысл ее тот, что все это*, как мы говорим, находится в движении, но что движение бывает быстрым и медленным. Движущееся медленно действует таким же темпом на ближайшие вещи и сообщает им медленнейшее движение. Наоборот, движущееся быстро простирает свое движение на отдаленнейшее и со- d
здает быстрейшее движение; ведь все стремительно несется, и в этом потоке—природа движения.

Поэтому, коль скоро глаз и что-нибудь другое, ему соответствующее, приблизились друг к другу и произвели, с одной стороны, белый цвет, а с другой—родственное ему ощущение, чего никогда не произошло бы, если бы один из них** встретился с чем-нибудь другим, то вследствие возникшего между ними беспрерывного движения в обе стороны—зрительного ощущения от глаза и белого от предмета, производящего цвет,—глаз наполняется видением (зри- e
тельным ощущением). Глаз тогда видит и становится благодаря видению видящим глазом. Предмет же, произведший цвет, наполняется белизною и становится белым, чем бы он ни был: деревом, камнем или чем-нибудь другим. Так же и с другими ощущениями: жесткого,

---

* Т. е. все формы ощущений и все соответствующие им виды ощущаемого.

** Т. е. глаз или предмет.

теплого и всего прочего. Так что само по себе
157 ничто не существует, как об этом и раньше мы говорили, а все разнообразие вещей возникает во взаимной связи и от движения, так как активное решительно нельзя мыслить, как они говорят, отдельно от пассивного: активное ведь не существует, прежде чем оно не встретится с пассивным, точно так же и пассивное не существует, прежде чем оно не встретится с активным. Нечто, встретившись с одним предметом, является активным, а вследствие встречи с другим—пассивным. Из всего этого вытекает, как мы вначале говорили, то, что единое существует не само по себе, а всегда в связи с чем-нибудь,
b что бытие надо изъять отовсюду, хотя мы принуждены были пользоваться им много раз и теперь по привычке и незнанию. Неуместны, по слову мудрецов, такие выражения, как: *нечто*, *что-нибудь*, *мое*, *это* или *то*, или другое какое-нибудь слово, выражающее неподвижность. Напротив, следует в согласии с природой употреблять выражения: вещи становятся и образуются, гибнут и изменяются, так что, если бы кто-нибудь в своей речи говорил о чем-нибудь неизменно существующем, его легко было бы изобличить в этом. Так следует говорить как об отдельных элементах, так и о совокупности их, как, например, о такой совокупности, как
c человек и камень, отдельное животное и вид животного. Представляется ли тебе, Теэтет, это увлекательным и в твоем ли вкусе?

Тэтет.—Не знаю, Сократ, потому что не могу разгадать, высказываешь ли ты свое мнение или испытываешь меня.

Сократ.—Ты не помнишь, друг мой, что я ничего подобного не знаю и ничего не выдаю за свое. Я бесплоден в этом отношении, но я исполняю обязанности бабки при тебе и потому напеваю тебе волшебные сказки и предлагаю от-
ведать любой мудрости, пока не выявлю твоей d
мысли. Выявив ее, посмотрим, какой она окажется: здоровой или немощной. Мужайся, запасись терпением и отвечай смело на мои вопросы о том, что̀ кажется тебе истинным.

Тэтет.—Так спрашивай.

Глава тринадцатая

ПРОВЕРКА ТЕЗИСА О ЗНАНИИ КАК ЧУВСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ НА ФАКТАХ СНОВИДЕНИЙ И БОЛЕЗНЕЙ

Сократ.—Скажи же мне снова, согласен ли ты с тем, что доброе и прекрасное и все, о чем мы только что рассуждали, не существует, а становится?

Тэтет.—Когда я слушаю твое изложение, мне представляются удивительным смысл его и приемлемыми развиваемые тобою положения.

Сократ.—Не оставим, следовательно, не- e
разъясненным и дальнейшего. Остается сказать о сновидениях и болезнях, особенно о помешательстве, а также о том, что̀ мы называем обманом слуха или зрения или вообще обманом чувств. Ты ведь знаешь, может быть, что во всех

этих случаях только что изложенное нами по-
ложение, повидимому, бесспорно терпит пора-
жение, так как при таких обстоятельствах чув-
158 ственные ощущения становятся у нас всего бо-
лее ложными и многого недостает, чтобы являю-
щееся каждому было в действительности тако-
вым, совсем наоборот: не существует ничего из
того, что является.

Теэтет.—Ты говоришь сущую правду, Сократ.

Сократ.—Какой же, следовательно, довод остается, дитя мое, у того, кто выставляет положение, что знание есть чувственное восприятие и что то, что является каждому, таковым и бывает, каким оно является ему?

Теэтет.—Я, Сократ, не решаюсь признать-
ся, что я не знаю, что̀ говорить, потому что ты
только что* порицал меня за такой ответ. Так
b как поистине я мог бы не сомневаться, что по-
мешанные или грезящие составляют себе ложные
представления, когда одни воображают себя
богами, а другие имеющими крылья и летаю-
щими, как во сне.

Сократ.—Не имеешь ли ты в виду вот какой контроверзы об этих вещах, относящейся в особенности ко сну̀ и бодрствованию?

Теэтет.— Какой?

Сократ.—Тебе, полагаю я, часто приходилось слышать вопрос, каким доказательством

---

* р. 157с.

располагаем мы против того, кто спрашивает нас, не спим[30] ли мы сейчас, в данный момент, и не видим ли во сне все то, о чем рассуждаем, или мы бодрствуем и разговариваем между собою наяву? c

Теэтет.—И в самом деле трудно, Сократ, привести требуемое доказательство, ибо ко всему идет и то и другое, как строфа и антистрофа. Ничто не мешает нам рассматривать наш настоящий разговор как происходящий во сне, и если мы во сне, как кажется нам, рассказываем свои сновидения, то получается удивительное сходство последних с фактами, имеющими место наяву.

Сократ.—Ты видишь, стало быть, что для сомнения есть основания, когда существует сомнение даже в том, во сне или наяву что-нибудь случается, и, поскольку время, когда мы d спим, равно времени, когда мы бодрствуем, наша душа в каждом из этих состояний стремится признавать наиболее истинными мнения данного момента, так что в течение одного промежутка времени мы говорим одно, а в течение другого, равного первому, говорим другое и с одинаковой силой убеждения утверждаем и то и другое.

Теэтет.—Совершенно верно.

Сократ.—Не то же ли следует сказать и о болезнях и о сумасшествии, исключая время, которое не одинаково?

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Что же, истина определяется большей или меньшей продолжительностью времени?

e *Теэтет.*—Это было бы конечно смешно во многих отношениях.

Сократ.—Какое же неопровержимое доказательство имеется у тебя в подтверждение истинности одного из этих мнений?

Теэтет.—Кажется, не имеется.

Глава четырнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Сократ.—Слушай в таком случае, что̀ сказали бы на этот счет те, которые утверждают, что вещи всегда действительно таковы, какими они являются каждому. Они начинают свою речь, как я думаю, с такого вопроса: «Теэтет, то, что отлично во всех отношениях от другого, будет ли иметь силу, одинаковую с этим другим?» При этом мы не допускаем, что вещь, о которой ставится вопрос, в одном отношении та же, а в другом иная: она полностью отлична от другой вещи.

Теэтет.—Если она предполагается полностью отличной, то невозможно, разумеется, чтобы она имела что-нибудь общее с другой
159 вещью в отношении ли силы или в каком-либо другом отношении.

Сократ.—В таком случае не следует ли согласиться, что они не будут и похожи?

Теэтет.—Думаю, что следует.

Сократ.—Следовательно, если случится какой-нибудь вещи делаться в какой-нибудь степени подобной или неподобной себе ли самой или какой-нибудь другой вещи, то не скажем ли мы в первом случае, что она делается той же самой, а в последнем, что она становится иной?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—Не говорили ли мы раньше, что существует бесконечно много активной силы и столь же много пассивной?

Теэтет.—Да.

Сократ.—А также и то, что, смешавшись то с одним, то с другим, она произведет не то же самое, а другое?

Теэтет.—Совершенно верно. b

Сократ.—Будем говорить обо мне, о тебе и о всяком другом в пределах одного и того же отношения, например, о Сократе здоровом и Сократе больном. Скажем ли мы, что здоровый Сократ подобен или не подобен больному?

Теэтет.—Говоря о Сократе больном и здоровом, имеешь ли ты в виду Сократа в целом?

Сократ.—Прекрасно понял: это самое я и говорю.

Теэтет.—Не подобен, конечно.

Сократ.—Следовательно, и отличен в той же степени, как и не подобен?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—То же самое, очевидно, скажешь
c и о спящем и о всех сейчас рассмотренных нами состояниях?

Теэтет.—Скажу.

Сократ.—Все, что по природе способно производить что-нибудь, воздействуя на здорового Сократа, не повлияет ли на меня иначе, чем если бы оно воздействовало на больного?

Теэтет.—Почему бы не так?

Сократ.—И очевидно в обоих случаях мы произведем различное: я как пассивный элемент и я как активный?

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—Когда я, будучи здоровым, пью вино, не кажется ли оно мне приятным и сладким?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Так как, согласно установлен-
d ному раньше, активное и пассивное произвели сладость и ощущение, которые оба одновременно находятся в движении, и ощущение, состоящее на стороне пассивного, сделало язык ощущающим, а сладость, состоящая на стороне вина и в нем распространяющаяся, сделала то, что вино для здорового языка бывает и кажется сладким.

Теэтет.—Совершенно так у нас было раньше установлено.

Сократ.—Если же Сократ болен, то прежде всего разве вино действовало на того же самого человека? Ведь оно встретилось с неспособным.

Теэтет.—Да.

Сократ.—Сократ, находящийся в таком
состоянии, и выпитое вино не вызовут ли в са- e
мом деле иной эффект, а именно: на стороне
языка—ощущение горечи, со стороны же вина—
возникающую и распространяющуюся горечь,
и вино будет не горечью, а горьким, а я—не
ощущением, а ощущающим?

Теэтет.—Именно так.

Сократ.—Следовательно, я никогда не буду
ощущать так ничего другого, ибо иное ощущение
предполагает иное (предмет), и то, что действует
(активное начало), изменяет и делает ощущаю- 160
щего иным. И это делающее меня (так ощущаю-
щим), встретившись с другим, хотя и произведет
то же (т. е. акт ощущения), но не будет таким
же (ощущением), так как во взаимодействии
с другим, произведя иное, оно само будет иным.

Теэтет.—Так.

Сократ.—И действительно, ни я для самого себя не буду таким (так ощущающим), ни то для самого себя не будет с таким качеством (т. е. сладким или горьким).

Теэтет.—Нет.

Сократ.—Когда я ощущаю, необходимо,
чтобы я ощущал что-нибудь, так как невозмож-
но быть ощущающим и ничего не ощущать.
Когда делается сладкое или горькое или что- b
нибудь подобное, оно делается таковым в отно-
шении к кому-нибудь, ибо невозможно сладко-
му не быть ни для кого сладким.

Теэтет.—Совершенно так.

Сократ.—Очевидно, нам остается, как полагаю я, существовать во взаимной связи друг с другом, если мы существуем, или пребывать в процессе становления, если мы в нем пребываем, так как необходимость делает наше бытие взаимно обусловленным, но обусловленным не чем-нибудь иным и не нами самими.

Нам остается, следовательно, быть связанными взаимно, так что если называют что-нибудь существующим или становящимся, то должно говорить, что оно существует в отношении к чему-нибудь, или от чего-нибудь, или для чего-нибудь. Но, как показывает рассмотренное нами положение, нет ничего, что существует или становится само по себе, и не сле-
c дует ни самому говорить об этом, ни допускать, чтобы другие говорили.

Теэтет.—Совершенно верно, Сократ.

Сократ.—Но поскольку действующее на меня имеет отношение ко мне, а не к другому, не являюсь ли я тем, кто ощущает, а не другой кто?

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—Следовательно, мое ощущение истинно для меня, потому что оно всегда относится к моей сущности, и я, по Протагору,—судья существующего для меня, что оно существует, и не существующего, что оно не существует.

Теэтет.—Кажется, так.

Глава пятнадцатая

СОКРАТ О СЕБЕ

Сократ.—Итак, поскольку я не ошибаюсь d
и не заблуждаюсь в своем суждении относительно сущего или становящегося, то почему же я не могу знать того, чтó ощущаю?

Теэтет.—Не могу не знать.

Сократ.—Следовательно, ты прекрасно выразился, что знание есть не что иное, как чувственное восприятие. К тому же сводится оно и по Гомеру, и по Гераклиту с их последователями, говорящими, что все течет, подобно реке, и по Протагору, мудрейшему (который выставил тезис): человек—мера всех вещей, и,
по Теэтету, утверждающему, что при таком пред- e
положении знание есть ощущение. Не так ли, Теэтет? Не скажем ли: вот оно каково, рожденное тобою и воспринятое мною, как бабкой, дитя? Или как ты думаешь[31]?

Теэтет.—Естественно, так, Сократ.

Сократ.—Какой бы ни был этот плод, мы, как кажется, кое-как произвели его. Но после родов следует, как полагается, совершить амфидромии[32] и посмотреть, не скрывается ли за
этим плодом чего-нибудь недостойного пита- 161
ния, чего-нибудь пустого и ложного. Или ты думаешь, что надобно во всяком случае воспитывать его и не выбрасывать? Отнесешься ли ты спокойно к исследованию его и не слишком ли рассердишься, если его отнимут у тебя, как бы у впервые родящего?

Феодор.—Теэтет спокойно отнесется к этому, Сократ: он отнюдь не тяжелого нрава человек. Но, ради богов, скажи нам: разве опять что-нибудь не так сказано?

Сократ.—При всей твоей страсти к дискуссии ты человек добродушный, Феодор: ты полагаешь, что я мешок речей и мне легко, вынув оттуда речь, сказать, что высказанное суждение
b неверно. А в сущность дела не вникаешь[33], что речи исходят не от меня, а всегда от моего собеседника. Я же ничего больше не знаю кроме одной мелочи: выслушать речь другого мудреца и, терпеливо исследовав ее, понять. Вот и сейчас попытаюсь я проделать это с Теэтетом, не говоря сам ни слова.

c *Феодор.*—Ты прав, Сократ, так и поступай.

Глава шестнадцатая

НАЧАЛО ОПРОВЕРЖЕНИЯ.—ОБ «ИСТИНЕ» ПРОТАГОРА

Сократ.—Знаешь ли ты, Феодор, чему я удивляюсь в твоем друге Протагоре?

Феодор. — Чему?

Сократ.—Все прочее, что он сказал в своем произведении, мне очень нравится, как, например, вот это положение: что́ каждому является, то и есть в действительности. Но начало его произведения меня удивило: почему в начале своей «Истины»[34] он не сказал, что мерой всех вещей является свинья, или кинокефал, или другое какое-нибудь более странное, одаренное ощущением, животное. Для начала это было бы вели-

колепно. С величайшим высокомерием оно
показывало бы нам, что мы удивляемся ему, как
богу, за его мудрость, а между тем он по своему
разумению нисколько не выше головастика, не d
только что кого-либо из людей. Или иначе ска-
зали бы мы, Феодор? Если будет истиной для
каждого то, что он предполагает согласно свое-
му ощущению, если один не сможет лучше судить
о состоянии другого и не будет в состоянии
с большей основательностью исследовать чье-
нибудь мнение, чтобы сказать, правильно оно
или ложно, но, как уже не раз говорилось, каж-
дый будет иметь представление только о том,
что происходит в нем самом, и только это будет
правильным и истинным, поскольку каждый есть
мера своей мудрости, на каком основании, друг
мой, Протагор-то будет мудрым, чтобы считать
себя в праве быть учителем других за высокую e
плату[35], а нам быть невежественнее его и ходить
к нему учиться? как же не сказать, что Прота-
гор своей речью заискивает перед народом?
О себе и своем повивальном искусстве я уже мол-
чу. Как посмеиваются над нами да и над всей
нашей, полагаю я, диалектической методой!
Действительно, исследовать и заниматься вза-
имными опровержениями представлений и мне-
ний, которые для каждого являются правиль-
ными, не значит ли вдаваться в бесконечную 162
болтовню, если «Истина» Протагора оказывает-
ся истинной, а не звучит шуткой из священных
глубин его книги?

Феодор. — Протагор действительно — мой друг, как ты только что сказал, и мне не хотелось бы видеть его опровергнутым с помощью моего признания, но и тебе я не хотел бы противоречить вопреки моему убеждению. Вернись-ка опять к Теэтету. Во всяком случае он и теперь прислушивался к твоей речи очень внимательно.

b *Сократ.*—Разве ты, Феодор, счел бы для себя приличным не раздеваться и не показать своей фигуры, придя в Лакедемон и видя в палестрах голых людей и среди них некоторых слабого сложения?

Феодор.—Но почему ты полагаешь, что это было бы для меня неприличным, если бы они захотели убедиться моими доводами и позволить мне не раздеваться, вот, как, например, теперь я думаю убедить вас оставить меня в качестве зрителя и не волочить меня, немощного, на сцену для борьбы с человеком, который моложе и эластичнее меня?

Глава семнадцатая

ПЕРЕХОД К РАССМОТРЕНИЮ СЕНСУАЛИЗМА ВООБЩЕ.— ПЕРВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ЗНАНИЕ НЕ ЕСТЬ ОЩУЩЕНИЕ

c *Сократ.*—Если это тебе, Феодор, мило, так и мне не противно, как говорит пословица. Вернемся однако к мудрому Теэтету. Скажи-ка, Теэтет, прежде всего в отношении только что рассмотренного нами: не странно ли для тебя, что ты — вдруг оказывается — нисколько не

уступаешь в мудрости не только людям, но и богам? Или протагорова мера относится, по твоему мнению, не столько к богам, сколько к людям?

Теэтет.—Я-то этого не думаю, клянусь Зевсом, и твой вопрос очень удивляет меня. Ведь когда мы рассматривали прием, с помощью которого они утверждают, что то, что́ является
каждому, таково и в действительности, каким оно d
является ему, мне представлялось это утверждение прекрасным, а теперь вдруг оно превратилось в свою противоположность.

Сократ.—Потому что ты молод, дитя мое, поддаешься агитационным речам и пленяешься ими. А Протагор или кто-нибудь другой за него вот что скажет: Благородные юноши и старцы! вы, восседая здесь все вместе, ораторствуете подобно народным витиям, затрогивая в своих выступлениях богов, существования или несу-
ществования[36] которых я вовсе не касаюсь e
в своих как устных, так и письменных речах; вы же, слушая то, к чему сочувственно относится толпа, вслед за нею говорите то же, а именно: как странно, что человек в отношении мудрости ничем не отличается от скота. При этом никаких оснований, никакого неоспоримого доказательства не приводите, а пользуетесь против меня методом предположения. Однако, если бы Феодор или кто-нибудь другой из геометров захотел прибегнуть к подобному методу в геометрии, он рисковал бы своей репутацией. Смотрите

же, ты и Феодор, допустимо ли в столь важных вопросах ограничиваться методом предположе-
163 ния и вероятия.

Теэтет.—Ни ты, Сократ, ни мы не допустили бы такого неправильного утверждения.

Сократ.—Надо, как кажется, по твоему и мнению Феодора, избрать иной путь рассмотрения.

Теэтет.—Несомненно, иной.

Сократ.—Рассмотрим такое положение: знание и ощущение—одно и то же или нечто различное? К этому ведь направлялось все наше рассуждение, и ради него мы выдвинули такое множество странных утверждений. Не так ли?

Теэтет.—Точно так.

b *Сократ.*—Итак, признаем[37] ли мы, что все то, чтó мы ощущаем с помощью зрения или слуха, мы вместе с тем и знаем? Например, до изучения языка варваров скажем ли мы, что мы не слышим, когда они говорят, или мы скажем, что мы слышим и знаем, что они говорят? Или другой пример: не зная букв и глядя на них, будем ли мы утверждать, что мы не видим их, или что мы видим их и вместе с тем знаем?

Теэтет.—Мы скажем, Сократ, что мы знаем в них именно то, чтó мы в них видим и слышим. Именно, мы видим и знаем в буквах очертание и цвет их; в говоре варваров мы слышим и вме-
c сте с тем знаем повышение и понижение звуков. Но мы не ощущаем ни с помощью зрения, ни с помощью слуха и не знаем того, что преподают

относительно всего этого педагоги, обучающие чтению и письму, и толкователи.

Глава восемнадцатая

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ЧТО ЗНАНИЕ И ОЩУЩЕНИЕ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Сократ.—Прекрасно, Теэтет, и не следует спорить с тобой относительно этого, чтобы ты не проникся еще большей самоуверенностью. Однако обрати внимание вот на какое другое возражение и посмотри, как нам с ним справиться.

Теэтет.—На какое же?

Сократ.—А вот на какое. Если бы кого-нибудь спросили[38], возможно ли, получив знание d
чего-нибудь и сохраняя его в памяти, не знать того, чтó помнишь, тогда, когда помнишь? Но я, кажется, прибегаю ко многословию, желая спросить: разве некто, выучивший что-нибудь, не знает этого, сохраняя его в памяти?

Теэтет.—Как же возможно это, Сократ? Ты говоришь что-то нелепое.

Сократ.—Действительно, не говорю ли вздора? Посмотри-ка. Не говоришь ли ты, что видеть значит ощущать и что зрение есть ощущение?

Теэтет.—Говорю.

Сократ.—Так разве тот, кто увидел что-нибудь, не получил знания того, что он увидел, e
согласно только что высказанному положению?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Что же, разве ты не называешь чего-нибудь памятью?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Памятью ничего или чего-нибудь?

Теэтет.—Чего-нибудь, разумеется.

Сократ.—Не того ли, что мы узнали и ощущали?

Теэтет.—Чего же иначе?

Сократ.—Так не помним ли мы иногда то, что когда-нибудь увидели?

Теэтет.—Помним.

Сократ.—Даже закрыв глаза? Или забываем в таком случае?

164 *Теэтет.* Было бы странно утверждать это, Сократ.

Сократ.—Но тем не менее следует утверждать, если мы хотим спасти разбираемый тезис*. Иначе он отпадет.

Теэтет.—Я и предвижу это, хотя не совсем ясно представляю. Объясни мне.

Сократ.—Вот в чем дело. Тот, кто видит, говорим мы, знает то, чтó он видит. Ведь мы согласились, что зрение, ощущение и знание одно и то же.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Но, кто видит, тот и знает то, чтó он увидел, и помнит это, хотя бы и закрыл глаза и не видел. Не так ли?

Теэтет.—Так.

---

* Т. е., что знание есть ощущение.

Сократ.—Предложение «он не видит» означает «он не знает», поскольку видеть значит b знать.

Теэтет.—Верно.

Сократ.—Отсюда, следовательно, вывод: тот, кто узнал что-нибудь, не знает этого, если не видит, хотя и помнит. Вот это, говорим мы, и было бы нелепо, если бы имело место.

Теэтет.—Ты говоришь сущую правду.

Сократ.—Если бы кто-нибудь стал говорить, что знание и ощущение одно и то же, получилось бы, повидимому, что-то совершенно невозможное.

Теэтет.—Согласен.

Сократ.—Следовательно, должно утверждать, что то и другое не одно и то же.

Теэтет.—Склоняюсь к этому.

Сократ.—Что же такое, в самом деле, собственно знание? Приходится, повидимому, снова c вести исследование по этому вопросу. Что же нам делать, Теэтет?

Теэтет.—В отношении чего?

Сократ.—Мы уподобляемся трусливому петуху: уклонились от борьбы и запели, прежде чем победили.

Теэтет.—Как так?

Сократ.—Подражая эристикам, мы предпочитаем условиться относительно определенного значения слов* и таким образом одержать

---

* См. выше: зрительное восприятие, ощущение и знание—одно и то же.

в разговоре верх. Выдавая себя не за борцов, а за философов, мы незаметно становимся на
d один путь с теми отчаянными мужами.

Теэтет.—Я еще не понимаю, что́ ты говоришь.

Сократ.—А я попытаюсь разъяснить тебе мою мысль. Ведь мы спрашивали: разве тот, кто узнал что-нибудь и помнит, действительно не знает этого,—и доказали, что увидевший что-либо и закрывший глаза хотя и помнит это, но не видит*; отсюда же мы сделали вывод, что не знающий есть вместе с тем и вспоминающий, а это невозможно. И таким образом отпадает протагоров, а вместе с тем и твой вымысел о том, что знание и чувственное восприятие или ощущение—одно и то же.

e *Теэтет.*—Кажется, так.

Сократ.—Этого не было бы, полагаю, если бы еще был жив отец этого вымышленного положения: он отважно защищал бы его. А мы вот топчем в грязи этого сироту, и опекуны, оставленные Протагором, а из них и вот этот Феодор не хотят выступить на защиту его. В таком случае нам самим в интересах справедливости должно быть придется помочь ему.

Феодор.—Не я, Сократ, а скорее Каллий,
165 сын Гиппоника, опекун наследства Протагора. Мы же как-то вдруг от абстрактных слов пере-

---

* Следовательно, и не знает

кинулись к геометрии. Все же мы будем тебе благодарны, если ты поможешь ему.

Сократ.—Прекрасно, Феодор. Присматривай, как я буду помогать. Ведь, если пренебречь обычным способом употребления утверждения и отрицания (в предложениях), то можно будет согласиться на более сильные выражения*. К кому мне обратиться: к тебе или Теэтету?

Феодор.—К нам обоим, а отвечает пусть младший: за ошибки не так будет стыдно ему. b

Глава девятнадцатая

ТРЕТЬЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ СЕНСУАЛИЗМА

Сократ.—Итак, я выдвигаю ужаснейшую** проблему. Таковой, полагаю, является следующий вопрос: возможно ли, чтобы одно и то же лицо, которое знает что-нибудь, не знало бы того, чтó оно знает?

Феодор.—Что же мы ответим, Теэтет?

Теэтет.—Я, по крайней мере, полагаю, что невозможно.

Сократ.—Невозможно, если будешь полагать, что видеть и знать одно и то же. Действительно, как увернуться тебе от неизбежного вопроса, который держит тебя, по пословице, как в колодце, а неустрашимый человек, закрыв

---

* Против сенсуализма.

** Почему? Потому, что речь идет о положении, на котором, по всеобщему убеждению, покоится познание, именно о положении тожества.—*Перев.*

c тебе рукой глаз, спрашивает, видишь ли ты им свое платье?

Теэтет.—Закрытым, полагаю, не скажу, а другим—да.

Сократ.—Следовательно, ты видишь вещь и не видишь ее вместе с тем?

Теэтет.—При данном условии как будто так.

Сократ.—Не об этом речь, возразит он: спрашиваю я не о том, *как*, а о том, действительно ли ты не знаешь того, чтó ты знаешь. В данный момент тебе представляется, что ты видишь то, чего ты не видишь. Но ты согласился, что видеть значит знать, а не видеть—не знать. Делай отсюда вывод.

Теэтет.—Делаю вывод, что получается
d противоположное тому, что я предполагал.

Сократ.—Может быть, натолкнешься еще и на бóльшие затруднения, если кто-нибудь дальше спросит тебя, можно ли знать одно и то же ясно и неясно, вблизи—знать, а издали—не знать, знать полностью и слегка? И тысячи других вопросов может метнуть на тебя из своей засады какой-нибудь софистический пелтаст, вступающий в спор за плату, как только ты выставишь положение, что знание и ощущение, или чувственное восприятие,—одно и то же. Он будет осаждать твой слух и обоняние и все прочие твои чувства, с жаром опровергая тебя,
e и не отпустит тебя, пока ты, подавленный многожеланной мудростью, не попадешь к нему в

сети и не откупишься от него деньгами по обоюдному соглашению. Ты, может быть, спросишь: какую же защитительную речь стал бы держать Протагор в пользу своего положения? Не попытаться ли нам изложить ее?

Теэтет.—Конечно.

Глава двадцатая

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ПРОТАГОРА

Сократ.—Все, что мы говорим в его защиту, он, конечно, использует в своих интересах и, обрушившись на нас, как я полагаю, с презри- 166
тельной миной скажет следующее.

Этот вот почтенный Сократ поднял меня насмех в своих разговорах, когда какой-то мальчик, испугавшись и не проявив прозорливости, дал отрицательный ответ на вопрос: возможно ли, чтобы одно и то же лицо помнило и не знало какой-либо вещи. Фактически же, о, легкомысленный Сократ, дело обстоит таким образом: когда ты рассматриваешь путем вопросов какое-нибудь из моих положений и спрошенный тобой ошибается, хотя отвечает так, как я ответил бы, тогда опровергнутым оказываюсь я; но, ког- b
да он отвечает иначе, опровержение относится к нему. Так вот ты думаешь, с тобой согласятся, что если у кого-нибудь имеется память о вещах, которые он воспринимал, то впечатления о вещах у него остаются такими же, какими они были, когда вещи воспринимались, хотя бы они

теперь больше им не воспринимались? Далеко до этого. Или кто-нибудь не решится признать, что одно и то же лицо может знать и не знать одно и то же? Или если он устрашится перед подобным признанием, думаешь ли ты, что он согласится, что изменившийся человек все еще остается таким, каким он был до изменения? Или, лучше сказать, не один, а многие, так как их бесконечное число и изменения происходят
c беспрерывно, если уж необходимо остерегаться западни, которая может таиться в словах с той и другой стороны. Но, почтенный, скажет он, выступай против моих утверждений честно и, если можешь, докажи, что не у каждого из нас возникают своеобразные ощущения или, если прибегнуть к выражению *бытие*, не одному ему представляется такое бытие. Что же касается свиньи и кинокефала, то ты не только сам по-свински поступаешь по отношению к моим произведениям, но и слушателей своих понука-
d ешь к этому. Это нехорошо. Я, разумеется, утверждаю, что истина такова, как я писал о ней, а именно: каждый из нас есть мера существующего и не существующего, и один от другого отличается до бесконечности тем самым, что для одного существует и является одно, а для другого — другое. И я далек от того, чтобы говорить, что не существует ни мудрости, ни мудрого человека. Наоборот, я утверждаю, что тот самый и является мудрецом, кто в ком-нибудь из нас, кому мир бытия и явления представляется плохим,

умеет произвести такую перемену, что мир этот становится хорошим. Опять-таки не придирайся в моем учении к выражениям, но следующим e
образом еще глубже вникни в смысл того, о чем я говорю. Припомни, например, чтó было сказано раньше, а именно, что больному кажется пища горькой, что такая она и есть для него, а для здорового существует и кажется противоположной. Отсюда не следует делать заключения, что один из них мудрее другого, ибо совершенно невозможно ни стремиться доказать, что больной— 167
невежда, на том основании, что он высказывает одно мнение, а здоровый—мудрец, потому что держится противоположного мнения. А надо изменить состояние больного, ибо другое состояние лучше. Вот так же следует поступать и в деле воспитания людей, переводя их из одного состояния в другое, лучшее. Но врач изменяет состояние лекарствами, а софист рассуждениями. Впрочем, еще никто не заставил человека, высказывающего ложные мнения, высказывать впоследствии истинные, ибо невозможно иметь мнения относительно несуществующего, ни относительно всего прочего, исключая того, что вызывает в нас ощущения, а это всегда истинно. b
Но я полагаю, что тот, кто благодаря плохому состоянию души имеет соответствующие ей представления, благодаря хорошему состоянию души получает хорошие представления. Некоторые по неопытности называют эти представления истинными, я же хотя и считаю их лучшими

одно в отношении другого, но истинным в полном смысле ни одно из них не признаю. И я, любезный Сократ, далек от того, чтобы мудрецов называть лягушками (см. р. 161c), но я называю мудрецами врачей, если дело касается тела, и земледельцев, если речь идет о растениях. Ибо я говорю, что и земледельцы в случае заболевания растений заменяют у них дурные
c ощущения хорошими, здоровыми и вместе с тем также истинными, а мудрые и хорошие ораторы то же делают в отношении государств, так как им кажется справедливым хорошее, а не дурное. Действительно, что̀ каждому государству кажется справедливым и прекрасным, то и существует для него как таковое, пока оно так думает, а мудрец действует так, что на место существующего вредного для граждан наступает такое состояние, которое хорошо для них и кажется им таковым. На том же самом основании и софист, способный воспитывать своих учеников,
d является мудрецом и заслуживает больших денег за обучение. И так одни становятся мудрее других, и тем не менее никто не имеет ложного представления, и тебе—хочешь ты того или нет—следует признать, что ты являешься мерой вещей, ибо во всем только что сказанном заключается оправдание этого тезиса. Если ты предполагаешь снова оспаривать его, оспаривай путем ли непрерывной речи или, если хочешь, путем вопросов, ибо не следует избегать и этого метода, наоборот, здравомыслящему человеку

следует придерживаться его преимущественно. Однако поступай так, чтобы не злоупотреблять вопросами с целью оскорбления. Ибо весьма e
несообразно утверждать, что печешься о добродетели, и при этом постоянно нечестно поступать в своих речах. Нечестность же здесь состоит в том, что не проводится разница между словопрением и серьезной беседой. В первом допустимы и шутка и в определенных границах обман, но в серьезной беседе следует быть серьезным и направлять своего собеседника на истинный путь, указывая ему только те ошибки, которые исходят от него самого и от прежнего окружения 168
его. Ибо если ты будешь так поступать, то собеседники твои будут винить себя за свой беспорядок и затруднения, а не тебя; к тебе же они прильнут и будут любить тебя, себя же самих возненавидят и сбегут от себя в философию, чтобы измениться и покинуть тех, с кем были прежде. Но если ты будешь вести себя иначе, подобно многим, то и случится с тобой иное и, вместо того чтобы воспитать философов из своих учеников, ты внушишь им презрение к филосо- b
фии, которое проявится, когда они станут постарше. Итак, если послушаешь меня, то, сообразуясь с истиной, будешь исследовать, как уже прежде (см. р. 166) было сказано, без неприязни и задора, но с дружественным расположением содержание моего положения, что все находится в движении и, что̀ каждый себе представляет, то и есть в действительности как

для отдельного человека, так и для государства. И уж таким способом ты сделаешь вывод, представляют ли знание и ощущение, или чувственное восприятие, одно и то же, а не с помощью привлечения, как ты делал недавно, выражений и имен, беспорядочное пользование
c коими воздвигает перед обеими сторонами разнообразные затруднения. Вот, Феодор, какую помощь я оказал твоему другу, сообразуясь со своими силами: малое от малого. Но если бы он сам был жив, то своему учению он оказал бы более значительную поддержку.

Глава двадцать первая

ФЕОДОР О СОКРАТЕ В СВЯЗИ С ЕГО РЕЧЬЮ О ПРОТАГОРЕ

Феодор.—Шутишь, Сократ: ты очень мужественно помог ему.

Сократ.—Ты хорошо говоришь, друг мой. Но скажи-ка мне: обратил ли ты внимание на то, с каким порицанием только что говорил Прота-
d гор против того, что мы с рассуждением обращаемся к мальчику и испуг его используем для борьбы с его учением, и как он, третируя этот метод, как насмешку, и, превознося, с другой стороны, свою меру всех вещей, рекомендовал нам серьезным образом рассмотреть его учение?

Феодор.—Как же не обратить, Сократ?

Сократ.—Ну и что же, прикажешь повиноваться ему?

Феодор.—Непременно.

Сократ.—Ты видишь: все присутствующие

здесь—дети кроме тебя. Если будем повиноваться Протагору, нам, мне и тебе, придется путем вопросов и ответов серьезно рассмотреть его e
учение, чтобы он не мог бросить нам упрека, что мы, играючи с детьми, исследовали его учение.

Феодор.—Что же, разве Теэтет не с лучшим успехом сможет следить за ученым исследованием, чем многие с длинными бородами?

Сократ.—Но во всяком случае не лучше тебя, Феодор. Так не вообрази, что я всячески должен защищать твоего покойного друга, а ты 169
не должен. Нет, благороднейший, следуй-ка за мной, пока мы не увидим, не придется ли тебе быть мерой своих геометрических фигур, и столь же ли, как и ты, сильны все прочие в астрономии и прочих науках, в которых ты заслуженно пользуешься известностью.

Феодор.—Нелегко, Сократ, сидя около тебя, воздерживаться от разговора, и я очень ошибался сейчас, говоря (см. в конце гл. XVI), что ты позволишь мне не раздеваться и не будешь принуждать меня, как делают это лакедемоняне. Мне, наоборот, кажется, что ты больше походишь на Скирона. Лакедемоняне ведь предла- b
гают или удалиться, или раздеться, а ты поступаешь скорее, как Антей: пришедшего не отпускаешь, пока не заставишь его, раздевшись, поспорить с тобой на словах.

Сократ.—Ты, действительно, дал прекрасное изображение моей болезни, Феодор. Но я все-таки покрепче тех: уже много Гераклов и Тезеев, сильных словом, попадалось мне, которые сильно бивали меня, но я ничуть не усту-

паю. Так обуяла меня какая-то непреодолимая
c страсть к подобного рода упражнениям. Не откажись и ты померяться со мной и принести пользу себе и мне.

Феодор.—Не противоречу больше. Веди, куда хочешь. Побитому в споре надо безоговорочно покориться судьбе, которую ты предопределишь. Впрочем, я не смогу предоставить себя в твое распоряжение свыше той меры*, какую ты сам предлагаешь.

Сократ.—Достаточно и этого. Но будь особенно осторожен в том отношении, чтобы как-нибудь незаметно не придать нашему рас-
d суждению характера детской игры и вновь не подвергнуться порицанию за это.

Феодор.—Ну, да уж постараюсь, насколько хватит сил.

Глава двадцать вторая

КРИТИКА ТЕЗИСА: ЧТО КАЖДОМУ ЯВЛЯЕТСЯ, ТО И СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТОГО, КОМУ ЯВЛЯЕТСЯ

Сократ.—Итак, вернемся прежде всего к тому, что раньше было нами рассмотрено, и посмотрим, правильно или неправильно мы порицаем это учение за то, что оно признает каждого человека самодовлеющим в мудрости, между тем как Протагор согласился с нами, что одни люди превосходят других в отношении различения лучшего и худшего и что такие люди—мудрецы. Не так ли?

Феодор.—Так.

---

* Т. е. геометрических фигур (см. р. 169а).—*Перев.*

Сократ.—Если же он сам лично соглашал-
ся, а не мы делали это, защищая от его имени e
его философию, то и нет никакой необходимости
опять возвращаться к этому для большего под-
крепления. Но, может быть, кто-нибудь сочтет
нас неправомочными делать подобные* заяв-
ления за него. Поэтому уместно точнее догово-
риться относительно этого пункта, ибо немалая
разница, как обстоит это дело: так или иначе.

Феодор.—Правильно говоришь.

Сократ.—Такое заявление мы возьмем не 170
у кого другого, а непосредственно у самого
Протагора в его философии.

Феодор.—Как?

Сократ.—Вот как. Разве он не утверждает следующего положения: чтó каждому является, то и *существует* для того, кому является?

Феодор.—Да, он утверждает это.

Сократ.—Вот и мы, Протагор, не правда
ли, высказываем мнение человека, или, лучше
сказать, мнение всех людей, утверждая, что
нет такого лица, которое не считало бы себя
мудрее других в каком-нибудь отношении,
а других—мудрее себя в иных отношениях, что
среди величайших опасностей—на войне, во
время эпидемий или на море, когда свирепствует
буря,—они взирают на своих правителей, как
на богов, ожидая от них спасения и отличаясь b
от них не чем иным, как степенью знания. И во-
обще среди всех людей нет недостатка, с одной
стороны, в таких лицах, которые ищут учителей

* Т. е. что одни люди превосходят других в отношении различения лучшего и худшего.—*Перев.*

и правителей для себя и других живых существ, а также для своих работ, а с другой—в таких, которые считают себя способными учить и управлять. Что же иное сказать тут, как не то, что люди признают в себе и мудрость и невежество?

Феодор.—Ничего иного.

Сократ.—Не признают ли они мудрость истинной мыслью, а невежество ложным мнением?

c *Феодор.*—Почему же нет?

Сократ.—Как же нам обойтись с твоим тезисом, Протагор? Скажем ли мы, что люди всегда мыслят истинное, или что иногда—истинное, а иногда—ложное? Из обоих положений вытекает, что мнения у людей не всегда бывают истинными, а то истинными, то ложными. Действительно, посмотри, Феодор, захотел ли бы кто-нибудь из последователей Протагора или ты сам оспаривать то положение, что никто не считает другого ни невеждою, ни мыслящим неистинное?

Феодор.—Это невероятно, Сократ.

d *Сократ.*—И однако к этому приводит по необходимости тезис: человек — мера всех вещей.

Феодор.—Как же так?

Сократ.—Когда ты, составив себе суждение о чем-нибудь, сообщаешь его мне, оно для тебя, согласно тезису Протагора, должно быть истинным, а нам-то, всем прочим, разве не позволяется составить собственное суждение о твоем суждении, или мы всегда судим о тебе как об истинно мыслящем? Или тысяча людей всякий раз не выдвинет против тебя собственного мне-

ния в том убеждении, что ты рассуждаешь и мыслишь ложно?

Феодор.—Клянусь Зевсом, Сократ, действительно есть много тысяч, как говорит Гомер*, e
таких, которые причиняют мне много трудностей по этому поводу.

Сократ.—Так что же, хочешь ли, чтобы мы сказали, что тогда ты высказываешь истинное суждение для тебя, но ложное для многих тысяч людей?

Феодор.—Повидимому, этот вывод с необходимостью вытекает из тезиса.

Сократ.—Но что же следует для самого Протагора? Одно из двух: или он сам не думает, что человек—мера вещей, равно как не думает этого и большинство людей, тогда его произведение «Истина» вообще ни для кого не имеет
значения; или он сам так думает, а масса людей 171
не разделяет с ним этого мнения, тогда выходит прежде всего так, что чем больше число не разделяющих его положения, тем сильнее и перевес небытия над бытием.

Феодор.—Это бесспорно, поскольку бытие и небытие определяются согласно мнению.

Сократ.—Затем великолепен и такой вывод. Если Протагор допускает, что мнения всех людей истинны, то тем самым он признает, что истинно мнение тех людей, которые иного взгляда насчет его мнения, поскольку они полагают, что он заблуждается.

Феодор.—Конечно.

Сократ.—В таком случае не согласится ли

---

* «Одиссея», песнь XVI, 121.

b он, что его мнение ложно, поскольку он признает истинным мнение тех, которые полагают, что он заблуждается?

Феодор.—Необходимо согласится.

Сократ.—А другие разве не допускают со своей стороны заблуждения?

Феодор.—Разумеется, нет.

Сократ.—А Протагор в свою очередь разве не признает, что и это мнение истинно, судя по тому, что̀ он написал?

Феодор.—Кажется.

Сократ.—Следовательно, все—и прежде всего Протагор—преисполняются сомнения. А Протагор в особенности допустит его. Если возможно допустить, что мнение говорящего проти-
c воположное истинно, то и сам Протагор признает, что ни собака, ни любой человек не являются мерой ни одной непознанной вещи. Не так ли?

Феодор.—Так.

Сократ.—Поскольку, следовательно, все сомневаются, протагорова «Истина» ни для кого не является истинной: ни для кого-нибудь другого, ни для самого Протагора.

Феодор.—Мы слишком нападаем, Сократ, на моего друга.

Сократ.—А вместе с тем неясно, мой друг, не грешим ли мы против истины? Ведь он оче-
d видно старше нас и мудрее. А что, если он вдруг вылезет сейчас из земли до самых плеч?! По всей вероятности он основательно обругает и меня за пустословие и тебя за согласие со мной, прежде чем опять погрузиться в землю и исчезнуть. А нам необходимо, думаю, полагаться на самих себя, какими бы мы ни были, и всегда

высказывать то, что̀ нам представляется. Вот и теперь: что̀ действительно можем мы сказать, кроме того, что всякий, кто бы он ни был, признает, что один бывает мудрее другого, бывает и невежественнее?

Феодор.—Мне, по крайней мере, кажется так.

Глава двадцать третья

ТЕЗИС ПРОТАГОРА В ПРИМЕНЕНИИ К ГОСУДАРСТВУ.— ОБРАЗ ПРАКТИКА

Сократ.—Можем ли мы сказать, что удер-
жится главным образом тот тезис Протагора, e
который мы изобразили, помогая его защите, а именно: какими многие вещи представляются каждому, таковы они и в действительности—теплые, сухие, сладкие и все прочие подобного рода? Но если он признает в отношении некоторых людей преимущество одного перед другим, то тем самым охотно подтвердит, что в отношении пользы или вреда для здоровья не всякая женщина, не всякий ребенок и не всякое животное способны распознать, что̀ полезно им, и благодаря этому вылечить себя, и что уж в этом-то деле один будет иметь превосходство перед другим.

Феодор.—Я того же мнения. 172

Сократ.—То же самое и в области государственных дел прекрасным или постыдным, справедливым или несправедливым, святым или несвятым является то, что каждое государство считает таковым и на основе чего оно создает законодательные нормы, и в этих делах не существует разницы в отношении мудрости ни между частными гражданами, ни между государ-

ствами. Но в определении полезного или неполезного для государства опять-таки он согласится, как ни в чем другом, что один советник лучше другого и мнение одного государства лучше, чем другого, в отношении истины, и едва ли
b осмелится утверждать, что для государства при всяких условиях будет полезно то, что оно положило полезным для себя в своем мнении. Но в отношении того, о чем я говорю, т. е. в отношении справедливого и несправедливого, святого и несвятого, они* стоят на том, что ничто из этого не имеет своей сущности по природе и что истиной является мнение, сформировавшееся в государстве в данный момент и остающееся на все то время, пока такое мнение существует. И даже те, которые полностью не разделяют тезиса Протагора, относятся к нему почти как к мудрости.

Но разговор наш, Феодор, все больше увлекает нас в сторону, переходя от одного вопроса
c к другому, от более важного к менее важному.

Феодор.—Не будет ли это для нас передышкой, Сократ?

Сократ.—Повидимому. Я и раньше частенько размышлял, а ныне особенно одолевает меня мысль о том, сколь представляется естественным, что люди, долгое время занимавшиеся философскими исследованиями, кажутся смешными, когда выступают перед судом в качестве ораторов[39].

Феодор.—Что ты разумеешь под этим?

Сократ.—Люди, шатающиеся смолоду по

---

* Последователи Протагора.

судам и подобным учреждениям, по сравнению с посвятившими себя философии или другой подобной науке представляются мне занимающими такое же положение, как рабы в отношении свободных*. d

Феодор.—Каким это образом?

Сократ.—Таким, что последние—воспользуюсь твоим выражением—всегда имеют передышку и мирно проводят ее в рассуждениях. Подобно нам, в третий раз переменяющим теперь содержание своего рассуждения, и они поступают так же, когда подвернувшийся вопрос представляет больший интерес, чем обсуждаемый. При этом имеется в виду не то, что коротко или длинно рассуждают, а исключительно интерес истины. Но другие, наоборот, всегда говорят спеша: их погоняет течение воды. Им не позволяется говорить, чтò они желали бы. Рядом стоит противник с принудительным средством в руках в виде формулы обвинения, от которой воспрещено уклоняться. Это — антомосия**. Свои речи, составленные всегда в пользу обвиняемого, они держат перед господином, сидящим за судейским столом и держащим в руках решение их судьбы. Борьба никогда не ведется за неопределенные цели, а всегда за какой-нибудь интерес, а часто и за жизнь обвиняемого. Вследствие e 173

* Т.е. философов. Ср. *Арист.*, Мет., *Платон*, Соф., 283с, Горгий, 485с.—*Перев.*

** Антомосия—взаимная клятва обвинителя и подсудимого на суде; со стороны обвинителя в том, что обвинение его правильно, а со стороны подсудимого в том, что он в защите своей преследует интересы только истины.

всего этого они становятся энергичными и ловкими, умеющими польстить господину (судье) словом и угодить делом, но с мелкой и кривой душой. Ибо рабство лишило их еще с молодых лет порыва к величию, прямоте и независимости, понуждая их ходить кривыми путями и выставляя их еще нежные души навстречу великим страданиям и ужасам, которым они не могли противостоять, не обходя справедливости и истины. Обращаясь поэтому ко лжи и позоря-
b щим их взаимно действиям, они портят и уродуют себя в нравственном отношении, и так без какого-либо запаса здравого смысла они становятся взрослыми мужами и притом, по их убеждению, недюжинными и мудрыми. Таков образ этих людей, Феодор. Не хочешь ли перейти теперь к изображению людей нашего хора, или, обойдя их, вернемся к нашему исследованию, чтобы и нам слишком не злоупотреблять, как мы только что говорили, свободой изменять сюжет речи?

Феодор.—Никак нельзя, Сократ, обойтись
c без рассмотрения их. Ведь не мы, как ты совершенно разумно сказал, принадлежа к подобному хору, являемся рабами речей, а речи, так сказать, наши слуги, и каждая из них ждет момента, когда нам заблагорассудится довести ее до конца; ибо у нас не так, как у поэтов; нет ни зрителя, ни судьи, который председательствовал бы на нашем состязании, для того чтобы руководить им и выносить порицание.

Глава двадцать четвертая

ОБРАЗ ФИЛОСОФА

Сократ.—Поговорим, следовательно, до-
стойным образом, согласно твоему желанию,
о корифеях. К чему же говорить о тех, которые
занимаются философией поверхностно? Те[40]
же уже с юного возраста не знают пути ни на
площадь, ни туда, где суд, или совет, или d
иное какое государственное учреждение. За-
конов и постановлений, опубликованных в уст-
ной или письменной форме, не слышат и не видят.
Погоня за государственными должностями с
помощью политических связей, сходки, ужины,
пиры с флейтистками не снились им и во сне.
Родился ли в государстве высокого или низкого
звания человек, случилось ли с кем-нибудь
несчастие благодаря дурному поведению его
предков, мужчин или женщин,—обо всем этом
философ меньше осведомлен, чем о количестве
кружек воды в море. В отношении всего этого e
он даже не знает, что оно ему неизвестно. Не
ради тщеславия он воздерживается от такого
знания, а потому, что действительно в городе
пребывает только его тело, разум же его,
убежденный в полном ничтожестве вещей и пре-
исполненный презрения к ним, по словам Пин-
дара, носится повсюду, измеряя то, что на земле
и под землей, возносится до небес, созерцая
пути светил, и, исследуя повсюду природу 174
сущего во вселенной, он не нисходит до окру-
жающих его предметов.

Феодор.—Как ты понимаешь это, Сократ?

Сократ.—На примере Фалеса, наблюдавшего за звездами, понятно это, Феодор! Заглядевшись однажды на небо, он упал в колодец, а фракиянка одна, благопристойная и прелестная служанка, как рассказывают, посмеялась над ним: жаждет-де знать, что̀ на небе происходит, и не замечает, что̀ у него перед носом и под ногами. Эта насмешка [41] относится ко всем, кто проводит время
b в философствовании. Такой человек действительно не осведомлен ни о ближнем своем, ни о соседе, и не только не знает, что̀ он делает, но и человек ли он вообще или какое-нибудь животное. А между тем предметом его поисков и неутомимого исследования в отличие от других является вопрос о том, что̀ такое человек и что̀ присуще его природе. Понимаешь ли ты меня, Феодор, или нет?

Феодор.—Да, ты правильно говоришь.

Сократ.—Такой-то вот человек как в частном обращении с другими, так и в публичном
c выступлении, принужденный, как сказано было вначале*, говорить перед судом или в другом каком месте о вещах, которые у него под ногами и на глазах, вызывает смех не только фракиянок, но и всей черни, попадая по неопытности в колодцы и всякого рода затруднения, и эта ужасная беспомощность создает ему славу глупого человека. На брань он не может отвечать бранью, так как он не знает ни за кем ничего худого вследствие полного равнодушия к этому, и благодаря своей безвыходности он оказывается

* См. р.172е.

смешным. Когда он слышит, как хвалят других d
или хвастаются сами, он не притворно, а искренно смеется, и его принимают за явно пустого человека. Если превозносят перед ним тирана или царя, ему представляется, будто он слышит восхваление одного из сторожей, например, свинопаса, или овчара, или какого-нибудь пастуха коров по поводу того, что он получает много молока от своего стада. Только он полагает, что у тех* скот, который они пасут и доят, еще более
упрямый и злобный. Да впрочем подобного рода e
пастух по необходимости, за неимением досуга, бывает не менее, чем обыкновенные пастухи, дик и невежествен и живет на горе, обнесенной стенами, как в стойле. Услыша, что кто-нибудь, приобретя десять тысяч или более плетров земли, воображает, что владеет удивительно большим богатством, он думает, что слышит о пустяках, так как он привык окидывать своим взором всю землю. А если перед ним восхваляют благородство происхождения кого-нибудь, что вот у такого-то семь богатых предков, он полагает, что такая похвала исходит от людей узкого и ограниченного кругозора,
которые по невежеству неспособны направ- 175
лять свой взор на весь человеческий род в целом и мысленно представить, что у каждого из нас имелись неисчислимые мириады дедов и прадедов и среди них у любого бывали часто десятки тысяч богатых и бедных, царей и рабов, варваров и эллинов. Ему представляется невероятно мелочным хвастаться списком в двадцать пять

---

* Т. е. у царей и тиранов.

предков и возводить его к Гераклу, сыну Амфитриона. Он смеется над их немощью, неспособной освободить от суетности их неразумную душу и уяснить, что двадцать пятый от Амфитри-
b она вверх и пятидесятый от него человек был лишь таким, каким он случился по прихоти судьбы. За все это масса осмеивает философа, в одних случаях за кажущееся высокомерие его, в других—за незнание обыденных вещей и во всех случаях—за его беспомощность.

Феодор.—Ты говоришь, Сократ, о том, что постоянно происходит.

Глава двадцать пятая

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЗЛА В ЛИЦЕ ПРАКТИКА ДОБРУ В ЛИЦЕ ФИЛОСОФА

Сократ.—Но, мой друг, когда философ со своей стороны влечет кого-нибудь из этих людей
c ввысь и когда кто-либо захотел бы выйти из круга вопросов: какое зло я причинил тебе или ты мне? и перейти к рассмотрению справедливости и несправедливости самих по себе, т. е. к рассмотрению их по существу, чем они отличаются одна от другой и обе вместе от всего прочего, или от вопроса о счастье царя, приобревшего много золота, перейти к вопросу о царстве и человеческом счастье и несчастье вообще, чтобы рассмотреть, в чем то и другое состоит и каким способом человеческой природе надлежит находить одно и избегать другого,—когда этому
d человеку с мелкой, лукавой и сутяжнической душой приходится дать себе отчет во всем

этом, тогда он выявляет свой подлинный образ*. Свисая с высоты и смотря сверху вниз, от головокружения и непривычного положения он мучится, не знает, что̀ делать, издает варварские звуки и возбуждает смех уже не у фракиянок и прочего невежественного люда (они этого не замечают), а у всех тех, кто получил воспитание, противоположное рабскому. Вот тебе, Феодор, характер того и другого человека: один, которого ты, разумеется, называешь философом, воспи-
тан действительно на лоне свободы и досуга, e
он не считает для себя бесчестием слыть за простого человека и, попадая в положение раба, не стесняется, например, тем, что не умеет приготовить дорожный мешок, сделать приправу к кушанью или произносить льстивые речи; а другой, наоборот, может смастерить все это быстро и ловко, но он не умеет грациозно бросить плащ на правое плечо**, уловить гармони-
ческую стройность речей и правильно воспевать 176
истинную жизнь богов и счастливых людей.

Феодор.—Если бы ты, Сократ, убедил в истинности своей речи всех так же, как меня, то среди людей царил бы мир и было бы меньше зла.

Сократ.—Но невозможно исчезнуть злу, Феодор, потому что необходимо, чтобы всегда существовало что-нибудь противоположное

---

* Собственно, по-гречески *антистрофу*, т. е. противоположный образу философа. Это выражение заимствовано автором очевидно из греческой драмы.

** Признак благородного происхождения—класть плащ на левое плечо и отбрасывать направо.

добру*. И укоренилось оно не среди богов, а по необходимости бродит по земле в образе грешной природы человека. Поэтому-то и следует стараться как можно скорее убраться отсюда
b туда**. Это бегство есть посильное уподобление себя богу, а уподобиться богу значит стать справедливым и благочестивым на основе мудрости. Но нелегкое дело, мой друг, убедить в том, что надо избегать порока и приобщаться добродетели ради них самих, а не для того, чтобы, как говорит толпа, казаться добрым, а не злым. Ибо это последнее, по моему мнению, пустая болтовня старух, как говорится в пословице. А истина состоит в следующем. Бог не бывает несправедливым ни при каких обстоя-
c тельствах и никоим образом. Наоборот, он является справедливейшим, и нет ничего более подобного ему, чем то, что кто-нибудь из нас опять становится в высокой степени справедливым. С этой точки зрения определяются как истинная заслуга человека, так и его ничтожество и бессилие. Знание этого есть мудрость и истинная добродетель, а незнание—невежество и явное зло. Что касается других качеств, которые сходят за мудрость и выдающиеся

---

* Это положение Платона встречается во многих местах его произведений: «Тим.», р. 47, 69а и сл., «Гос»., X, р. 613а; «Зак.», X, р. 906 и «Полит.», р. 268 и сл. В идеалистической диалектике Платона оно играет роль в качестве средства для возвеличения богов и унижения человеческой природы.

** Это место имеет свою историю. Заимствованное, повидимому, у пифагорийцев, оно потом обошло весь эллинистический мир и все средневековье. У Платона см. еще в «Гос.», VI, р. 501, X, р. 613а и др.—*Перев.*

способности, поскольку они существуют у правительств, они бывают в тягость людям, а в ремесленных искусствах они низменны. Поэтому лучше всего человеку, приносящему обиду, на словах и на деле поступающему нечестно, d
преградить путь к злодеянию. Ибо такие люди хвастаются и гордятся таким позором и предполагают усмотреть в этом, что они не презренные твари, не бесполезное бремя на земле, а мужи, которых следует оберегать в государстве. И надо, следовательно, сказать им правду, что чем менее они думают быть тем, что̀ они собой представляют, тем более они такими именно являются. Они ведь не знают, какое наказание полагается за несправедливость, а это менее всего допустимо не знать. Оно состоит, как они полагают, не в ударах и не в смертной казни, от чего им удается ускользнуть, несмотря на все причиненное ими зло, а в таком наказании, какого избежать нельзя. e

Феодор.—Какое же ты имеешь в виду?

Сократ.—В мире истинного бытия, мой друг, существуют два образца: один—божественного счастия, другой—безбожный, образец бедствия. Но люди не видят, что так устроено, и по глупости и крайнему безумию не замечают, что благодаря своему неправильному поведению они становятся похожими на один и непохожими на другой. Проводя жизнь в соот- 177
ветствии с избранным образцом, они несут за это наказание. Но скажите им, что, если они не освободятся от этого своего качества, их после смерти не примет то свободное от зол место и они как злые будут вести жизнь, подобную здешней,

в обществе злых,— для этих злодеев прозвучит эта речь как из уст каких-то безумцев.

Феодор.—Верно как нельзя больше, Сократ.

b *Сократ.*—Да, я знаю, друг мой! Но при этом с ними случается вот что: когда их заставят в частном разговоре дать отчет о том, что̀ они порицают, и согласиться на то, чтобы в течение некоторого времени мужественно поддерживать беседу и не уклоняться от нее малодушно, тогда странным образом им самим в конце концов перестают нравиться их собственные речи и меркнет все их красноречие, так что они перестают, повидимому, чем-нибудь отличаться от детей. Но оставим это как мимоходом брошенное замечание. В противном случае все больший
c приток отступлений поглотит основную тему нашего разговора. Вернемся к ней, если ты согласен.

Феодор.—Слушать подобные отступления, Сократ, для меня составляет не меньшее удовольствие. В моем возрасте за ними легче следить. Тем не менее вернемся к нашей теме, если тебе угодно.

Глава двадцать шестая

КРИТИКА ПОЛОЖЕНИЯ, ЧТО ВСЯКОЕ МНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ИСТИННО.—ТЕЗИС ПРОТАГОРА О ЧЕЛОВЕКЕ-МЕРЕ ОТНОСИТСЯ ЛИ К ФАКТАМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ?

Сократ.—Мы остановились на том месте в нашем разговоре, где мы сказали следующее: люди, говорящие, что бытие движется и что то,

что каждому человеку всегда является, таковым оно и бывает для того, кому является, склонны утверждать это и в отношении всего прочего, d
особенно же в отношении справедливости, а именно, что то, что возведенное государством в закон кажется ему справедливым, то и бывает для него справедливым, пока существует закон. Что же касается блага, то никто еще не имеет настолько мужества, чтобы осмелиться утверждать, что то, что государство в интересах общественной пользы установило, то действительно и бывает полезным столько времени, сколько остается в силе постановление, за исключением разве случая, когда говорилось бы о пользе лишь по имени. Но это было бы чистой насмешкой над предметом нашего разговора. Не так ли?

Феодор.—Во всяком случае. e

Сократ.—Не будем же говорить об имени, а поставим на рассмотрение дело, обозначаемое именем.

Феодор.—Пусть так.

Сократ.—Но всякое государство, делая предписания, метит, без сомнения, именно в то, что̀ обозначается именем, и все законы издает оно для себя, по силе его разумения и возможности, самые полезные. Или что-нибудь иное преследует оно своими законами?

Феодор.—Отнюдь нет. 178

Сократ.—Однако всегда оно добивается своей цели, или во многих случаях и ошибается?

Феодор.—Я-то думаю, что и ошибается.

Сократ.—Еще легче всякий пойдет на подобное признание в том случае, если поста-

вить вопрос о всем *роде* в целом, к которому относится *полезное*. Но полезное относится и к будущему времени. Ведь когда мы издаем законы, то это делаем мы в расчете на пользу от них в последующем времени, что̀ правильно назвать будущим временем.

b *Феодор*.—Во всяком случае.

Сократ.—Спросим же Протагора или когонибудь из его последователей таким образом: Ты говоришь, Протагор, что человек—мера всех вещей, белых, тяжелых, легких, не исключая никаких, ибо он в себе заключает критерий их и, думая, что они таковы, каковы впечатления от них, считает их истинными и действительными. Не так ли?

Феодор.—Так.

Сократ.—Но имеет ли он, Протагор, в себе критерий, скажем, и для будущих вещей, и такими ли они будут для него, какими он сей-
c час себе их представляет? Возьмем, например, теплоту. Какой-нибудь несведущий в медицине человек думает, что он схватит лихорадку и у него будет высокая температура, а другой, врач, полагает иначе. По какому из этих двух мнений, скажем мы, произойдет будущее: по мнению ли обоих, так что для врача у человека не будет ни температуры, ни лихорадки, а для самого человека и то и другое?

Феодор.—Было бы смешно.

Сократ.—А в отношении сладости и тер-
d пкости будущего вина важно, полагаю я, мнение винодела, а не игрока на лире?

Феодор.—Как же иначе?

Сократ.—О гармонии или дисгармонии

учитель ли гимнастики будет лучше судить или музыкант, мнение которого впоследствии признает правильным и сам учитель гимнастики?

Феодор.—Ни в коем случае.

Сократ.—Равным образом и суждение о будущем удовольствии того, кто, не зная поварского искусства, подготовляет пиршество, будет менее значительным, чем суждение повара. Ибо мы спорим не об удовольствии, которое каждый испытывает теперь или испытал в прошлом, e
а об удовольствии в будущем: будет ли существовать для каждого человека то, что ему кажется, и будет ли каждый для себя лучшим судьей? Или ты, Протагор, лучше, чем кто-либо из простых смертных, предусмотришь, что̀ в словах каждого из нас будет убедительным для суда?

Феодор.—Как раз в этом отношении Протагор определеннейшим образом настаивает на своем превосходстве над всеми людьми.

Сократ.—Правильно, клянусь Зевсом, мой милый! Иначе никто не давал бы ему больших денег за обучение, если бы он не убедил своих 179
учеников, что ни прорицатель, ни кто другой не может судить лучше, чем они сами, о том, что̀ будет и что̀ будет им казаться.

Феодор.—Очень верно.

Сократ.—Но и законодательство и польза не имеют ли в виду будущее время? И не согласится ли всякий человек, что государство часто при издании законов просчитывается насчет самого полезного для него?

Феодор.—Да, бывает.

Сократ.—Мы, следовательно, в праве сказать твоему учителю, что ему придется

b по необходимости признать, что один человек бывает мудрее другого и что более мудрый есть истинная мера, а мне, невежественному, нет никакой необходимости быть мерою, как принуждала меня к этому недавно произнесенная за него речь: хочешь—не хочешь, а будь мерой.

Феодор.—Таким способом, мне кажется, его тезис основательно побивается. Он, впрочем, побивается уже и тем, что сообщает решающую силу мнениям других, между тем как последние, очевидно, ни в коем случае не признают положения его истинными.

c *Сократ.*—И другими многими способами могло бы быть побито положение о том, что всякое мнение человека истинно. Но относительно присущих каждому чувственных восприятий, из которых возникают ощущения и соответствующие им мнения, труднее показать, что они не истинны. Впрочем, может быть, я неосновательно говорю. Ведь случится, пожалуй, что их и не поймаешь. И те, которые признают их очевидными и принимают за знания, может быть, говорят истину, и, следовательно, Теэтет не без достаточного основания полагал, что знание и чувственное восприятие—одно и то же. Поэтому d следует подойти поближе, как предлагала нам произнесенная за Протагора речь, и исследовать это постоянно текущее бытие, постучав по нем, как по горшку, чтобы по звуку узнать, цело оно или разбито. Борьба из-за него стала немаловажной и ведется между многими.

Глава двадцать седьмая

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГЕРАКЛИТА.— ТЕЗИС ИХ И ТЕЗИС ЭЛЕЙЦЕВ

Феодор.—Разумеется, немаловажной, тем более что в Ионии она принимает широкое распространение. Ведь последователи Гераклита с большой настойчивостью защищают это учение[42].

Сократ.—Тем больше основания для нас, друг мой Феодор, снова рассмотреть, как они сами ставят проблему. e

Феодор.—Совершенно верно. Ведь что касается, Сократ, догмата этих гераклитян, или, как ты говоришь, гомеровцев, и еще более древних учителей мудрости, то с людьми из Эфеса, которые выдают себя за специалистов в этом деле, так же трудно вести беседу об этом, как с бешеными. В полном соответствии с духом своих произведений они все в движении. Задерживаться на предмете исследования и на вопросе, спокойно в свою очередь отвечать и спрашивать 180
для них едва ли возможно; скорее можно даже сказать, что абсолютно невозможно: у этих людей совершенно исключается возможность покоя. Если же спросить о чем-нибудь у них, забросают тебя загадочными словечками, словно стрелами из колчана. Попросишь объяснения смысла сказанного, тебя поразят новым с перевернутым значением словом, и ты никогда ничего не добьешься от них. Да и между собою им не удается это. И они очень остерегаются, как бы не допустить чего-нибудь постоянного в своих словах или мыслях по тому соображе- b

нию, как мне кажется, что это вызовет остановку, против чего они ожесточенно воюют, изгоняя ее по мере своих сил отовсюду.

Сократ.—Может быть, ты видел этих людей в пылу борьбы и не участвовал в их мирной беседе, они ведь тебе не товарищи*. Но ученикам-то своим, которых они хотят сделать подобными себе, они дают, полагаю, объяснения по своему учению в положенное время.

c *Феодор.*—Каким ученикам? У них никто не бывает учеником другого, но каждый образуется сам собой, приходя в состояние энтузиазма[43], неизвестно, откуда берущегося, и каждый думает о другом, что он ничего не знает. От них, как я уже сказал, никогда не добьешься разъяснения по их догмату ни добровольно, ни насильно, ни против их воли. Нам самим придется приняться за это и исследовать как проблему.

Сократ.—И верно говоришь ты. Разве иную какую проблему, а не ту, что начало всех вещей—реки, океан и Тэфис, и ничто не стоит, мы переняли прежде всего от древних, скрывающих ее от толпы поэтическим покровом, а потом
d от позднейших, как более мудрых, открыто доказывающих это, чтобы и сапожники[44] восприняли и поняли мудрость их и отказались от глупой мысли, что одна часть сущего находится в покое, а другая—в движении, но, узнав, что все движется, прониклись бы уважением к ним?

* По мировоззрению.—*Перев.*

Но я чуть было не забыл, Феодор, что другие
проповедовали противоположное этому, а имен-
но, что бытие, чему имя—все, неподвижно e
и прочее, что̀ в противоречии со всеми теми
утверждали Мелиссы и Пармениды, что все
едино и само по себе неподвижно, не имея про-
странства, где бы оно могло двигаться. Как же
отнесемся мы, друг мой, ко всем этим филосо-
фам? Ведь, понемногу продвигаясь вперед,
мы незаметно попали в середину между двумя
направлениями, и, если мы, как-нибудь защи-
щаясь, не убежим от них, мы будем наказаны, 181
подобно мальчикам, играющим в палестрах
в диэлкюстинду[45], когда их схватывают и тянут
в противоположные стороны. Поэтому мне
кажется, что нам следует рассмотреть сначала
тех, с кого мы уже начинали, *с текущих*[46], и,
если окажется, что они говорят что-нибудь
стоящее внимания, мы присоединимся к ним
и постараемся уйти от других. Если же окажет-
ся, что поборники неподвижности космоса
высказывают более правильное положение, то
мы перебежим к ним, оставив тех, у кого само b
недвижимое приводится в движение[47]. Но, если
окажется, что ни одна сторона не говорит ни-
чего основательного, мы попадем в смешное
положение, полагая, что мы со своими слабыми
силами говорим что-нибудь дельное, если от-
вергаем учение древнейших и мудрейших му-
жей. Подумай поэтому, Феодор, полезно ли нам
итти навстречу такой опасности.

Феодор.—Мне представляется, Сократ, неизбежным исследование учений обоих направлений.

Глава двадцать восьмая

РАЗБОР ТЕЗИСА ГЕРАКЛИТЯН.—ДВА ВИДА ДВИЖЕНИЯ.—ТЕОРИЯ ДВИЖЕНИЯ И ТЕЗИС: ЗНАНИЕ ЕСТЬ ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Сократ.—Надо, следовательно, приступить
к рассмотрению, если ты одержим таким нетер-
пением. Мне представляется, что при рассмотре-
нии движения исходным пунктом является то,
c что̀ собственно они разумеют, утверждая, что
все движется. Я хочу сказать следующее: об
одном ли каком-нибудь виде движения гово-
рят они или, как мне кажется, о двух? Пусть
однако не мне одному это кажется, но принимай
участие и ты, чтобы вместе нести неприятно-
сти, если придется. Скажи мне: называешь ли
ты движением перемену места или также и вра-
щение на одном месте вокруг себя?

Феодор.—Называю.

Сократ.—Итак, пусть это будет один вид
движения. Нельзя ли назвать другим видом
движения, когда что-нибудь, оставаясь на од-
d ном и том же месте, стареет или из белого
делается черным, или из мягкого твердым, или
какое-нибудь другое изменение испытывает?

Феодор.—Я думаю, можно.

Сократ. — Необходимо. Следовательно, два[48] вида движения я устанавливаю: изменение и перемена места.

Феодор.—Правильно.

Сократ.—Установив такое различение, обратимся к тем, которые утверждают, что все движется, с вопросом: всем ли вещам, по вашему мнению, присущи оба вида движения: изменение и перемена места, или одним—оба вида e
движения, а другим—один какой-нибудь?

Феодор.—Клянусь Зевсом, не знаю, что сказать, но полагаю, что они сказали бы: оба вида.

Сократ.—Если бы они этого не сказали, друг мой, то оказалось бы, что у них одни и те же вещи движутся и находятся в покое, и в таком случае было бы также правильно сказать: мир неподвижен и вместе с тем мир движется.

Феодор.—Ты говоришь сущую правду.

Сократ.—Следовательно, поскольку необходимо, чтобы все двигалось и ничему не была
присуща неподвижность, то все всегда движется 182
всяким видом движения.

Феодор.—Необходимо.

Сократ.—Обрати внимание у них еще вот на что: не говорили ли мы, что возникновение теплоты, или белизны, или любого качества они объясняют таким образом, что одновременно с восприятием каждое из этих качеств движется между действующим и страдающим и что страдающее становится воспринимающим, а не ощущением, а действующее—качественным, а не качеством*? Может быть выражение *качество*

* Т. е. не представлять его себе в смысле общего понятия качественности.—*Перев.*

тебе кажется странным, уродливым, и ты нё понимаешь общего смысла его? Так пойми на
b основании отдельных частностей. Ведь действующее не бывает ни теплотою, ни белизною, но бывает теплым и белым, точно так же и в прочих случаях. Ты, должно быть, помнишь, что и в приведенных раньше (см. гл. XII, р. 156) объяснениях мы говорили, что ничто не является единым само по себе, ни действующим, ни страдающим, но из взаимной связи их возникают ощущения и ощущаемое; одно—действующее—становится чем-нибудь качественным, а другое—страдающее—ощущающим.

Феодор—Помню. Как же не помнить?

Сократ.—Все прочее из их философии остаc
вим без исследования, что̀ бы они так или иначе ни утверждали. Сосредоточимся лишь на одном пункте, цели нашего суждения, и спросим: все движется и течет, говорите вы, не правда ли?

Феодор.—Да, так они говорят.

Сократ.—Следовательно, в форме обоих видов движения, какие мы различили: в форме перемещения и изменения?

Феодор.—Как же иначе, если движение будет полным?

Сократ.—Итак, если бы было только перемещение и не имело бы места изменение, мы могли бы еще сказать, какого качества то, что̀, пространственно перемещаясь, течет. Или как?

Феодор.—Так.

Сократ.—Но поскольку белый цвет того, d
что течет, не остается постоянным, а изменяется, так что и сам белый цвет этот течет и превращается в другой цвет, возможно ли вообще обозначить какой-нибудь цвет вещи определенным названием, которое соответствовало бы истине?

Феодор.—Как же это возможно, Сократ? Или как возможно определить цвет или иное какое-нибудь качество, если, находясь в течении, оно постоянно ускользает, будучи произнесено?

Сократ.—Что же скажем мы о каком-нибудь чувстве, например, о чувстве зрения или слуха? Остаются ли зрение и слух всегда в од- e
ном и том же состоянии?

Феодор.—Не должны оставаться, если все движется.

Сократ.—Следовательно, с одинаковым основанием следует говорить, что мы что-нибудь видим и не видим, или иным каким образом что-нибудь чувствуем и не чувствуем, поскольку все абсолютно движется.

Феодор.—Не иначе.

Сократ.—А ведь чувственное восприятие есть знание, как я и Теэтет говорили?

Феодор.—Да, так было сказано.

Сократ.—Следовательно, на вопрос о том, что такое знание, мы тем самым ответили, что оно есть знание и незнание.

183 *Феодор.*—Повидимому.

Сократ.—Для того чтобы оказался правильным наш ответ, стремящийся доказать, что все движется, это было бы прекрасной поправкой к нему. Поскольку выяснилось, как оказывается, что при всеобщем движении всякий ответ, чего бы он ни касался, является одинаково правильным, то мы можем сказать: то-то *существует* так и не так или, если угодно, *становится* так и не так, чтобы нам не задерживаться на слове.

Феодор.—Правильно говоришь.

Сократ.—Кроме выражений *так* и *не так*, Феодор. Не следует и самого слова *так* упо-
b треблять, ведь *так* уже не движется; равным образом и *не так* не выражает движения. Приверженцам этого учения следовало бы прибегать к каким-нибудь новым словам, так как теперь они не располагают выражениями для своей гипотезы, кроме разве одного: *вообще никак*. Последнее больше всего подошло бы для обозначения полной неопределенности их учения.

Феодор.—Вот это действительно наиболее подходящий для них способ выражения.

Сократ.—Итак, Феодор, вот мы и покончили с твоим другом: мы ни в коем случае не согласны с ним, что всякий человек—мера всех
c вещей, если он не мудр. Не согласимся мы и с тем положением, что по теории всеобщего движения знание есть чувственное восприятие,

если только Теэтет не вкладывает сюда какого-нибудь иного смысла.

Феодор.—Прекрасно сказано, Сократ. Поскольку покончено с этим, я тоже должен быть освобожден от обязанности отвечать тебе, как было у нас условлено (см. в конце гл. XXI) на тот случай, когда мы исчерпаем беседу о тезисе Протагора.

Глава двадцать девятая

ВНЕШНИЕ ЧУВСТВА И ДУША; РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОБЛАСТЕЙ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Теэтет.—Нет, Феодор, не прежде, чем Сократ и ты исследуете учение тех, которые в свою очередь утверждают, что все стоит, как было недавно (см. в конце гл. XXVII) вами d
предположено.

Феодор.—Не молод ли ты, Теэтет, учить старших нарушать условия и, следовательно, поступать несправедливо? Приготовься-ка отвечать Сократу по остальным вопросам!

Теэтет.—Я готов, если угодно. Однако с большим удовольствием послушал бы ваше рассуждение по этому предмету.

Феодор.—Вызывать Сократа на разговор все равно, что вызывать всадников на состязание в бегах. Спрашивай только, и ответ не замедлит появиться.

Сократ.—Но мне кажется, Феодор, лучше

e не повиноваться тому, что приказывает Теэтет.

Феодор.—Почему же не повиноваться?

Сократ.—Воздерживаясь жестко подходить к рассмотрению Мелисса и других, утверждающих, что все едино и неподвижно, я все же меньше боюсь их всех, чем одного Парменида. Парменид представляется мне, говоря словами Гомера*, почтенным и вместе с тем страшным. Я был в обществе этого мужа, когда он был в очень преклонном возрасте, а я еще очень молодым, и предо мной выявилась совер-
184 шенно исключительная глубина ума. Поэтому я боюсь, что мы не поймем его слов и еще больше оторвемся от его мысли. Еще бóльшая опасность в том, как бы не остался нерассмотренным главный предмет нашей беседы—что̀ такое знание—из-за обильно переполняющих его речь фигуральных выражений, если мы увлечемся ими. Между тем вопрос, какой мы поднимаем теперь, необъятен по своему размеру, и он может потерпеть ущерб, если рассматривать его мимоходом. Если же рассматривать его во всей широте, отодвинется в тень проблема знания. Надо избежать и того

---

* «Илиада», III, 172: «Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!»

«Одиссея», VIII, 22: «Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них трепет почтительный...»

О Пармениде в других местах у Платона см. «Соф.», р. 217с, 273а, «Пармен.», р. 127, 136d.— *Перев.*

и другого. Тем более следует попытаться Теэтета, беременного мыслями в отношении знания, освободить от этого с помощью повивального искусства (майевтики). b

Феодор.—Надо делать так, согласно твоему мнению.

Сократ.—Итак*, в отношении сказанного обрати внимание, Теэтет, еще на следующее. Ты ведь ответил, что чувственное восприятие есть знание, не правда ли?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Если бы кто-нибудь спросил тебя, чем человек видит белое и черное и слышит высокий и низкий тона, ты, вероятно, сказал бы: глазами и ушами.

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Свободное без особенно тщательного отбора пользование словами и предложениями по большей части не является выражением неблагородства[49], а противоположное** этому скорее бывает признаком рабского духа; однако это бывает иногда необходимо. Нам, например, необходимо теперь опровергнуть ответ, который ты дал, как неправильный. Подумай, в самом деле, какой ответ правильнее: являются ли глаза тем, *чем* мы видим, или тем, c

---

* Начинается доказательство против сенсуализма с точки зрения учения об идеях.—*Перев.*

** Т. е. отчетливое, тщательное употребление слов.—*Перев.*

через что мы видим; уши есть ли то, *чем* мы слышим, или то, *через что* мы слышим?

Теэтет.—*Через что* мы ощущаем, мне кажется, Сократ, лучше выражения *чем.*

Сократ.—Было бы действительно странно,
d дитя мое, если бы в нас помещалось много чувств, как в деревянном коне[50], и если бы все они не сходились в одной общей форме нашего сознания—назвать ли ее душой или иначе как-нибудь,—благодаря которой мы воспринимаем все ощущения, проходящие через чувства как через органы этих ощущений.

Теэтет.—Да, так, кажется, лучше.

Сократ.—Но для чего я довожу свое исследование до такой точности? Для того, чтобы узнать, есть ли в нас такое единое начало, с по-
e мощью которого мы через глаза постигаем белое и черное и через чувства—другое что-нибудь, и сможешь ли ты, спрошенный об этом, свести все подобное к телу? Впрочем, может быть, лучше тебе самому сказать об этом путем ответов, чем мне затруднять себя вместо тебя. Отвечай же: к телу ли относишь ты или к чему другому то, через что ты чувствуешь теплое, жесткое, легкое и сладкое?

Теэтет.—Не к чему иному.

Сократ.—И пожелаешь ли ты согласиться со мной, что то, что ты чувствуешь с помощью
185 одного органа, ты не можешь чувствовать это посредством другого, например, с помощью зрения то, что ты чувствуешь с помощью слуха,

или с помощью слуха то, что ты чувствуешь с помощью зрения?

Теэтет.—Как же не пожелать?

Сократ.—Если, следовательно, ты мыслишь что-нибудь об обоих, то ты не можешь воспринять обоих ни посредством одного органа чувств, ни с помощью также другого?

Теэтет.—Конечно, нет.

Сократ.—В самом деле, в отношении звука и цвета не мыслишь ли ты относительно обоих прежде всего то, что это—два ощущения?

Теэтет.—Да, мыслю. b

Сократ.—И что каждое из них нечто отличное от другого и тожественное самому себе?

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—И оба они составляют два, а каждое из них едино.

Теэтет. И это верно.

Сократ.—Не в состоянии ли ты также рассмотреть, подобны ли они оба друг другу или не подобны?

Теэтет.—Может быть.

Сократ.—Посредством чего ты мыслишь все это относительно обоих? Ведь ты не в состоянии ни с помощью слуха, ни с помощью зрения схватить то, что является общим для них обоих. И вот еще доказательство того, о чем мы говорим: если бы возможно было относительно обоих исследовать, солены они или нет, то ты, я знаю, не затруднишься сказать, чем ты будешь

c исследовать, и окажется, что не зрением, не слухом, а чем-то иным.

Теэтет.—Чем же иным, как не способностью языка?

Сократ. Прекрасно. Но какая способность открывает тебе у всех предметов и у этих общее, чем ты называешь *бытие* и *небытие* и о чем теперь мы спрашивали тебя в отношении тех предметов? Какие органы определишь ты всему этому, с помощью которых то, что в нас чувствует, имеет ощущение о всех вещах?

Теэтет.—Ты говоришь о бытии и небытии,
d о сходстве и несходстве, о тожестве и различии, далее, также о едином и о том, что̀ еще числом о них высказывается? Очевидно, спрашиваешь также о чете и нечете и обо всем, что за этим следует,—через какой орган тела мы душою воспринимаем?

Сократ.—Ты, Теэтет, весьма хорошо следуешь за мной: это именно и есть то, о чем я спрашиваю.

Теэтет.—Но, клянусь Зевсом, Сократ, я не знаю, что̀ тебе сказать кроме того, что, по моему мнению, не существует никакого особого
e органа для этих предметов, как это было для тех; но, очевидно, душа сама собою рассматривает общее, относящееся ко всему.

Сократ.—Ты прекрасен, Теэтет, а не безобразен, как говорит Феодор, ибо прекрасно говорящий прекрасен и добр. Кроме того, что ты прекрасно отвечал, ты оказался еще добр

по отношению ко мне, избавив меня от обстоятельных разъяснений, поскольку для тебя стало ясно, что душа одно рассматривает сама по себе, а другое—с помощью телесных способностей*. Ведь это было то, что я сам думал и относительно чего я желал, чтобы оно и тебе таким же представлялось. 186

Теэтет.—Мне оно так и представляется.

Глава тридцатая

ЗНАНИЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ НЕ В ЧУВСТВЕННЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ, А В УМОЗАКЛЮЧЕНИИ О НИХ И ПОСТИГАЕТСЯ ДУШОЙ

Сократ.—К какой же стороне деятельности души ты относишь рассмотрение сущности? Ведь понятие сущности по преимуществу простирается на все.

Теэтет.—Я помещаю ее среди тех предметов, к которым душа направляется непосредственно сама по себе.

Сократ.—А также и подобное и неподобное, тожество и различие?

Теэтет.—Да.

Сократ.—А к чему, далее, отнесешь ты прекрасное, доброе и злое?

Теэтет.—И сущность этих вещей душа рассматривает, как кажется мне, во взаимном соотношении, взвешивая в самой себе

* δυνάμεων=сил, или, лучше сказать, употребляя современное выражение, органов.—*Перев.*

b прошедшее и настоящее в отношении к будущему.

Сократ.—Пусть так. Разве не через осязание душа воспримет жесткость жесткого и равным образом мягкость мягкого?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Душа у нас сама пытается судить о сущности их и о том, что̀ они представляют собою, и о взаимной противоположности их, и о сущности этой противоположности на основе тщательного исследования и всестороннего сравнения.

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Разве у людей и животных не тотчас же после рождения возникают впечатле-
c ния от природы, которые через органы тела направляются в душу, между тем как размышление о них, их сущности и пользе приходит с трудом, долгое время спустя, в результате продолжительной практики и воспитания, если вообще приходит?

Теэтет.—Совершенно верно.

Сократ.—Возможно ли постигнуть истину вещи, не постигнув сущности ее?

Теэтет.—Невозможно.

Сократ.—Тот, кто не постигнет истины вещи, будет ли в состоянии когда-нибудь знать ее (вещь)?

d *Теэтет.*—Как же возможно это, Сократ?

Сократ.—Следовательно, знание заключается не в чувственных впечатлениях, а в умо-

заключении о них, ибо сущность и истину этим путем, как видно, охватить можно, а тем нельзя.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Назовешь ли ты то и другое тожественным при наличии такого различия у них?

Теэтет.—Это было бы несправедливо.

Сократ.—Итак, под какое общее выражение подведешь ты все эти впечатления: видеть, слышать, обонять, охлаждаться, согреваться?

Теэтет.—Под выражение *чувственно вос-* e
принимать, не правда ли?

Сократ.—Следовательно, ты называешь все это чувственным восприятием?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—Этим, говорим мы, нельзя охватить истины, поскольку не охватывается сущность.

Теэтет.—Нельзя.

Сократ.—А, следовательно, и знания.

Теэтет.—Также нельзя.

Сократ.—Следовательно, чувственное восприятие и знание никогда не могут быть одним и тем же.

Теэтет.—Повидимому, нет, Сократ. Теперь в особенности стало совершенно очевидным отличие чувственного восприятия от знания.

Сократ.—Но мы начали наш разговор не
для того, чтобы найти, что̀ не есть знание, а для 187
того, чтобы определить, что̀ такое знание. Тем не менее мы настолько продвинулись вперед,

что придется искать его не в чувственном восприятии вообще, а в определении такого состояния души, в котором она бывает, когда она сама по себе непосредственно занимается рассмотрением сущего.

Теэтет.—А это называется, как я думаю, Сократ, составлять мнение.

Сократ.—Правильно думаешь, мой друг.
b Теперь, зачеркнув все предыдущее, рассуждай сначала, острее ли будет у тебя взгляд после такого продвижения вперед. Итак, скажи снова: *что̀ такое знание?*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (187в—201с)

КРИТИКА ТЕЗИСА: ЗНАНИЕ ЕСТЬ ИСТИННОЕ МНЕНИЕ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Глава тридцать первая

О ЛОЖНОМ МНЕНИИ, ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИИ

Теэтет.—Сказать, что знание есть всякое мнение, нельзя, Сократ, поскольку бывает и ложное мнение. По моему мнению, *знание есть истинное мнение*, и это пусть будет моим ответом. Если в процессе дальнейшего исследования окажется, как и сейчас, что это не так, попытаемся предложить какое-нибудь иное определение.

Сократ.—Однако в таком случае, Теэтет, следует разговаривать с большей готовностью, чем прежде, когда заметны были колебания в твоих ответах. Если так мы будем поступать, c
то мы достигнем одного из двух: или отыщем то, что ищем, или убедимся, что знаем хуже то, чего никак не знаем, и это было бы все же не безразличным для нас приобретением. Что же

теперь ты утверждаешь? Что существует два вида мнения—истинное и ложное, и что знание ты определяешь как истинное мнение?

Теэтет.—Да, теперь я так думаю.

Сократ.—Так стоит ли нам опять возвращаться к рассмотрению мнения?

Теэтет.—Что ты предполагаешь этим?

Сократ.—Беспокоит меня и теперь и раньше часто беспокоило то обстоятельство, что и сам
d я и другие находимся в большом затруднении, не будучи в состоянии объяснить, что это такое у нас за состояние и каким путем оно появляется.

Теэтет.—Какое?

Сократ.—Состояние иметь ложное мнение. Я и теперь еще колеблюсь: не отказаться ли нам от этого вопроса или рассмотреть его иным способом, чем это было сделано немного раньше*?

Теэтет.—Почему же не рассмотреть, Сократ, если так или иначе представляется это необходимым? Ведь ты и Феодор недурно говорили сейчас (см. гл. XXIII, р. 172) о досуге, что в подобных размышлениях ничто не заставляет нас спешить.

e *Сократ.*—Кстати припомнил. Может быть, не плохо вновь, так сказать, вернуться на пройденный путь. Лучше немного да хорошо, чем много да недостаточно.

---

* См. р. 183а; там отмечалось, что нельзя признать ложного мнения, если придерживаться теории движения.—*Перев.*

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Но как же? О чем идет речь? Утверждаем ли мы, что мнение бывает ложным при всяких условиях и один из нас высказывает ложное мнение, а другой истинное, и это заложено в нашей природе?

Теэтет.—Конечно, утверждаем. 188

Сократ.—Не присуще ли нам в отношении всех вещей вообще и каждой в отдельности знать или не знать их? Что же касается среднего между этими двумя состояниями—учиться и забывать, то я игнорирую его в данный момент, поскольку оно для исследования в настоящее время не имеет никакого значения.

Теэтет.—В самом деле, Сократ, ничего иного не остается по отношению к каждой отдельной вещи кроме как знать или не знать ее.

Сократ.—Не следует ли поэтому имеющему мнение иметь кое-какое мнение о том, что он знает или чего не знает?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—И, действительно, невозможно, чтобы знающий не знал того самого, что он знает, или чтобы незнающий знал то самое, чего b
он не знает.

Теэтет.—Невозможно.

Сократ.—Следовательно, человек, имеющий ложное мнение о том, чтó он знает, не полагает ли, что это не то, что он знает, а нечто отличное от того, что он знает, так

что, зная то и другое*, не знает ни того, ни другого?

Теэтет.—Но это невозможно, Сократ.

Сократ.—Таким образом, тот, кто имеет ложное мнение о том, чего не знает, думает ли, что это** есть нечто отличное от того, чего он не знает, и, например, не зная ни Теэтета, ни Сократа, не вообразит ли, что Сократ—Теэтет, а Теэтет—Сократ?

c *Теэтет.*—Как же это возможно?

Сократ.—Вообще недопустимо, чтобы кто-нибудь знаемое им принимал за то, чтó не знаемо, а незнаемое—за то, чтó знаемо.

Теэтет.—Ведь это будет чудовищно.

Сократ.—Как же возможно, чтобы кто-нибудь имел ложное мнение? Ведь вне данных возможностей, вероятно, нет места для мнения, если только мы или знаем все, или не знаем. А в данных условиях, повидимому, нигде не представляется возможность иметь ложное мнение.

Теэтет.—Сущая правда.

Сократ.—Следовательно, должно исследовать искомое, отправляясь не от знания и не-
d знания, а от бытия и небытия***.

---

* Т. е. и то, чтò он знает, как то, о чем он имеет мнение, и то другое, чтò не есть то, чтò он знает, как то, о чем он имеет мнение.—*Перев.*

** Т. е. то, о чем он имеет ложное мнение.—*Перев.*

*** Начинается второе доказательство невозможности ложных мнений. До этого места невозможность ложных мнений вскрывалась в отношении к субъекту,

Теэтет.—Как ты полагаешь?

Сократ.—Не представляется ли дело просто так, что для того, кто имеет мнение о чем бы то ни было несуществующем, невозможно не иметь ложного мнения, как бы он ни был, впрочем, богат знаниями.

Теэтет.—Похоже на то, Сократ.

Сократ.—Как? Что мы скажем, Теэтет, если кто-нибудь нас спросит: возможно ли для кого бы то ни было то, о чем говорится здесь, и кто из людей может иметь мнение о несуществующем, относится ли это к какой-нибудь конкретной вещи или вещи самой по себе? Наш ответ будет, вероятно, такой: только тогда, когда кто-либо, думая, ничего истинного* не думает. e
Или как ответим?

Теэтет.—Так.

Сократ.—Имеет ли место что-нибудь подобное и в других случаях?

Теэтет.—Что?

Сократ.—То, чтобы кто-нибудь, видя нечто, ничего не видел.

Теэтет.—Как это возможно?

Сократ.—Действительно, если кто-нибудь видит какую-нибудь одну вещь, он видит нечто существующее. Или ты полагаешь, что одно относится к несуществующему?

имеющему мнение, теперь же она рассматривается в отношении к объекту, составляющему содержание мнения.—*Перев.*

* Т. е. действительно сущего.—*Перев.*

Теэтет.—Нет, не полагаю.

Сократ.—Следовательно, видящий какую-нибудь вещь видит нечто существующее.

Теэтет.—Повидимому.

189 *Сократ.*—И тот, кто слышит что-нибудь, слышит нечто и, следовательно, нечто существующее.

Теэтет.—Да.

Сократ.—И тот, кто прикасается к чему-нибудь, прикасается к чему-то и, следовательно, к существующему, если к чему-то?

Теэтет.—И это верно.

Сократ.—И тот, кто имеет какое-нибудь мнение, не относит ли своего мнения к чему-нибудь?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—Имеющий мнение о чем-нибудь не о существующем ли имеет мнение?

Теэтет.—Согласен, что о существующем.

Сократ.—Следовательно, тот, кто имеет мнение о несуществующем, ни о чем не имеет мнения?

Теэтет.—Повидимому, не имеет.

Сократ.—Но ни о чем не имеющий мнения вообще не имеет мнения?

Теэтет.—Кажется, совершенно ясно.

b *Сократ.*—Следовательно, невозможно иметь мнение о несуществующем в отношении как конкретных вещей, так и вещи самой по себе вообще?

Теэтет.—Повидимому, невозможно.

Сократ.—Таким образом, выходит, что

иметь *ложное мнение* есть что-то иное, чем иметь мнение о несуществующем.

Теэтет.—Кажется, что-то иное.

Сократ.—Следовательно, ни в данном случае, ни в том, как немного раньше мы рассмотрели, не имеет места у нас ложное мнение.

Теэтет.—Нет, не имеет места.

Глава тридцать вторая

О ЛОЖНОМ МНЕНИИ КАК ИНОМЫСЛИИ

Сократ.—Но не назвать ли нам этим* именем следующее?

Теэтет.—Что?

Сократ.—Не назвать ли нам ложным мнением иномыслия: когда кто-нибудь считает нечто существующее за другое существующее, c
смешивая их в своем уме, все же имеет во мнении что-то существующее, только принимает одно за другое, не попадая на предмет своего рассмотрения. Не правильно ли назвать это ложным мнением?

Теэтет.—Очень правильное, как мне кажется, замечание. Ведь если кто-нибудь в своем мнении принимает безобразное за прекрасное или наоборот, то поистине он имеет ложное мнение.

Сократ.—Видно, Теэтет, ты презираешь меня и не боишься.

Теэтет.—В чем дело?

---

* Т. е. именем ложного мнения.—*Перев.*

Сократ.—Ты считаешь меня, как я думаю, неспособным придраться к твоему *поистине*
d ложному и спросить тебя, может ли что-нибудь притти в противоречие с самим собою, как, например, быстрое стать медленным, легкое—тяжелым и т. д., не по природе своей, а по природе противоположности? Впрочем, оставлю это, чтобы ты дерзал не по-пустому. Так тебе нравится, говоришь, иномыслие относить к ложному мнению?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Следовательно, по твоему мнению, можно полагать в уме что-нибудь одно, как что-то другое, а не как это самое одно?

Теэтет.—Конечно, возможно.

Сократ.—Если в чьем-либо уме происхо-
e дит это, должен ли он то и другое мыслить или одно из них?

Теэтет.—Необходимо. Или вместе, или по очереди.

Сократ.—Превосходно. Но что понимаешь ты под выражением «мышление»: то же ли, что и я?

Теэтет.—Что ты под ним разумеешь?

Сократ. Разговор, который ведет душа сама с собой о предмете своего исследования. Однако я даю объяснение, собственно, не как знающий. Мне представляется, что душа, размышляя, ничего иного не делает, как разгова-
190 ривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая. И тогда, когда она определила

что-нибудь, быстро или медленно поняла, в согласие с собой пришла и от колебания освободилась, мы полагаем это ее *мнением*, так что иметь мнение, по-моему, значит говорить, а мнение есть словесно выраженная речь, но не другому кому-нибудь и не голосом, а молча, самому себе*. А ты что думаешь?

Теэтет.—То же.

Сократ.—Следовательно, когда кто-нибудь имеет мнение о какой-нибудь вещи как о другой, он утверждает, как видно, самому себе, что это другая вещь.

Теэтет.—Несомненно. b

Сократ.—Припомни, говорил ли ты когда-нибудь самому себе, что прекрасное есть безусловно безобразное или несправедливое—безусловно справедливое, или, говоря вкратце, подумай, принимался ли ты когда-нибудь убеждать себя, что одно есть безусловно другое или совсем наоборот: ты даже и во сне никогда не отваживался сказать себе, что нечет есть действительно чет, или иное что-нибудь подобное.

Теэтет.—Ты правильно говоришь.

Сократ.—Придет ли тебе в голову мысль, c
что кто-нибудь, будучи в здравом уме, а не сумасшедшим, дерзнет говорить с самим собой и серьезно убеждать себя, что бык бесспорно есть лошадь или что два есть единица?

---

* То же определение см. «Соф.», 264a, «Филеб.», 38cd, «Тим.», 37b.

Теэтет.—Клянусь Зевсом, не придет!

Сократ.—Итак, если разговаривать с самим собой значит иметь мнение, то никто, кто высказывает то и другое, имеет мнение об этом и постигает душою, не мог бы ни сказать, ни составить себе мнение о том, что одно есть другое. И тебе надлежит отставить речь *о другом*. Я ведь стою на том, что никто не имеет мнения,
d что безобразное прекрасно и пр.

Теэтет.—Я и не допускаю, Сократ, одобряя то, что ты говоришь.

Сократ.—Следовательно, тот, кто имеет мнение о том и другом, не может думать об одном так, что оно есть вместе с тем и другое.

Теэтет.—Кажется, так.

Сократ.—Но имеющий мнение об одном, а отнюдь не о другом, никогда не будет представлять себе, что одно есть другое.

Теэтет.—Правильно, ибо он был бы принужден в таком случае охватить мыслью и то, чего не имеется у него во мнении.

Сократ.—Следовательно, нельзя допустить иномыслия ни для того, кто имеет мнение и о том и о другом, ни для того, кто имеет во мнении
e что-нибудь одно, так что тот ничего не высказывает, кто определяет ложное мнение как иномыслие. Ясно, таким образом, что ни этим, ни прежде указанным путем ложное мнение не имеет у нас места.

Теэтет.—По всей видимости, нет.

Глава тридцать третья

ПРИМЕР С ДОЩЕЧКОЙ, ПОКРЫТОЙ ВОСКОМ.— ЧЕТЫРНАДЦАТЬ УСЛОВИЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ ЛОЖНОГО МНЕНИЯ

Сократ.—Но, Теэтет, если окажется, что ложного мнения не существует, мы будем принуждены допустить много нелепого.

Теэтет.—Что же именно?

Сократ.—Я не скажу тебе, пока не попытаюсь подвергнуть вопрос всестороннему рассмотрению. Мне ведь было бы стыдно за нас, если бы мы вследствие нашей неуверенности принуждены были допустить то, о чем я говорю. 191
Но если мы найдем искомое и выйдем из состояния неуверенности, то, почувствовав себя вне опасности стать предметом насмешек, мы скажем о других то, что они сами находятся в таком положении*. Если же своей неуверенности мы окончательно не поборем, то, смирившись, как я думаю, и оставив на произвол судьбы свое исследование, позволим, подобно больным[51] морской болезнью, топтать себя ногами и обходиться с нами как угодно. Итак, слушай, какой еще путь исследования представляется мне возможным.

Теэтет.—Говори.

Сократ.—Я стану утверждать, что мы неправильно поступили, когда согласились, что тот, кто знает что-нибудь, не может иметь мне-

---

* Т. е. в положении, которое принуждает их допустить то, о чем я (Сократ) говорю.—*Перев.*

ния о том, что то, что́ он знает, есть то самое,
b чего он не знает, и, таким образом, заблуждаться. Все же некоторым образом это бывает возможным.

Теэтет.—Не то ли ты предполагаешь, что́ и я имел в виду, когда мы (см. гл. XXI, р. 188) делали такое признание? Иногда, действительно, бывает так, что я, зная Сократа, а издали видя другого, незнакомого мне человека, думаю, что это—знакомый мне Сократ. В таких случаях, разумеется, бывает то, о чем ты говоришь.

Сократ.—Поэтому не отказаться ли нам от этого положения, согласно которому выходило, что мы не знаем того, что́ мы знаем?

Теэтет.—Конечно, отказаться.

Сократ.—Мы, следовательно, будем теперь исходить не из того предположения, а из другого, может быть, с большим успехом, а, может
c быть, и неудачно. Положение, в котором мы находимся, заставляет нас прибегать ко всестороннему исследованию предмета. Соображай, прав ли я. Возможно ли впоследствии научиться тому, чего раньше не знал?

Теэтет.—Конечно, возможно.

Сократ.—А затем снова чему-нибудь в другой раз, в третий?

Теэтет.—Почему нет?

Сократ.—Вообрази в интересах нашего исследования, что в душе у нас имеется покрытая воском[52] дощечка, у одного—побольше, у дру-

гого—поменьше, у одних из более чистого воска, у других—из более грязного, кое у кого воск пожестче, а у иных—помягче. Есть и такие, d
у кого в меру покрыта воском.

Теэтет.—Воображаю.

Сократ.—Предположим теперь, что эта дощечка есть дар матери муз Мнемозины*, и на ней мы оттискиваем как бы в форме отпечатка от кольца то, что́ хотим удержать в памяти из того, что́ мы увидим, услышим или сами выдумаем, подставляя ее под наши ощущения и мысли. Запечатленное на дощечке мы помним и знаем, пока на ней сохраняется изображение. Когда же оттиск стирается или уже становится e
невозможным делать новые отпечатки, мы забываем и не знаем.

Теэтет.—Пусть так.

Сократ.—Взвесь теперь, может ли некто, размышляя над тем, что́ он видит или слышит, и обладая знаниями об этом, иметь ложное мнение следующим образом.

Теэтет.—Каким?

Сократ.—Воображая, что то, что̀ он знает, с одной стороны, есть то, что̀ он знает, а с другой—есть то, чего он не знает. Ведь, соглашаясь раньше, что это невозможно, мы неправильно соглашались.

Теэтет.—Как же теперь ты понимаешь это?

Сократ.—Надо снова сделать разъяснение 192

---

* Μνημοσύνη—воспоминание.—*Перев.*

об этом, устанавливая следующие различения: невозможно, *во-первых*, чтобы то, что̀ кто-нибудь знает, имея в душе отпечаток этого, но не воспринимая его в ощущении, принималось за что-то другое, что̀ он знает, тоже нося в себе оттиск его, но не имея его в чувственном восприятии; невозможно, *во-вторых*, чтобы то, что̀ кто-нибудь знает, принималось за нечто такое, чего он не знает и отпечатка чего в себе не имеет; невозможно, *в-третьих*, чтобы то, чего кто-нибудь не знает, принималось им за нечто такое, чего он не знает; *в-четвертых*, чего он не знает, за нечто такое, что̀ он знает; *в-пятых*, и чтобы то, что̀ он ощущает, принималось им за нечто иное по сравнению с тем, что̀ он ощущает; *в-шестых*, чтобы то, что̀ он ощущает, принималось им за нечто такое, чего он не ощущает; *в-седьмых*, чего не ощущает,—за нечто та-
b кое, чего он не ощущает; *в-восьмых*, чего он не ощущает,—за нечто такое, что́ он ощущает. Далее, еще менее возможно по сравнению с предшествующим, чтобы, *в-девятых*, то, что̀ кто-нибудь знает и ощущает и от последнего имеет отпечаток, принималось за нечто такое, что отлично от того, что̀ он знает и ощущает и отпечаток чего он точно так же имеет. Невозможно, *в-десятых*, чтобы то, что̀ кто-нибудь знает и ощущает, имея подлинный оттиск его, принималось за нечто отличное от того, что̀ он знает; *в-один-*
c *надцатых*, чтобы то, что̀ кто-нибудь знает и ощущает при тех же условиях, принималось за

нечто отличное от того, что̀ он ощущает; *в-двенадцатых*, чтобы то, чего кто-нибудь не знает e
и не ощущает, принималось за нечто иное по сравнению с тем, чего он не знает и не ощущает; *в-тринадцатых*, чтобы то, чего кто-нибудь не знает и не ощущает, принималось за нечто отличное от того, чего он не знает; и, *в-четырнадцатых*, чтобы то, чего кто-нибудь не знает и не ощущает, принималось за нечто отличное от того, чего он не ощущает. Во всех этих случаях бросается в глаза совершенная невозможность иметь ложное мнение. Однако есть некоторые случаи, когда это бывает, поскольку это вообще возможно.

Теэтет.—В каких же случаях? Не лучше ли я пойму из этих указаний. Ведь теперь я уже не следую за тобой.

Сократ.—В таких случаях, когда то, что̀ кто-нибудь знает, принимается за нечто отличное от того, что́ он знает и ощущает; или, когда нечто, чего кто-нибудь не знает, но что̀ он ощущает; или, когда то, что̀ кто-нибудь знает и ощущает, принимается за нечто отличное от того, что̀ он тоже знает и ощущает. d

Теэтет.—Теперь я еще больше отстал от тебя.

Глава тридцать четвертая

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБОИХ ВИДОВ МНЕНИЯ: ИСТИННОГО И ЛОЖНОГО

Сократ.—Попробуй снова проследить то же на следующем примере. Я знаю Феодора и

представляю по памяти, каков он; знаю также и Теэтета. Иногда вижу их, иногда нет; кое-когда соприкасаюсь с ними, а в другое время нет. Точно так же слышу о них или какое-нибудь иное ощущение воспринимаю от них, а затем опять прекращается всякое чувственное восприятие от вас. Тем не менее помню ли я вас и знаю ли по тому, что̀ ношу о вас в себе?

e *Теэтет.*—Конечно.

Сократ.—Пойми, следовательно, прежде всего то, что̀ я хочу выяснить тебе, а именно: то, что̀ кто-нибудь знает, можно и не ощущать, а иногда и ощущать.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Но не бывает ли и так, что кто чего-нибудь не знает, того часто он и не ощущает, а часто только ощущает?

Теэтет.—Бывает и это.

Сократ.—Смотри, легче ли тебе теперь
193 следовать за мной. Сократ знает Феодора и Теэтета, но он не видит никого из них и никакого иного ощущения не получает от них. Тем не менее он никогда не составил бы про себя мнение о том, что Теэтет есть Феодор. Прав я или нет?

Теэтет.—Да, прав.

Сократ.—Итак, вот это первый случай из тех, о которых я говорил (см. в начале гл. XXXIII, р. 191).

Теэтет.—Действительно, первый.

Сократ.—Второй случай: одного из вас

зная, а другого не зная и ни одного из вас чувственно не воспринимая, я никогда не подумал бы, что знакомый мне есть тот, с которым я незнаком.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Третий случай: никого из вас не зная и чувственно не воспринимая, я не по- b думал бы, что незнакомый мне есть кто-то иной по сравнению с теми, кого я не знаю. Проследи, как бы вновь по порядку прослушав, все приведенные раньше случаи. Ни в одном из них я никогда не составлю себе ложного мнения ни о тебе, ни о Феодоре, независимо от того, обоих ли вас я знаю или не знаю, или одного знаю, а другого не знаю. И в отношении чувственных восприятий дело обстоит так же, если ты понимаешь меня.

Теэтет.—Понимаю.

Сократ.—Остается, таким образом, следующий случай ложного мнения. Я знаю тебя и Феодора и ношу в себе на той восковой дощечке c как бы оттиск от вас обоих. Видя вас обоих издали и недостаточно отчетливо, я стараюсь свойственный каждому из вас знак поставить в соответствие со своим зрительным ощущением, приладить и примерить это ощущение с оставшимся у меня его следом, чтобы узнать вас. Но я этого не достигаю и, как при обувании перепутывая сапоги, зрительное восприятие от одного отношу к знаку другого, или, как при отражении в зеркале, правую сторону смеши-

d вая с левой, ошибаюсь относительно обоих. В этом случае имеет место иномнение и ложное мнение.

Теэтет.—Да, повидимому, так, Сократ. Твое сравнение поразительно соответствует тому, что̀ происходит при возникновении ложного мнения.

Сократ.—И еще: я знаю вас обоих, но одного кроме того чувственно воспринимаю, а другого чувственно не воспринимаю, о чем я говорил немного раньше (см. в конце гл. XXXIII), и ты не понимал меня тогда.

Теэтет.—Да, не понимал.

Сократ.—А между тем я говорил о том, что,
e если кто-нибудь знает другого и чувственно воспринимает его и это знание соответствует восприятию от него, никогда он не примет его за кого-нибудь другого, которого он тоже знает и чувственно воспринимает и знает именно так, что знание соответствует восприятию. Так ли я говорил?

Теэтет.—Так.

Сократ.—Остался, следовательно, случай, о котором сейчас говорим (см. р. 193с): мы утверждаем, что ложное мнение возникает, когда
194 я знаю вас обоих и вижу или иным каким образом чувственно воспринимаю обоих, но знак каждого из вас не соответствует чувственному восприятию от вас, и я подобно плохому стрелку промахиваюсь и не попадаю в цель. Вот это и называется заблуждением.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—И когда, таким образом, по отно-
шению к одному знаку имеется в наличности
чувственное восприятие, а по отношению к дру-
гому не имеется и знак отсутствующего восприя-
тия приспособляется к наличному, мысль без-
условно заблуждается. Словом, нельзя, пови- b
димому, заблуждаться и иметь ложное мнение
относительно того, чего кто-нибудь не знает
и никогда чувствами не воспринимал, если мы
теперь правильно ведем исследование. Что же
касается того, чт̀о мы знаем и чувствами воспри-
нимаем, то как истинное, так и ложное мнение
эту именно область и объемлют.

Мнение становится истинным, если оттиски и образы, соответствующие известному предмету, оно сводит к нему непосредственно, и ложным, если представляет их в искаженном виде.

Теэтет.—Прекрасно сказано, Сократ.

Сократ.—Еще скорее согласишься ты, ко-
гда услышишь следующее. Ведь иметь истинное c
мнение прекрасно, а заблуждаться постыдно.

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—А это, как говорят, имеет следую-
щее основание: когда воск в душе человека глу-
бок, обилен, мягок и надлежащим образом умят,
проникающее через внешние чувства отпечта-
левается в сердце души, как сказал Гомер, на-
мекая* на подобие воска, тогда возникают на d

* κῆρ—род. κηρός—сердце и κηρός—воск.—*Перев.*

нем чистые, резко выраженные, сохраняющиеся долгое время знаки, и люди с такими знаками бывают, во-первых, весьма способными, во-вторых, обладают хорошей памятью и имеют истинное мнение, поскольку не смешивают знаков. Так как эти знаки ясны и расположены на обширном месте, то они быстро распределяют их по соответствующим действительным предметам, как они их называют, и сами они называются мудрецами. Или ты не согласен?

Теэтет.—Полностью.

e *Сократ.*—Но когда сердце космато, что̀
воспевал всемудрый поэт*, или когда оно грязно и покрыто нечистым воском, или слишком мягко, или жестко, то люди, у которых оно мягко, бывают, правда, способными, но со слабой памятью, а у кого оно жесткое, наоборот. У людей же с воском негладким, шероховатым, как бы каменистым или смешанным с землей или грязью, отпечатки предметов получаются неясными. Неясны они и у людей с жестким воском, ибо нехватает у них глубины, а также и у тех, у кого он мягок, потому что изо-
195 бражения быстро смешиваются и затемняются.
Если же ко всему этому у людей мелкая душонка и вследствие ограниченности места оттиски падают один на другой, изображения становятся еще менее отчетливыми, чем у тех. Все эти люди бывают склонны к ложному мнению. Ибо,

---

* *Гомер*, Илиада, II, 851.

видя, или слыша, или размышляя о чем-нибудь и не будучи в состоянии быстро каждый предмет отнести к его отпечатку, они медлят и, приписывая одному предмету то, что относится к другому, они и видят, и слышат, и размышляют по большей части превратно. Поэтому они и называются заблуждающимися относительно существующего и невеждами.

Теэтет.—Правильнее нельзя было бы сказать, Сократ. b

Сократ.—Можем ли мы, следовательно, утверждать, что у нас бывают ложные мнения?

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—А равным образом и истинные?

Теэтет.—И истинные.

Сократ.—Итак, мы полагаем, что в достаточной мере единодушно признали то, что фактически существуют эти оба вида мнений?

Теэтет.—В чрезвычайно достаточной мере.

Глава тридцать пятая

СОКРАТ КОНСТАТИРУЕТ, ЧТО БЕСЕДА ИДЕТ ПУТЕМ НЕТОЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сократ.—Нечто странное и неприятное, повидимому, представляет собою на самом деле болтливый человек, Теэтет.

Теэтет.—В чем дело? К чему ты говоришь это?

Сократ.—Недоволен я собой за свою тупость и поистине болтливость. Как, в самом деле c

назвать человека, который безмерно растягивает свою речь, по лености ума никого неспособен убедить и с трудом отрывается от всякого исследования?

Теэтет.—Что же тебе подало повод быть недовольным собой?

Сократ.—Не только недоволен, но и боюсь,
что не сумею ответить, если спросят меня: Со-
крат, ты нашел, что ложное мнение не находится
ни во взаимно связанных ощущениях, ни в мыс-
d лях, а имеет место в процессе соединения ощу-
щения с мыслью? Я, полагаю, стану самодо-
вольно подтверждать это, будто мы разыскали
что-то прекрасное.

Теэтет.—Мне же представляется, Сократ, что нет ничего постыдного в только что изложенном.

Сократ.—Разве ты не утверждаешь, скажут, что мы никогда не примем человека, которого только мыслим, а не видим, за коня, которого тоже не видим, не касаемся и никаким чувством не воспринимаем, а тоже только мыслим? Да, отвечу я, таково мое, полагаю, убеждение.

Теэтет.—И правильно.

e *Сократ.*—Что же, спросят меня, число
одиннадцать, которое только мыслится, никогда
нельзя будет, согласно твоему утверждению,
принять за число двенадцать, которое тоже толь-
ко мысленно представляется? Ну-ка, отвечай,
Теэтет!

Теэтет.—Я отвечу: при условии восприя-
тия зрением или осязанием одиннадцать может
быть принято за двенадцать. Но никогда не бу-
дешь о цифрах иметь такого мнения, если они
будут восприниматься только мыслью.

Сократ.—Что же, ты полагаешь, что нико-
гда не ставился на исследование вопрос о пяти
и семи самих по себе? Я говорю не о семи и пяти 196
человеках и не о чем-либо подобном, а о числах
пяти и семи, которые, как мы говорили тогда,
оттиснулись на восковой дощечке и относитель-
но которых не бывает ложного мнения. Разве
не исследовали когда-нибудь этих чисел, и, рас-
суждая с самим собой и спрашивая, сколько они
составят вместе, кто-нибудь не мог подумать,
что получится одиннадцать, а другой—что две-
надцать? Или все говорят и думают, что в сумме
будет двенадцать?

Теэтет.—Клянусь Зевсом, нет! Многие
думают, что они составят одиннадцать. И чем b
большее число будет рассматриваться, тем боль-
ше будут ошибаться. Ведь я полагаю, что ты
имеешь в виду вообще всякое число.

Сократ.—Правильно полагаешь. И ты об-
рати внимание на то, что̀ происходит тогда: не
то ли, что само число *двенадцать* представляется
на восковой дощечке как *одиннадцать?*

Теэтет.—Вероятно.

Сократ.—Не возвращаемся ли мы, таким
образом, назад, к тому, о чем раньше
(см. гл. XXXI, р. 188, в самом начале и дальше)

говорили? Ведь тот, с кем это происходит, принимает то, что̀ он знает, за нечто другое, отличное от того, что̀ он также знает. Это мы признали невозможным, что и понудило нас сделать заключение, что не существует ложного мнения, чтобы не быть вынужденными согласиться с тем, что знающий что-нибудь есть вместе с тем и незнающий.

c

Теэтет.—Сущая правда.

Сократ.—Придется, следовательно, признать, что ложное мнение нечто иное, чем просто смешение мысленного образа с чувственным. Ведь если бы это было так, то мы никогда бы не заблуждались в области чистой мысли. Теперь перед нами альтернатива: или не существует ложного мнения, или тот, кто что-нибудь знает, может этого и не знать. Что ты выберешь?

Теэтет.—Трудный выбор предлагаешь, Сократ.

d

Сократ.—Однако оба положения, повидимому, несовместимы. А, впрочем, надо дерзать— что̀ если бы мы рискнули отделаться от чувства стыда?

Теэтет.—Как это?

Сократ.—Решившись ответить на вопрос: *что̀ такое знание?*

Теэтет.—Что же в этом постыдного?

Сократ.—Ты будто и не догадываешься, что все наше рассуждение с самого начала было поисками знания как предмета, нам неизвестного.

Теэтьт.—Догадываюсь.

Сократ.—И тебе не стыдно, не зная, что такое знание, объяснять, что̀ значит знать? Да, e
Теэтет, уже давно наша беседа идет путем неточного исследования. Тысячи раз мы говорили: мы *познаем*, мы *не познаем*, мы *знаем*, мы *не знаем*, как будто понимая друг друга, между тем как мы еще не знаем, что̀ такое знание. Вот, пожалуйста, и в данный момент мы прибегаем к выражениям: *не знать*, *понимать*, как будто уместно пользоваться ими, не имея понятия знания.

Теэтет.—Но как же ты, Сократ, будешь вести рассуждение без них?

Сократ.—Никак, пока я буду тем, что̀ я собою представляю. Но если бы я был спорщи- 197
ком или если бы между нами был такой, он предложил бы не прибегать к таким выражениям и решительно бросил бы нам упрек за это. Но поскольку мы не искушенные в деле спора люди, то пожалуй я дерзну сказать, что̀ такое знание. Мне представляется, что это будет полезно для нашего исследования.

Теэтет.—Дерзай, ради Зевса! Получишь полное прощение, если и не воздержишься от тех выражений.

Глава тридцать шестая

ЧТО ЗНАЧИТ ИМЕТЬ И ОБЛАДАТЬ ЗНАНИЕМ?— РАЗЪЯСНЕНИЕ ЭТОГО НА ПРИМЕРЕ С ГОЛУБЯТНЕЙ

Сократ.—Итак, слыхал ли ты, что̀ ныне называют знанием?

Теэтет.—Может быть, но в данный момент не припоминаю.

b *Сократ.*—Знать*, говорят, значит иметь знание.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—А мы внесем маленькое изменение и скажем: знание есть *обладание* знанием.

Теэтет.—Какую же разницу укажешь ты между этими определениями?

Сократ.—Может быть, никакой. Однако слушай, что̀ я понимаю под этим, и вместе со мной проверяй.

Теэтет.—Поскольку смогу.

Сократ.—Мне представляется, что *иметь* и *обладать*—не одно и то же. Если, например, кто-нибудь купил платье и, владея им, не носит его, мы не сказали бы, что он имеет платье, но то, что он обладает платьем.

Теэтет.—Верно.

c *Сократ.*—Посмотри-ка, нельзя ли так и в отношении знания: приобревши знание, не иметь его, а (только обладать им)**, подобно тому как кто-нибудь, наловив диких голубей или каких-нибудь других птиц, стал бы их держать у себя в голубятне и кормить. В известном смысле можно было бы сказать о нем, что он все время имеет голубей, поскольку владеет ими. Не так ли?

---

* См. «Эвтидем», 277b: «Знать есть ведь не иное что, как уже иметь знание».—*Перев.*

** Вставка моя.—*Перев.*

Теэтет.—Да.

Сократ.—В ином же смысле мы сказали бы, что он не имеет ни одного, а только проявляет над ними свою власть, поскольку он, держа их в своем закрытом помещении, приручил их, может, когда бы ему ни захотелось, d
ловить их и, поймав какого угодно, держать в руках и отпускать. И это он может проделывать столько раз, сколько ему вздумается.

Теэтет.—Так.

Сократ.—И вот теперь, как раньше мы лепили в душах восковые, как бы сказать, фигуры, построим снова в каждой душе нечто вроде голубятни для всевозможных птиц, живущих ли стаями* отдельно от других, или маленькими группами** или просто одиночек***, летающих, где случится, среди других птиц.

Теэтет.—Пусть будет построена. А даль- e
ше что?

Сократ.—Пока мы в детском возрасте, эта клетка, надо признаться, бывает пустой. Под птицами разумеются, конечно, знания. Если кто-нибудь приобрел знание и запер его в своей клетке, о нем мы говорим, что он изучил или

---

* Это образ, которому уподобляются сосредоточивающиеся в душе мысли о свойствах и действиях реальных вещей.—*Перев.*

** Образ мыслей, например, о добродетели, искусстве и пр.—*Перев.*

*** Образ, например, той сущности бытия, о которой говорится выше (см. гл. XXX, p. 186a).—*Перев.*

нашел дело, к которому относится его знание, что это и есть *знание*.

198 *Теэтет*.—Пусть будет так.

Сократ.—Представь себе теперь опять, к каким названиям надо было бы прибегнуть, если бы нам вздумалось охотиться за знаниями, ловить их, держать и снова отпускать: к тем ли, которыми мы пользовались прежде, когда знание приобреталось, или к другим? Мою мысль ты лучше себе уяснишь из следующего: не искусство ли то, что ты называешь арифметикой?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Предположи, что это есть охота за знаниями вообще чета и нечета*.

Теэтет.—Предполагаю.

Сократ.—Но тот, кто обладает этим искус-
b ством, располагает знаниями чисел и другим передает их как владеющий ими.

Теэтет.—Да.

Сократ.—И про того, кто передает знания, мы говорим: *он учит*, а про получающего знания мы говорим: *он учится*. Про того же, кто держит приобретенные знания в той голубятне, мы говорим: *он знает*.

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Обрати теперь внимание на то, что̀ отсюда вытекает. Что же иное, как не числа

---

* См. «Горгия», p. 451b; «Что такое искусство арифметическое... Я сказал бы (оно служит): чету и нечету».—*Перев.*

вообще, знает тот, кто в совершенстве знает арифметику? Ведь у него в душе имеются знания всех чисел.

Теэтет.—Что же может быть иное?

Сократ.—Но тот, кто в совершенстве знает c
арифметику, не будет ли иногда оперировать или чистыми числами у себя в уме, или внешними предметами, поскольку они определяются числами?

Теэтет.—Как же иначе?

Сократ.—Мы же полагаем, что считать есть не что иное, как исследовать, как велико данное число.

Теэтет.—Так.

Сократ.—Следовательно, тот, кто исследует то, что он знает, представляется как бы незнающим, хотя мы единодушно признали, что он знает все числа. Тебе, может быть, иногда приходится слышать о подобных несуразностях?

Теэтет.—Да, приходится.

Глава тридцать седьмая

НЕЛЬЗЯ ПОЗНАТЬ ЛОЖНОГО МНЕНИЯ, НЕ ЗНАЯ, ЧТО ТАКОЕ ЗНАНИЕ

Сократ.—Сравнивая это с приобретением d
и ловлей голубей, мы, следовательно, скажем, что ловля бывает двух родов: первого рода ловля—до обладания с целью обладания, второго рода—после приобретения, чтобы брать и держать в своих руках то, что уже давно приобре-

тено. Подобным же образом тот, кто уже издавна с помощью изучения добился знания чего-нибудь, может ли снова изучить то же самое, снова воспринимая знание всех частностей и закрепляя то, что давно было приобретено, но в уме оставалось неиспользованным?

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Я только что спрашивал тебя,
e какими выражениями следует воспользоваться, говоря о тех случаях, когда знающий арифметику принимается что-нибудь считать, а знающий грамматику—что-нибудь читать. Знающий не начинает в таком случае снова учиться у себя самого тому, что̀ он знает?

Теэтет.—Но это нелепо, Сократ.

Сократ.—Скажем ли мы, что он будет чи-
199 тать или считать то, чего он не знает, между тем как мы признали, что он знает все буквы и всякое число?

Теэтет.—Но и это не согласно со здравым смыслом.

Сократ.—Не сказать ли нам, с твоего позволения, какое нам дело до всех выражений, какие бы ни привлекались для обозначения понятий *знать* и *учиться*, поскольку мы определили, что одно дело обладать знанием и другое—иметь его. И не утверждаем ли мы, что невозможно, чтобы кто-нибудь не приобрел того, что он приобрел, так что никогда не может получиться того, чтобы кто-нибудь не знал того, что̀ он знает, но получить ложное мнение об

этом возможно? Ибо возможно не иметь об этом знания и принять одно за другое, когда, охо- b тясь за каким-нибудь знанием летающих кругом объектов знания, ошибочно берешь одно вместо другого. В таком случае одиннадцать считаешь двенадцатью, принимая знание одиннадцати за знание двенадцати, как дикого голубя за ручного.

Теэтет.—Объяснение превосходное.

Сократ.—Но когда схватываешь то, что̀ имел в виду, тогда не ошибаешься и постигаешь своим мнением действительность. И, таким образом, существует мнение истинное и ложное, и существовавшие раньше затруднения отпа- c дают. Может быть, ты согласишься. Или как поступишь?

Теэтет.—Соглашусь.

Сократ.—От одной трудности—что̀ знаешь, того не знаешь—мы, следовательно, избавились, ибо никоим образом не бывает так, чтобы не владеть тем, чем владеешь, находишься ли в заблуждении относительно чего-нибудь или не находишься. Страшнее представляется мне другое обстоятельство.

Теэтет.—Какое?

Сократ.—Возникновение ложного мнения вследствие смешения одного знания с другим.

Теэтет.—Как же?

Сократ.—Во-первых, так, что, имея зна- d ние чего-нибудь, не знаешь этого не вследствие незнания, а благодаря своему знанию, во-вто-

рых, так, что имеешь мнение, что эта вещь есть та, а та вещь есть эта. Не представляется ли великой несуразностью то обстоятельство, что, несмотря на наличие знания, душа, с одной стороны, не имеет никакого знания об этом, а с другой—остается неосведомленной относительно всех вещей? На основании этого соображения ничто не мешает сделать заключение, что наличное незнание дает нам знание чего-нибудь, а слепота—зрение, если, действительно, знание будет когда-нибудь основой незнания.

e *Теэтет.*—Может быть, неправильно мы поступили, Сократ, подразумевая под птицами только знания, а следовало бы еще предполагать и незнания, которые вместе с ними летают в душе, и охотник, хватая то знание, то незнание относительно того же предмета, составляет ложное мнение благодаря незнанию и истинное благодаря знанию!

Сократ.—Трудно отказать тебе, Теэтет, в похвалах. Тем не менее, обдумай снова то, что ты только что сказал. Пусть будет так, как
200 ты говоришь. Схвативший незнание составит, говоришь, ложное мнение. Не так ли?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Он не будет, разумеется, предполагать, что он имеет ложное мнение.

Теэтет.—Как же предположить?

Сократ.—Наоборот, он будет думать, что имеет истинное мнение, и будет пребывать

в таком состоянии, как будто он знает то, относительно чего находится в заблуждении.

Теэтет.—Почему же?

Сократ.—Он будет воображать, что на охоте он схватил знание, а не незнание.

Теэтет.—Ясно.

Сократ.—Таким образом после долгого блуждания вокруг мы опять вернулись к прежнему первому затруднению. Ведь тот изобличитель (см. р. 165 в начале и конце гл. XIX; р. 197а, конец гл. XXXV), расхохотавшись, скажет теперь: почтеннейшие, разве тот, кто b
знает то и другое, т. е. и знание и незнание, примет то, что̀ он знает, за нечто отличное от того, что̀ он знает? Или, если он не знает ни того, ни другого, примет ли он то, чего он не знает, за нечто отличное от того, чего он также не знает? Или если он одно знает, а другое не знает, примет ли он то, что̀ он знает, за то, чего он не знает? Или—то, чего он не знает, за то, что́ он знает? Или вы опять мне скажете, что существуют еще другие* знания по сравнению с этими знаниями и незнаниями, которые обладатель запер в других каких-то курьезных голубятнях или облек в какие-то другие восковые слепки, и знает их, пока обладает ими, c
хотя они не имеются налицо в его душе? И таким-то образом, не добиваясь своей цели, не принуждены ли вы тысячи раз возвращаться

---

* Т. е. высшие.—*Перев.*

назад к одному и тому же? Что ответим на это, Теэтет?

Теэтет.—Клянусь Зевсом, не нахожу, что̀ надо сказать.

Сократ.—Разве весь ход исследования нашего не дает прекрасного повода к упреку по нашему адресу и не показывает, что неправильно исследовать ложное мнение раньше, чем знание, которое мы отложили в сторону?
d Первого нельзя познать, прежде чем не получил надлежащего разъяснения вопрос о том, что̀ такое знание.

Теэтет.—В данный момент необходимо согласиться с тем, что̀ ты говоришь.

Глава тридцать восьмая

ИСТИННОЕ МНЕНИЕ И ЗНАНИЕ—НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Сократ.—Что̀ же такое знание?—спросит кто-нибудь опять сначала. Ведь мы, разумеется, не откажемся еще от исследования его?

Теэтет.—Отнюдь нет, разве только ты откажешься.

Сократ.—Скажи же, как нам лучше определить его, чтобы обойтись без малейшего противоречия себе.

Теэтет.—Так, как уже раньше (см. начало
e гл. XXXI) мы пытались определить его, Сократ: ничего иного я не представляю.

Сократ.—Как определить?

Теэтет.—Истинное мнение есть знание.

Истинное мнение, по крайней мере, свободно от заблуждения, и все, что из него проистекает, бывает прекрасно и хорошо[53].

Сократ.—Вода[54] сама покажет, Теэтет, как говорит ведущий в брод через реку. Точно так же, если мы, продвигаясь вперед, будем вести наше исследование, предмет исследования сам
откроет перед нами препятствие. Если же будем 201
стоять на месте, ничто не выяснится.

Теэтет.—Правильно говоришь. Так начнем наше исследование.

Сократ.—Твое-то определение не требует длинного исследования: некое искусство целиком свидетельствует против тебя, показывая именно, что истинное мнение не есть знание.

Теэтет.—Как? Какое это искусство?

Сократ.—Искусство гигантов мудрости. Их называют ораторами и судебными деятелями. Они умеют убеждать с помощью своего искусства, но не путем просвещения знанием, а путем внушения слушателям желательного для себя мнения. Или ты думаешь, что это какие-то необыкновенные учителя и немного утечет воды[55], как они со всей убедительностью вскроют истинный смысл событий даже перед теми, кото-
рые не были вместе с ограбленными или вообще b
с потерпевшими какое-либо насилие?

Теэтет.—Отнюдь не думаю, но бывает, что убеждают.

Сократ.—Не хочешь ли ты сказать, что убеждать значит заставить иметь мнение?

Теэтет.—Не иначе.

Сократ.—Но разве не бывает так, что
судьи, действительно убежденные в том, что
можно знать только видевшему, и не иначе, при
c обсуждении обстоятельств дела по слуху и
получив истинное мнение о них, выносят реше-
ние, не руководствуясь знанием, и убеждение
их является правильным, поскольку вынесен-
ное ими решение правильно?

Теэтет.—Совершенно верно, бывает.

Сократ.—Но, мой друг, если бы истинное мнение и знание были одно и то же, лучший судья никогда не вынес бы правильного решения, не имея знания. Повидимому, они различны.

Теэтет.—Сейчас пришло мне в голову, чтó
я слышал от кого-то, Сократ, но потом забыл.
Он утверждал, что истинное мнение с опреде-
d лением[56] есть знание, а без определения оно не
имеет ничего общего со знанием, и вещи, недо-
ступные определению, непознаваемы, по его
собственному выражению, и только вещи, до-
ступные определению, составляют предмет
знания.

Сократ.—Прекрасно говоришь. Но скажи, как он различает познаваемое и непознаваемое, и я согласно этому буду судить, одно ли и то же мы—я и ты—слышали.

Теэтет.—Не знаю, восстановлю ли я в памяти. Но если бы кто-нибудь другой говорил об этом, я, думаю, охотно следовал бы за его речью.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ (201d—210b)

КРИТИКА ТЕЗИСА: ЗНАНИЕ ЕСТЬ ИСТИННОЕ МНЕНИЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ

Глава тридцать девятая

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ЗНАНИИ КАК ИСТИННОМ МНЕНИИ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ

Сократ.—Слушай же рассказ об одном сне[57] в замену другого. Я тоже, кажется, слышал от кого-то, что первые элементы, из которых составлены и мы и все прочее, недоступны определению. Каждое само по себе сущее можно только назвать, но высказать о нем ничего другого нельзя: ни то, что оно существует, ни
то, что не существует. Ибо в таком случае им 202
приписывалось бы бытие или небытие. Но ничего не следует прилагать к элементу, если кто-либо хочет высказаться только о нем одном, взятом самом по себе, поскольку не должно присоединять к нему ни *само*, ни *то*, ни *каждое*, ни *одно*, ни *это*, ни что-нибудь подобное, так как эти общеупотребительные выражения применяются ко всем вещам и отличаются от того,

к чему они прилагаются. Следовало бы высказывать каждый элемент сам по себе, если бы это было вообще возможно и если бы он имел присущее ему определение, благодаря которому можно было бы высказать его, не прибегая ни к чему другому для этого. Но невозможно выразить ни один из первых элементов с помощью
b определения. Их можно назвать только по имени, ибо кроме имени у них ничего нет. Сложенные же из этих элементов вещи представляют комплекс элементов, которому соответствует и комплекс имен их, составляющий речь, ибо из сложения имен составляется существо речи*. Таким образом, элементы не определимы и не познаваемы, но чувственно постигаемы. Между тем как совокупность (комплекс) их познаваема, выразима с помощью речи и доступна истинному мнению. Поэтому, кто составляет себе истинное мнение о чем-нибудь без определения,
c у того душа хотя и обладает истиной, но не имеет знания, так как тот, кто не имеет знания о чем-нибудь, ни сам не может дать определения этого, ни от других получить его. Но если к истинному мнению присоединить определение, тогда можно познать вещи и полностью достигнуть знания. Такой ли рассказ о сновидении ты слышал или другой**?

---

* Имеется в виду суждение как основная форма мышления.—*Перев.*

** От кого мог слышать Платон эту теорию знания и слышал ли?—*Перев.*

Теэтет.—Точно такой.

Сократ.—Согласен ли ты, следовательно, с таким определением знания, что оно есть истинное мнение, связанное с определением?

Теэтет.—Совершенно.

Сократ.—Неужели же, Теэтет, мы откры- d
ли ныне, в данный момент, то, что искали издавна многие мудрецы, поседевшие в своих поисках?

Теэтет.—Мне, по крайней мере, представляется, Сократ, что предложенное определение прекрасно.

Сократ.—Да, повидимому, оно таково, ибо какое же знание может существовать без определения и без истинного мнения? Впрочем, один пункт в сказанном мне не нравится.

Теэтет.—Какой это?

Сократ.—Тот, который высказан, как кажется, с наибольшей решительностью: будто элементы не познаваемы, а комплекс их познаваем. e

Теэтет.—Разве это неверно?

Сократ.—Надо выяснить. Ведь примеры, которыми пользовался говоривший все это, мы рассматриваем как залог истинности его рассуждения.

Теэтет.—Какие примеры?

Сократ.—Примеры букв и слогов произведения. Или ты полагаешь, что тот, кто высказывал свое мнение, имел иное что-нибудь в виду?

Теэтет.—Нет, не иное.

Глава сороковая

ОБ ИДЕЯХ НА ПРИМЕРЕ БУКВ И СЛОГОВ

203 *Сократ.*—Вернемся и проверим их, а больше самих себя: так или не так мы выучили азбуку. Прежде всего: имеют ли слоги определение, и определимы ли элементы?

Теэтет.—Может быть.

Сократ.—И мне совершенно так же представляется. Если кто-нибудь спросил бы тебя о первом слоге моего имени «Сократ» таким образом: Теэтет, скажи, что такое *со*, что́ бы ты ответил?

Теэтет.—Ответил бы: *с* и *о*.

Сократ.—Разве это не определение слога?

Теэтет.—Да, определение.

b *Сократ.*—Дай также определение буквы *с*.

Теэтет.—Как же можно назвать элемент какого-нибудь элемента*? Ведь *с*—согласная[58], производящая нечто в роде свистящего шума в гортани. Буква *б* тоже не дает ни звука, ни шума, как и большинство элементов (букв). Поэтому вполне основательно считать их неопределимыми. Из всех букв наиболее звучащими являются семь, которые дают звук, но они никакого определения не имеют.

Сократ.—В этом пункте относительно знания мы, следовательно, внесли ясность.

* Речь идет о буквах-элементах. Смысл вопроса: можно ли разложить элемент как нечто первичное на более мелкие части, т. е. на какие-нибудь новые элементы?—*Перев.*

Теэтет.—Очевидно.

Сократ.—Что же дальше? Правильно ли c
мы показали, что элемент не познаваем, а слог познаваем?

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Ну, а называем ли мы слогом оба элемента и все, если их больше двух, или одну какую-нибудь идею, возникшую из совокупности их?

Теэтет.—Мне кажется, что все.

Сократ.—Посмотри же на два элемента: *с* и *о*. Оба они составляют первый слог моего имени. Тот, кто знает этот слог, знает ли он оба эти элемента?

Теэтет.—Как же иначе? d

Сократ.—Следовательно, он знает и *с* и *о*.

Теэтет.—Да.

Сократ.—Что же выходит: не зная ни одного—ни того, ни другого,—он знает, следовательно, оба?

Теэтет.—Странно и нелепо, Сократ.

Сократ.—Но если необходимо знать тот и другой элемент, чтобы знать их оба, то для того, кто захочет узнать слог, безусловно необходимо предварительно знать все элементы, и, таким образом, прекрасное определение (см. р. 202c в конце гл. XXXIX) опять ускользнет из наших рук.

Теэтет.—И притом неожиданно. e

Сократ.—Потому что нехорошо храним. Может быть, следует считать слогом не просто

ряд элементов, а составившийся из них некий единый вид[59], имеющий свою собственную единую идею и отличающийся от элементов.

Теэтет.—Во всяком случае, это будет правильнее, чем то.

Сократ.—Надо рассмотреть и не отказываться трусливо от великого и важного определения.

Теэтет.—Не следует отказываться.

204 *Сократ.*—Пусть будет так, как только что сказали. Слог возникает как единая идея из подобранных элементов как среди букв, так и среди других вещей.

Теэтет.—Согласен.

Сократ.—Однако он не должен иметь частей.

Теэтет.—Почему?

Сократ.—Потому что, где существуют части, там целое необходимо составляется из суммы всех частей. Или ты утверждаешь, что и целое, составленное из частей, есть некий единый вид, отличающийся от всех его частей?

Теэтет.—Да, я утверждаю.

Сократ.—А все и целое признаешь ты за
b одно и то же или за нечто, отличное одно от другого?

Теэтет.—У меня нет ясности в этом вопросе, но, поскольку ты предлагаешь мне смело отвечать, я отважно утверждаю: за нечто отличное.

Сократ.—Твоя смелость, Теэтет, похвальна, а похвален ли ответ, надо посмотреть.

Теэтет.—Да, конечно, надо.

Глава сорок первая

ПОЗНАВАЕМЫ ЛИ СЛОГ И ЭЛЕМЕНТ?

Сократ.—Итак, целое отличается от всего, как ты говоришь теперь?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Что же дальше? Различаются ли между собою «все части» и «все»[60]? Например, когда мы говорим: один, два, три, четыре, пять, шесть, или говорим: дважды три, или трижды два, или четыре и два, или три, два и один,— c
всем этим то же ли выражаем мы или нечто различное?

Теэтет.—То же.

Сократ.—Иное ли, чем шесть?

Теэтет.—Не иное.

Сократ.—Не говорили ли мы о шести, что оно есть все, складывая так или иначе данные единицы в шесть*?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Но, с другой стороны, говоря, что шесть—все, не говорим ли мы, что оно есть одно?

Теэтет.—Необходимо.

Сократ.—Иное ли нечто, чем шесть?

---

* Т. е. не есть ли целое шесть в отношении к своим слагаемым все?

Теэтет.—Не иное.

Сократ.—Следовательно, признаем ли мы «все» и «все части» за одно и то же в том, чтó
d составляется из числа?

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Мы можем сказать об этом так: число, выражающее плетр, и плетр—одно и то же. Не правда ли?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Так же и число, обозначающее стадию как меру*?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Даже число, выражающее количественный состав войска, и войско и все тому подобное? Ибо все число выражает по отношению к вещи все ее существо.

Теэтет.—Да.

Сократ.—А число каждой вещи есть не
e что иное, как ее части?

Теэтет.—Не что иное.

Сократ.—Следовательно, все, имеющее части, состоит из частей?

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Но мы соглашаемся, что все части составляют целое, если и все число будет все.

Теэтет.—Так.

Сократ.—Следовательно, целое не состоит

---

* Т. е. о стадии можно сказать, что она есть «все части», все множество единиц, составляющих эту меру; но она есть и «все», или сумма этих единиц.—*Перев.*

из частей, ибо, будучи всеми частями, оно было бы все.

Теэтет.—Повидимому, не состоит.

Сократ.—Но часть, чего бы она ни была часть, как часть не есть ли часть целого?

Теэтет.—Часть всего*.

Сократ.—Храбро бьешься, Теэтет! Но 205
разве все (сумма) не равно само себе, если от него ничего не отнято?

Теэтет.—Необходимо равно.

Сократ.—А целое не есть ли то же, что и сумма, если от него ничего не отнято? Если же из чего-нибудь нечто отнято, будут ли существовать и целое и все, поскольку они то же самое и из того же происходят?

Теэтет.—Теперь мне представляется, что все и целое ничем не отличаются одно от другого.

Сократ.—Разве мы не говорили, что там, где есть часть, все и целое будут то же, что совокупность частей?

Теэтет.—Да, говорили.

Сократ. В самом деле,—чтобы вернуться к тому, что я хотел только что показать (см. конец гл. XL),—не правильно ли, что если слог не состоит из элементов (букв), то необходимо, чтобы эти элементы не были частями b
его, или что, будучи то же, что элементы, он не может быть более познаваем, чем они?

---

* Теэтет этим ответом отстаивает свое мнение, что целое и все (сумма)—не одно и то же.—*Перев.*

Теэтет.—Так.

Сократ.—Следовательно, не во избежание ли этого мы и приняли, что слог отличается от элементов?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Что же дальше? Если элементы не являются частями слога, то не можешь ли ты указать на что-либо другое, что составляло бы части его, не будучи, впрочем, элементами его.

Теэтет.—Никоим образом. Ведь если бы я, Сократ, признал в нем наличие частиц, то было бы смешно, отбросив одни элементы, обратиться к поискам других.

c *Сократ.*—Совершенно верно, Теэтет. В самом деле, из нашего рассуждения в данный момент вытекает, что слог есть некая идея, единая и неделимая.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Помнишь ли, мой друг, что немного раньше (см. начало гл. XXXIX) мы одобрительно отнеслись к тому положению, что первоначала, из которых состоят вещи, не поддаются определению по той причине, что каждый из этих элементов, взятый сам по себе, представляется несложным и что было неправильно про них сказать, что они *существуют* или что они *это*, так как такие обозначения не подходят для них и чужды им, и это-то является причиной того, что они неопределимы и непознаваемы?

Теэтет.—Помню.

Сократ.—Разве есть еще какая-нибудь иная кроме этой причина, что эти первоначала, или элементы, просты и неделимы? Я, по крайней мере, не вижу другой причины. d

Теэтет.—Кажется, что и нет другой.

Сократ.—Следовательно, слог как вид по отношению к элементу, не имея частей и выражая собой единую идею, не становится ли тожественным первоначалу?

Теэтет.—Точно так, становится.

Сократ.—Если, следовательно, слог есть совокупность элементов и нечто целое, частями которого являются эти элементы, то и элементы и слоги одинаково познаваемы и выразимы, поскольку все части оказались тожественными с целым.

Теэтет.—И очень. e

Сократ.—Если же слог есть нечто одно и неделимое, то и элемент его, как и он, неопределим и непознаваем: одна и та же причина приведет к одному и тому же результату.

Теэтет.—Я не иначе скажу.

Сократ.—Следовательно, мы не согласились бы, если бы кто-нибудь утверждал, что слог познаваем и определим, а элемент—нет.

Теэтет.—Не согласимся, если остаемся верными нашему исследованию.

Сократ.—Что же теперь? После опыта, 206
который ты испытал на себе, изучая буквы, будешь ли ты с большей охотой прислушиваться

к тому, кто будет говорить противное нашему положению?

Теэтет.—Какого опыта?

Сократ.—Когда ты изучал буквы, ты только то и делал, что старался научиться различать каждый элемент сам по себе то с помощью зрения, то с помощью слуха, чтобы расположение их не затрудняло тебя при чтении и письме?

Теэтет.—Ты говоришь сущую правду.

Сократ.—Неужели у кифариста ты в совершенстве не научился тому, чтобы быть
b в состоянии следовать за звуками каждой струны? И разве кто-нибудь не согласился бы признать звуки элементами музыки?

Теэтет.—Всякий признал бы элементами музыки.

Сократ.—Если, следовательно, по известным нам слогам и элементам надо судить о других, нам неизвестных, то мы скажем, что род (область) элементов в большей степени, чем слоги, делает возможным поднять более ясное и основательное знание до степени совершенного познания вещей и, если кто-нибудь стал бы утверждать, что слог познаваем, а элемент по природе не познаваем, тот, подумали бы мы, вольно или невольно шутит.

Теэтет.—Несомненно, так.

Глава сорок вторая

ПРАВИЛЬНОЕ МНЕНИЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ЕЩЕ НЕ СЛЕДУЕТ НАЗЫВАТЬ ЗНАНИЕМ

Сократ.—Можно было бы, как мне кажет- c
ся, привести и другие доказательства в пользу этого положения. Но не будем упускать из виду предположенного к исследованию, именно вопроса о том, чтó, собственно, обозначает, что определение в связи с истинным мнением есть совершеннейшее знание.

Теэтет.—Необходимо рассмотреть этот вопрос.

Сократ.—Начнем. Чтó, собственно, означает у нас *определение?* Из трех значений его на одном, мне кажется, можно остановиться.

Теэтет.—Из каких трех?

Сократ.—Первое: знание получает свое d
выражение в выявлении мысли голосом с помощью глаголов и имен, причем мнение отражается в изливающемся из гортани потоке речи, как в зеркале или воде. Или не так определение тебе представляется?

Теэтет.—Именно так. По крайней мере, о том, кто так поступает, мы говорим, что он дает определение.

Сократ.—Все могут делать это более или менее быстро или медленно и выражать свое мнение о вещах кроме разве немого или глухого от рождения. Таким образом, все, кто имеет истинное мнение, будут сопровождать его опре-

e делением, и везде истинное мнение будет вместе со знанием.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Не будем поэтому легкомысленно порицать человека, предложившего рассматриваемое нами теперь определение знания, за то, что он будто бы ничего не сказал. Ведь, может быть, он говорил не об определении знания, а давал ответ, перечисляя элементы, тому, кто спрашивал о сущности отдельной вещи.

207 *Теэтет.*—Что, например, ты имеешь в виду, Сократ?

Сократ.—Например, и Гезиод говорит о телеге, что она состоит из ста частей. Я не мог бы перечислить их, да и ты тоже, полагаю. Но если бы нас спросили, что́ такое телега, мы были бы довольны своим ответом, указывая на колеса, оси, кузов, ярмо.

Теэтет.—Конечно.

Сократ.—Но, может быть, тот спрашиваю-
b щий человек примет нас за чудаков, если мы, спросив твое имя и выговаривая его по складам, вообразим, что, поскольку мы имеем правильное мнение о нем и произносим его правильно, мы являемся знатоками в области языка и что мы познаем и выражаем определение имени Теэтет по правилам грамматики, между тем как нельзя говорить об определении со знанием дела, пока не отдашь себе отчета о вещи с помощью ее элементов на основе истинного

мнения, как было сказано раньше (см. в конце
гл. XLI, p. 206a).

Теэтет.—Да, было сказано.

Сократ.—Так, о телеге мы имеем, разумеет-
ся, правильное мнение, но тот, кто мог уяс- c
нить себе сущность ее с помощью тех ста частей
и присоединил это свое знание к прочему, тот
кроме истинного мнения обладает еще и опре-
делением и является не лжезнатоком, а подлин-
ным знатоком сущности телеги, постигшим
целое с помощью элементов.

Теэтет.—Одобряешь ли ты, Сократ?

Сократ.—Да, если это так по твоему мне-
нию, мой друг, и если ты признаешь, что подроб-
ное описание вещи через ее элементы есть
определение, а описание ее при посредстве сло-
гов или других, бóльших частей не есть опре-
деление. Скажи свое мнение об этом, чтобы нам d
рассмотреть его.

Теэтет.—Но я вполне признаю.

Сократ.—Можно ли, по твоему мнению,
быть знатоком чего бы то ни было, если пола-
гаешь, что нечто относится то к одной вещи, то
к другой, или если об одной и той же вещи
имеешь то одно, то другое мнение?

Теэтет.—Клянусь Зевсом, я так не думаю!

Сократ.—Не припоминаешь ли ты, что ты
и другие так именно и поступали вначале при
изучении букв?

Теэтет.—Не на то ли ты намекаешь, что
за элемент одного и того же слога принимали e

то одну букву, то другую и что одну и ту же букву мы относили то к одному слогу, то к другому?

Сократ.—На это самое.

Теэтет.—Клянусь Зевсом, помню и не считаю знающими тех, кто так поступает!

Сократ.—Что же! Когда кто-нибудь в одно и то же время, желая написать Θεαίτητος, полагает, что надо написать Θ и ε и так и пишет,
203 а, намереваясь написать εεόδωρος, полагает, что надо писать ε и ε, и так и пишет, скажем ли мы, что он знает первый слог ваших имен?

Теэтет.—Но мы только что согласились, что такого нельзя еще признать знающим.

Сократ.—Мешает ли ему что-нибудь так же отнестись и ко второму, и к третьему, и к четвертому слогам?

Теэтет.—Ничто не мешает.

Сократ.—Не с правильным ли мнением он будет писать имя Θεαίτητος, прибегая к элементам, тогда, когда будет писать буквы по порядку?

Теэтет.—Ясно.

b *Сократ.*—Следовательно, еще не обладая действительным знанием, а имея лишь, как мы говорим, правильное мнение?

Теэтет.—Да.

Сократ.—Именно определение в связи с правильным мнением, так как он писал, имея представление о предмете благодаря элементам, что́, по нашему признанию, есть определение.

Теэтет.—Правильно.

Сократ.—Следовательно, друг мой, есть правильное мнение с определением, которое еще не следует называть знанием.

Теэтет.—Кажется, так.

Глава сорок третья

ЗНАНИЕ НЕ ЕСТЬ НИ ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ, НИ ИСТИННОЕ МНЕНИЕ, НИ ИСТИННОЕ МНЕНИЕ С ПРИСОЕДИНЕНИЕМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Сократ.—Мы разбогатели, как видно, во сне, думая, что имеем самое верное определение знания. Или воздержимся еще от самообвинения? Ведь, может быть, не это значение слова «определение» надо было иметь в виду, а последнее c
из трех, о которых мы говорили, определяя знание как правильное мнение в связи с определением.

Теэтет.—Ты вспомнил кстати: действительно, еще остается одно. Первое было *как бы образ, подобно образу мысли в языке*, второе—*путь через элементы к целому*, а третье что такое?

Сократ.—То, что отметили бы многие, именно наличие признака, чем вещь, о которой спрашивают, отличается от всех других вещей.

Теэтет.—Можешь ли объяснить мне это примером?

Сократ.—Например, если угодно, доста- d
точно, полагаю, указать тебе на солнце как на

самое яркое из небесных светил*, вращающихся вокруг земли.

Теэтет.—Достаточно.

Сократ.—Подумай, ради чего это сказано. Бывает, как мы только что сказали, так, что тот, кто подметил разницу между отдельной вещью и всеми прочими, тот найдет *определение*, как говорят некоторые. Но пока он касается только общего, определение будет относиться к тому, что обще большинству.

e *Теэтет.*—Понимаю, и мне представляется прекрасным называть это определением вещей.

Сократ.—Но тот, кто с правильным мнением о вещах соединяет понимание разницы между ними, будет обладать подлинным знанием, между тем как прежде он имел лишь мнение.

Теэтет. Говорим то же утвердительно.

Сократ.—Теперь, Теэтет, когда я подошел вплотную к определению, предо мной открылась словно нарисованная на картине перспектива, и я абсолютно ничего на ней не разбираю. Когда она находилась вдалеке, она, казалось, говорила мне что-то.

209 *Теэтет.*—Как это понимать?

Сократ.—Скажу, если смогу. Если к правильному мнению о тебе я присоединю еще определение тебя, я буду знать тебя, в противном случае я буду иметь только мнение о тебе.

Теэтет.—Да.

---

* То же у Арист. («Топ.», 131b 25).—*Перев.*

Сократ.—А определение есть обозначение (ἑρμηνεία) того, чем ты отличаешься от других.

Теэтет.—Так.

Сократ.—Когда я имею о тебе только мнение, разве я схватываю мыслью хотя бы одну из тех черт, которыми ты отличаешься от других?

Теэтет.—Повидимому, нет.

Сократ.—Следовательно, у меня в уме только общие черты, присущие как тебе, так и всем прочим людям.

Теэтет.—Безусловно, только общие черты. b

Сократ.—Объясни мне, ради Зевса, почему в таком случае я сделал бы предметом своего мнения тебя, а не другого? Предположи, в самом деле, что я размышляю о том, что вот существует Теэтет, некий человек, с носом, глазами, ртом и со всякими другими частями тела. От такого размышления большее ли представление получу я о Теэтете или Феодоре, чем, как говорит пословица, о последнем мизийце?

Теэтет.—Как же можно?

Сократ.—Но если я размышляю о человеке, что у него не нос и глаза вообще, а именно c
тупой нос и глаза навыкат, то к кому мое мнение будет больше относиться: к тебе ли, или ко мне, или к кому-либо другому?

Теэтет.—К тебе.

Сократ.—И не прежде, думаю я, Теэтет сделается предметом моего мнения, чем курносость его запечатлеет во мне характерный при-

знак, отличающий ее от курносости других людей, которых я видел; точно так же и относительно других членов его; так что, если завтра я встречу тебя, эта курносость напомнит мне тебя и внушит мне правильное мнение о тебе.

Теэтет.—Сущая правда.

d *Сократ.*—Следовательно, правильное мнение о всякой вещи также касается различия.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—Итак, что же еще могло значить *определение в связи с правильным мнением?* Ибо если это* означает, что предписывается иметь мнение о том, чем одна вещь отличается от других,то это весьма смешное предписание.

Теэтет.—Почему?

Сократ.—Потому что предписывается нам иметь правильное мнение о вещах, чем они отличаются от других вещей, между тем как мы уже имеем правильное мнение о них на основании отличия их от других. И вышло бы, по пословице, простое верчение скалки[61], либо песта,
e либо чего-нибудь подобного (или толчение воды в ступе.—*В. С.*). Можно было бы по всей справедливости назвать такое предписание распоряжением, исходящим от слепого. Ибо приказывать взять то, что мы уже держим, для того чтобы узнать то, о чем уже имеется мнение, есть подлинное ослепление.

---

* Т. е. только что сказанное «определение в связи с правильным мнением».—*Перев.*

Теэтет.—Скажи, что̀ ты еще связывал со своим только что заданным вопросом?

Сократ.—Если присоединить *определение* к правильному мнению значит, дитя мое, предписать истинное знание, а не мнение о различии, то это приятное дело будет прекраснейшим из всех положений о знании. Ибо знать,
вероятно, значит получить знание. Неправда ли? 210

Теэтет.—Да.

Сократ.—Итак, на вопрос, *что̀ такое знание*, оно*, повидимому, ответит: правильное мнение в связи со знанием различия. Ибо в том-то и заключается *присоединение определения*, согласно этому положению.

Теэтет.—Повидимому.

Сократ.—И в высшей степени глупо на наш вопрос о знании отвечать, что оно есть правильное мнение в связи со знанием не то различия, не то чего другого. Таким образом, Теэтет, знание не есть ни чувственное восприя-
тие, ни истинное мнение, ни истинное мнение b
с присоединением определения.

Теэтет.—Повидимому, нет.

Сократ.—Неужели мы все еще беременны и страдаем муками родов в отношении знания, друг мой, или окончательно разрешились от бремени?

---

* Т. е. только что указанное *положение* о знании (ὁ περὶ ἐπιστήμης λόγος).

Теэтет.—Клянусь Зевсом, с твоей помощью я сказал больше, чем имел в уме.

Сократ.—Наше повивальное искусство не подсказывает ли тебе, что все это пустые создания, не стоящие воспитания?

Теэтет.—Совершенно верно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава сорок четвертая

СОКРАТ О МИСТИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ СВОЕГО ПОВИВАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Сократ.—Если после этого, Теэтет, попы-
таешься забеременеть чем-нибудь другим и тебе
придется родить, то ты благодаря нынешнему c
исследованию будешь полон лучших плодов.
Если же ты будешь пребывать пустым, то ты
будешь менее тягостным для своего окружения
и более кротким, благоразумно не думая, что
ты знаешь то, чего не знаешь. Ведь только на
это способно мое искусство, но больше ни на
что. Я ничего не знаю, что̀ знают другие, вели-
кие и достойные удивления мужи настоящего
и прошлых времен. Но что касается повиваль-
ного искусства, то моя мать и я получили его
в удел от бога, она—для помощи женщинам,
а я—молодым людям благородного происхо-
ждения и красивым. А теперь мне надо итти в d
портик царя по поводу предъявленного мне
Мелитом обвинения. Завтра утром мы опять
встретимся здесь, Феодор!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Эвклид*—основатель мегарской, или эристической, школы, одной из сократовых школ. К нему в Мегару явился Платон, когда ему нельзя было остаться в Афинах после казни Сократа. Сведения о нем см. *Stallbaum*, Platonis Theaetetus, 1834; *Diogenes Laërtius*, II, 47, 106, 160, III, 6; *cicero*, Acad., II, 42; A. *Gellius*, Noctes atticae, VI, 10; *Plato*, Phaedon. p. 59b. *Терпсион*, как и Эвклид,—гражданин Мегары и один из учеников Сократа. Он, как и Эвклид, упоминается в «Федоне» присутствующим при последней предсмертной беседе Сократа.

2. Имеется в виду битва при Коринфе, где Теэтет получил смертельную рану. Но какая: 394 г. до н. э. между афинянами и лакедемонянами или 368 г. до н. э. между афинянами и фиванцами? Этот вопрос играет в философской литературе большую роль, ибо с ним до некоторой степени связана проблема времени возникновения этого диалога. Принятие второй даты отдаляет момент написания «Теэтета» на довольно поздний период жизни и деятельности Платона, когда его теорию идей следует считать уже вполне сложившейся. Немало исследователей высказываются теперь за эту именно дату.

3. Т. е. до 399 г. до н. э., следовательно к этому времени относится беседа Сократа с Теэтетом, составляющая содержание настоящего диалога.

4. Феодор—известный в древности математик из Кирены. Платон свидетельствует, что он был близок

Протагору («друг»). Сам Платон, находясь в Кирене во время своего путешествия после казни Сократа, занимался у Феодора математикой. Предание об этом см. у Диогена Лаэрция (II, 8, 103).

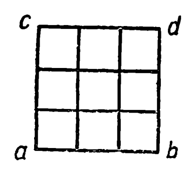
5. Ср. *Платон*, Пир, 213а, *Ксенофонт*, Пир, V, 5.

6. На необходимые философу качества, по Платону, см. указание также в «Государстве», 503с.

7. Этот Сократ в «Политике» разговаривает с иностранцем из Элеи. Его же мы встречаем в «Софисте» (р. 218).

8. Видя, что отношения этих величин (потенций) многообразны, юноши вздумали привести их к некоторым определенным родам. Это значило их (συλλαβεῖν εἰς ἕν) обнять одним общим понятием, которым могли бы быть означены все они. Они заметили, что есть два рода потенций: одни γραμμαὶ τὸν ἰσόπλευρον καὶ ἐπίπεδος ἀριθμοῦ τετραγωνίζουσιν, и ими они определили долготу (μῆκος); другие назвали τὸν ἑτερομήκη или собственно потенциями. Таким образом всякое число распалось у них на два класса и представляло два рода сложных величин. Ясно, что здесь дело шло о числах рациональных и иррациональных числах квадратных корней. Основания их объясняются так, что названия для них заимствуются из геометрии, как делается и теперь в той части арифметики, которая рассуждает о числах квадратных и кубических. Помня это, легко объяснить смысл настоящего места. Именно, ἡ τρίπους и πεντέπους δύναμις суть трехфутовая и пятифутовая стороны квадрата, что не есть μήκει σύμμετρον, т. е. не соизмеримо стороне одного фута. Выраженное числами это будет иметь такой смысл: квадратный корень числа троичного или пятеричного будет число иррациональное. Итак, разобравши дело, юноши поняли сами, что одни потенции суть совершенные квадраты, как например 9=3.3; 4=2.2, которые по протяжению соизмеримы, потому что стороны их равны; другие, напротив, не совершенные квадраты, так как рождены одною потенциею и производятся неравными факторами, например 12=6.2, или 2.6,—они сходны не в отношении протяженности, а только в отношении потенции и потому называются ἑτερομήκεις. Это самое можно иллюстрировать геометрическими чертежами. Возьмем линию *с* в один

фут: *c*. Квадрат ее будет: $\overline{|a|}$. Но отношением чисел 9=3.3 выражается фигура. Итак, начертим трехфутовую линию *ab* и на ней опишем *abdc*. Таким образом *ab* будет τὸ μῆκος квадрата. Если теперь

квадрат *a* сравним с *abcd*, то найдем, что первый столько раз содержится в последнем, сколько раз число *единица* обнимается числом девятеричным, и отсюда выходит фигура, справедливо называемая τετράγωνος, ἰσόπλευρος, ἐπίπεδος, и все эти имена Теэтет весьма верно перевел на числа. Из этого очевидно, что значат слова: τὸν μὲν (ἀριθμὸν) δυνάμενον ἴσον ἰσάκις γίγνεσθαι (которое имеет равные факторы, как 16=4.4; 25=5.5; 36=6.6); τῷ τετραγώνῳ τὸ σχῆμα ἀπεικάσαντες τετράγωνόν τε καὶ ἰσόπλευρον. Итак, числа, соизмеримые не только по потенциям, но и по сторонам, у юношей получили название чисел, определенных в отношении к протяжению, μῆκος, поскольку они—совершенные квадраты. Но не такими, полагали они, должны выйти фигуры, построяемые только потенционально, без отношения πρὸς τὸ μῆκος. Это будут фигуры продолговатые, и, так как долгота их у каждой своя, они называются ἑτερομήκεις. Долгота своя, т. е. свои числа, в которых факторы, следовательно стороны, не равны, например 12=6:2. Переведем эти самые числа на чертежи. Возьмем линию *c* в один фут: *c*. Потом протянем линию *ac* в 2 фута, соответствующую меньшему фактору

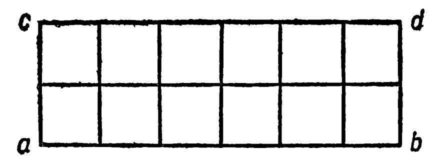

т. е. 2. К этим присоединим еще третью линию, которая имела бы 6 футов долготы, следовательно соответствовала бы фактору числа шестеричного. Такая

линия будет.

Затем из линий *ab* и *cd* построим прямоугольный четыреугольник.

Потом из футовой линии *c* возьмем квадрат и будем сравнивать его с прямолинейным четыреугольником: откроется, что он столько раз входит в четыреугольник, сколько раз единица содержится в двенадцати. Но фигура, обусловленная этими отношениями, не имеет равенства сторон, а выходит продолговатою. Следовательно числа 12=6.2 соразмеряются не μήκει, а δυνάμει. (Эти разъяснения взяты у *Stallbaum*, Platonis Theaetetus, где они приведены на латинском языке. Пер. Карпова, см. «Сочинения Платона», ч. V, стр. 330—331.)

9. Следует обратить внимание, что нет полного тожества между вопросом о долготе и корне (см. прим. 8) и сократовским вопросом о знании. Сократ ищет логическое понятие, чтобы в его единстве выразить внутреннее тожество всех разнообразных конкретных факторов знания. А вопрос о корнях сводится собственно к обобщению видов корней, т. е. к выражению эмпирического разнообразия корней в форме общего вида их, не касаясь логического понятия корня. Все же проведение этой параллели показательно в том отношении, что оно вскрывает направление мысли Сократа при решении вопроса о знании, т. е. указывает, что только путем обобщения разных конкретных знаний можно притти к установлению понятия знания вообще.

10. Ср. из «Менона», р. 80а: «Сократ! слыхал я и прежде, чем встретился с тобой, что ты не делаешь ничего иного, как сам сомневаешься и других застав-

ляешь сомневаться». И дальше известное сравнение Сократа с электрическим угрем, отмеченное и Лениным («Философские тетради», стр. 282, изд. 1933 г.).

11. Начинается классическое в идеалистической философии место диалога, в котором следует отметить два факта: 1) роль Сократа как зачинателя идеалистической философии древности и 2) внутреннюю сущность понятия по учению этой философии. Разработка понятия принадлежит главным образом Платону (см. преимущественно следующие места: «Пир», 206 cd, 209 ab, «Федр», 276, 278, «Госуд.», 518 и кн. VII). С точки зрения Платона понятие не случайный продукт опыта, а непосредственное порождение разума (*τόκος ἐν καλῷ*, как говорит Платон). Разум, по учению Платона, должен зачать и носить в себе свое порождение, мучиться родами, наконец родить. Тогда он знает его как свое убеждение, а не просто как мнение, навязанное опытом. Ср. *Н. Скворцов*, Платон о знании, М. 1871.

12. Важное место для характеристики общей настроенности мысли Сократа и его миросозерцания вообще. Демоний и бог Сократа занимают в истории идеалистической философии одно из самых важных мест. Много спорили и спорят, как их понимать. Для нас мало представляет интереса эта сторона комментаторской работы в истории философии, относящейся к философии Сократа. Как бы ни понимать этих идолов его, ясным остается одно: взгляд Сократа на мир, его миросозерцание не поднимались выше обыденного уровня среднего афинского обывателя. Вот как отзывается об этой стороне сократовских представлений один идеалист: «Общею однако всегда остается здесь мысль о том, что жизнь человеческая не находится в абсолютной власти механистического процесса события, но управляется тем божественным разумом, который, владея цепью причин и следствий, направляет события ввиду общего, понятного ему плана мира. Эта идея глубже, чем другими, будучи сознана Сократом в применении к судьбе его собственной жизни, внутренне, т. е. совершенно субъективно, созерцалась им как личная воля бога или демона». См. выше цит. Н. Скворцова.

13. Внук знаменитого Аристида. Вместе со своим отцом Лизимахом выступает в диалоге «Лахес», р. 178а. Он же в «Феаге», р. 130, в «Меноне», 94а.

14. Продик с о. Кеоса—известный софист из среды так называемых старших софистов. С ним вероятно был близок Сократ, может быть, как ученик его. Синонимика Продика не осталась повидимому без влияния на учение Сократа о понятии.

15. В параллель к этому интересно привести мнение Аристотеля: «Мышление и суждение представляются своего рода ощущением (αἰσθάνεσθαι), потому что в том и другом случае душа различает и познает нечто существующее. И древние утверждают, что размышлять и ощущать есть одно и то же» (и дальше ссылка на Эмпедокла и Гомера; см. «О душе», III, 3). Греческое αἴσθησις не совпадает с нашим понятием ощущения, а также и чувства. Тем не менее нам приходится при переводе прибегать к этим выражениям кроме того, которое мы употребили в данном месте («чувственное восприятие»). Содержание понятия αἴσθησις ниже у Платона (156b) определяется в следующих словах. «Чувства носят у нас следующие названия...» (см. стр. 26).

16. Данное Теэтетом определение знания принадлежит, по Платону, Протагору. Другие источники: *Sextus Empiricus*, Pyrrh. Hyp. I, 216—219; «Adversus mathem.», VIII, 59—64; *Diogenes Laërtius*, IX, 51; *Cicero*, Acad., II, 46.

17. Этот тезис Протагора разбирается также в «Кратиле», р. 385е, а также подробно в «Законах», р. 716с и «Протагоре».

18. На что намек? Действительно, не учит ли Протагор *тайно?* Ничего невероятного в этом нет, если принять во внимание, как преследовала афинская демократия материалистов за их учение. Присуждение к смертной казни Анаксагора и изгнание самого Протагора являются внушительным историческим подтверждением того, с какой опасностью была связана пропаганда материализма в Афинах. Тем не менее нет исторических свидетельств, которые подтверждали бы, так сказать, подпольную деятельность Протагора. Что же имеет в виду Платон, трудно догадаться. Н. Скворцов в своем анализе высказывает предположение, что Пла-

тон под видом различия общего учения Протагора и доступного только его ученикам не без иронии изображает внутреннее противоречие в учении Протагора о человеке как о мере всех вещей, противоречие, изъясняемое из теории движения, которая есть его основание. Противоречие? Откуда Н. Скворцов знает об этом противоречии в учении Протагора? От Платона? Но ведь сам Н. Скворцов не верит Платону и отвергает историческое свидетельство его об учениях других философов, в том числе и об учении Протагора. И правильно делает: Платон—пристрастный свидетель, особенно по отношению к софистам, особенно же по отношению к материалистам. Какая уверенность может быть у нас, что Платон правильно излагает учение Протагора? Никакой, абсолютно никакой. Разве у нас нет другого источника философии Протагора и более беспристрастного? Есть: в лице Секста Эмпирика, по свидетельству которого учение Протагора о «человеке-мере» выглядит совсем по-иному. Платон исказил подлинное учение Протагора, и в искаженном виде оно стало противоречивым.

19. *Эпихарм*—поэт и философ (около 390 г. до н. э.). Его тезис: вещи так изменчивы, что бывшее вчера ныне уже не существует. Известен как писатель комедий (не в нашем смысле, а в смысле мимического изображения мифов). О нем у Феокрита («Epigr.», XVII, 1), «Themist. Or.», XIX, p. 486, у Аристотеля («Поэтика» 1449 *b*, 5). Полное собрание фрагментов Эпихарма см. у *Mullach*, Fragmenta philosoph. graec., I.

20. *Гомер*, Илиада, песнь VIII, 18:

Или дерзайте, изведайте, боги, и все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней, но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

21. Здесь определяется цвет как явление. Иначе у Аристотеля, который дает определение цвета ближе к материалистическому: «Видимое есть цвет, а цвет есть нечто, принадлежащее предмету, который видим сам собою и видим сам собою не в отвлеченном только

смысле, а потому, что в себе самом заключает причину своей видимости» («О душе», II, 7). Отличие от идеалистического определения Платона бросается в глаза.

22. Мнение Теэтета, что знание есть ощущение, Сократ считает тожественным положению Протагора: человек есть мера всех вещей. Как это увязывается у Сократа, или Платона тож? Бытие находится в постоянном течении, формой бытия является следовательно движение. Цвет существует тоже не иначе, как в акте движения. Принцип движения присущ как бытию вообще, так в частности и цвету.

23. Имеется в виду следующий стих Эврипида из «Ипполита» (612):

Уста клялись, ум клятвою не связан.

24. В pendant к этому месту приводим слова Аристотеля («Метафизика», I, 2) об удивлении как стимуле к философствованию: «Ибо вследствие удивления люди и теперь и впервые начали философствовать, причем вначале они испытали изумление по поводу тех затруднительных вещей, которые были непосредственно пред ними, а затем понемногу продвинулись на этом пути дальше и осознали трудности в более крупных вопросах, например относительно изменения луны, и тех, которые касаются солнца и звезд, а также относительно возникновения мира» (перевод А. В. Кубицкого).

25. Словам Гесиода придается Платоном совсем другой смысл, и Ириду, посланницу богов, именует он Философией, считая ее дочерью Тавманта. См. *Гесиод*, Теогония, стр. 80.

26. Так изображаются у Платона материалисты и в первую очередь вероятно Демокрит с последователями. В других местах у Платона находим не более мягкую характеристику его философских противников. Так, в «Софисте» (246а) читаем: «Одни с неба и из мира невидимого все влекут на землю, обнимая руками просто камни и дубы, потому что, хватаясь за все подобное, они утверждают, что только то существует, что доступно прикосновению и вообще осязанию, так как тело и сущность принимают за одно и то же, а когда кто говорит об ином, что вот это не имеет тела, такую речь они презирают и не хотят ничего другого слушать».

См. также далее р. 247с. Перевод принадлежит Карпову (внесена лишь небольшая поправка). Впрочем необходимо отметить, что существует и другое мнение (например H. Maier, O. Appelt и др.), по которому Платон имеет здесь в виду Антисфена со своей школой, под «тонкими» подразумевается Аристипп, основатель киренской школы (гедонисты).

27. Определение понятий σκληροὺς καὶ ἀντιτύπους (твердых и упорных) находим в «Тимее», р. 62b. Предполагают, что применение этих материальных эпитетов к людям (в «Тимее» они относятся к телам) может быть должно принять в смысле той же игры слов, какая очевидна в названии последователей Гераклита именем *текучих* (οἱ ῥέοντες) или последователей Парменида именем *стоячих* (οἱ στασιῶται). В древности такого рода клички, получившие происхождение от основного понятия в данном учении, были заурядным явлением. Встречаются они и у Аристотеля.

28. Кто это такие «тонкие»? Аристипп или ученики Протагора? В истории философии не находим единомыслия по этому вопросу (см. *Zeller*, Phil. d. Griech. I[5], р. 1099).

29. У Аристотеля впоследствии находим обстоятельно развитой эту мысль о соответствии между предметом ощущения и ощущением («О душе», II, 5 и сл.).

30. Ср. *Арист.*, Мет., 1011а: «Испытывать такого рода затруднения это все равно что быть в неуверенности относительно того, спим ли мы сейчас или бодрствуем».

31. Почему объединяются мнение Теэтета о знании, философское учение Гераклита и теория Протагора? Движение как абсолютная форма бытия лежит в основе всех этих теорий.

32. Амфидромии—обряд, совершавшийся у греков над младенцем в пятый (носили около очага) и десятый (давали имя) день. Сократ подражает здесь повивальным бабкам, которые принимали деятельное участие в этом обряде.

33. В литературе это место, относящееся к учению Сократа о диалектике, считается классическим. Ср. «Менон», р. 80с.

34. По общему признанию, произведение Протагора носило заглавие «Истина». Ср. ниже 162а, 166с. 171а и «Кратил», 386с.

35. По Диогену Лаэрцию, Протагор требовал со своих учеников плату в 100 мин.

36. Протагор был атеист. Отзыв его о богах находим у *Цицерона*, De natura deorum, I, 12 и 23, у *Секста Эмпирика*, Adv. math., p. 329, у *Диогена Лаэрция*, IX, 51. У последнего так передается мысль Протагора: «О богах не могу знать, существуют ли они или не существуют, ибо многое мешает знать это: неясность предмета и краткость человеческой жизни». Уклончивость ответа в этом положении очевидно объясняется обстоятельствами времени (преследования материалистов и атеистов).

37. Первое доказательство против тезиса, что знание есть чувственное восприятие.

38. Начало второго доказательства, что знание и чувственное восприятие не одно и то же.

39. Ср. «Горгий», p. 384с и сл., «Госуд.», VI, p. 487, VII, p. 517d, а также «Эвтидем».

40. Дается классический образ философа.

41. Вопрос о занятиях философией был одним из самых острых вопросов той эпохи. До какой степени разгорались страсти между сторонниками и противниками занятий философией, видно по «Горгию», где один из участников диалога говорит Сократу: когда я вижу взрослого человека, занимающегося философией, то, по моему мнению, его просто нужно бить (p. 485d и 484).

42. Сам Гераклит не сделал таких выводов из своего учения, какие мы встречаем здесь у его последователей. Не надо упускать из виду, что Платон, вырабатывая свою теорию идей, опирается не на Гераклита, а на его последователей, которые превратили вопреки философии учителя реальный мир в иллюзию. Насколько Платон усвоил теорию своих учителей (т. е. так называемых последователей Гераклита), видно например из следующего места «Тимея» (p. 49de): «Что, как мы видим, постоянно является то тем, то другим—хотя бы огонь,—называть в каждом случае не *этим*, а *таким* огнем, равно и воду—не *этою*, но

всегда *такою* водою, так же точно и прочее, т. е. не принимать стихии в значении предметов, имеющих некоторое постоянство, что именно мы думаем выразить употреблением слов *тот* и *этот*, когда на что-либо указываем. Ведь они ускользают от нас, не терпя выражений *то*, *этого*, *тому* и всех других, которые выставляют их в качестве сущностей не преходящих. Не будем же называть каждую порознь *этим*; но ко всем как порознь, так и вместе будем прилагать равно понятие всегда совершающего свой круг *такого*. Значит и огонь постоянно *такой* и *такое* все, чему свойственно рождение. Только то, в чем отдельные явления получают, как мы видим, рождение и откуда опять исчезают, только это следует означать приложением имен *то* и *это*; а что-либо качественное, теплое или белое либо иное, противоположное этому, и все, что из этого происходит,—ничего подобного не именовать таким образом» (перевод Карпова). *Этот* и *тот* относятся к «сущностям не преходящим», т. е. к миру идей, а *такой* и пр.— ко всему тому, чему свойственно «рождение», т. е. реальному миру вещей. Так использовал Платон теорию так называемых последователей Гераклита.

43. «Здесь изображается человек теории Гераклита. К самому же Гераклиту данные здесь черты идут очень мало. Вместе с этим следует заметить, что в прочитанном месте Платон говорит о философской теории гераклитовского направления в его позднейшем проявлении в тех форсированных выводах из теории движения, к которым всегда дают повод великие учения и которые всегда распространяются не путем школы, т. е. обучения, как замечает в нашем месте Феодор, но путем фантазии, или, как сказано здесь, через энтузиазм» (*Н. Скворцов*, цит. соч.).

44. Над представителями этой профессии уже в древности глумились, считая их тупыми, невежественными. Капиталистическая цивилизация не поднялась настолько высоко над рабовладельческой, чтобы не топтать человеческого достоинства в грязи. Сапожники вошли в пословицу. См. у Платона еще в «Хармиде», р. 163b; «Госуд.», V, р. 456d; «Меноне», р. 90с.

45. Детская игра: дети выстраивались в два ряда лицом друг к другу перед чертой, проходившей по-

средине между ними; подбежавшего к черте противная сторона старалась схватить и перетащить к себе.

46. «Текущие» (οἱ ῥέοντες)—последователи Гераклита. Последователи Парменида назывались, наоборот, οἱ στασιῶται («неподвижниками», если позволительно прибегнуть к такому корявому выражению), т. е. учившие о неподвижности мира. Ср. «Филеб», р. 46а, «Софист», р. 252а. У Аристотеля οἱ γεννῶντες τὸν οὐρανόν и пр.

47. Это—пословица, относившаяся к тому, кто похищал священные предметы, нарушая клятву, договор и пр. Приводится для означения философской теории.

48. У Аристотеля три вида движения (см. «Phys.», 243а): 1) перемещение (перемена места), 2) изменение (качественное), 3) убывание и прибывание (количественное) объединяются в четвертом общем — возникновении и исчезновении.

49. «Трудно дать общегодное значение тому мнению Платона, что свободное без особенной отчетности пользование словами и предложениями по большей части не есть ἀγεννής (неблагородно) и что противное этому (т. е. отчетливое употребление слов) есть будто бы ἀνελεύθερον (несвободное, рабское),—трудно, говорим, принять это вообще, если не допустить, что Платон, говоря так, имел в виду софистов и особенно Протагора с его ὀρθοέπεια (правильностью речи («Федр» 267b) и Продика с его ὀνομάτων διαίρεσις (различение имен) («Хармид», 163d).

50. Троянский конь («Одиссея», VIII, 493). Мысль: чувства сидевших в коне не сходились в одном сознании этого коня; если бы и у нас чувства не сходились в одном сознании, это было бы странно.

51. Повидимому Платон имел в виду стихи из «Аякса-биченосца» Софокла (ст. 1142):

Я видел мужа: языком отважным
Он в бурю плыть заставил моряков.
Но лишь в беде он очутился—удаль
Исчезла вся; плащом покрыл он тело,
И всякий мог лежачего топтать.

52. Боиц приводит это место в связь со следующим местом из Аристотеля («О душе», II, 12): «Ощущение есть восприятие чувственных форм без материи».

53. См. «Менона», p. 97c, где истинное мнение выставляется как мотив добродетели.

54. Когда проводник ведет кого-нибудь в брод через реку, ему с берега кричат: «Глубоко, вода высока!» На это проводник отвечает: «Вода сама покажет». Ср. *Карпов*, цит. соч.

55. В афинском суде для определения времени сторон имелось своеобразно установленное течение воды (ὕδωρ ῥέον вместо κλεψύδρα). «Немного утечет воды» значит: пройдет немного времени.

56. Μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν. Ср. «Менон», 97, 98; «Госуд.», 506, «Полит.», 309, «Пир», 202.

57. Ср. «Крат.», 439c, «Филеб», 29b, «Госуд.», 563d, 533c.

58. Платон различал среди букв гласные, согласные и полугласные. Ср. «Крат.», 224c, «Филеб», 18b.

59. Ἕν τι γεγονὸς εἶδος, ἰδέαν μίαν αὐτὸ αὐτοῦ ἔχον.

Выражение εἶδος мы передаем здесь через выражение «вид», примыкая к толкованию Н. Скворцова (см. цит. соч.). Точно так же мы находим правильным комментарий его ко второй половине выписанного предложения (ἰδέαν... ἔχον). Вот как он комментирует это место: ἰδέαν μίαν αὐτὸ αὐτοῦ ἔχον, т. е. носитель одной своей идеи, чему следовательно принадлежит трансцендентальное бытие. Комментаторы стараются при этом сделать различие εἶδος от ἰδέα, но Платон говорит, что συλλαβή (слог) есть εἶδος ἔχον ἰδέαν (вид, имеющий идею), тем самым отличает одно понятие от другого. Тот или другой слог, как ἔχων ἰδέαν (имеющий идею), сам таким образом не есть ἰδέα. Чтобы понять мысль Платона об отношении слога к звукам (т. е. элементам), не должно иметь в виду конкретное отношение например слога Σω к звукам Σ и ω, но абстрактное. Именно, если в Σω повторяются Σ и ω, то Σω должно быть мыслимо как нечто общее в отношении к ним, или как род в отношении к видам, или как вид в отношении к индивидам,—и как общее их оно есть основание их трансцендентального бытия; трансцендентальное же бытие самого слога мыслимо также

только через нечто общее, что и есть идея слога. Таким образом слог не есть идея звуков, как он есть их вид или род, но будучи этим, он есть носитель идеи слога, по силе которой он имеет место в мышлении нашем как нечто само по себе ἕτερον τῶν στοιχείων.

60. Ср. *Арист.*, Мет., 1024a. «А вода, всякая влага и число всем (в совокупности) называется, но «целое число» и «целая вода» не говорится, разве только в переносном смысле. В свою очередь «все» (во множ. числе) (πάντα) говорится о вещах, про которые «все» (в един. числе) (τὸ πᾶν) говорится как про одну вещь,— об этих вещах (слово) «все» (во множ. числе) употребляется как об отдельных друг от друга: (например) все это число, все эти единицы» (перевод А. В. Кубицкого).

61. Спартанские власти посылали подчиненному лицу секретное предписание на пергаменте, навернутом на скалку. Лицо, получившее ее, навертывало пергамент на свою скалку, по размеру одинаковую с правительственной, и таким образом прочитывало написанное. *A. Gellius*, XVII, 9, 6—15.

ИСТОЧНИКИ ФИЛОСОФИИ ПРОТАГОРА

Аристокл у Евсевия, Praeparatio Evangelica, lib. XV, cap. 20, lib. X, cap. 3 u. 14.

Аристофан, Nubes («Облака»), ст. 113 и схолия.

Аристотель, Метафизика, 998a 3, 1007 2, 1009a 6, 1047a 6, 1053a 35, 1062b 12.

Его же, Eth. Nicom., 1164a 24.

Его же, Poetic, 1456b 15.

Его же, Rhetoric., 1402a 25, 1407b 7.

Его же, Soph. Elench., 173b 19.

Афеней, Deipnosophistae, lib. V, cap. LIX, lib. VIII, cap. L.

Геллий Авл, Noctes atticae, lib. V, cap. 3, 10.

Гален Клавдий, De philos. hist., cap. II, VIII.

Диоген Лаэрций, lib. IX, cap. 8.

Климент Александрийский, Stromat., lib. I, cap. XIV, lib. VI, cap. III.

Платон, Теэтет, p. 152—180 «Кратил», p. 383—386; p. 391 и др., «Протагор», большинство страниц, «Софист», p. 232 и др.

Свида—Sub v. Πρωταγόρας.

Секст Эмпирик, Adversus mathematicos, lib. VII, IX, Pyrrhon. Hypotipos, lib. I, cap. 32.

Сенека, Epistola LXXXVIII.

Филострат, Vitae sophistarum, p. 494, Protagoras.

Цицерон, De natura deorum, lib. I, 12, 23, 42; Quaestiones Acad., lib. II, cap. 46.

Элиан Клавдий, Varia Historia, lib. I, cap. 23, lib. IV, cap. 20.

А также комментарии (разные места) к сочинениям Аристотеля у Аммония, Симплиция, Филона и некоторых других. См. Scholia in Aristot. collegit Chr. Aug. Brandis, 1836.

ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПЛАТОНА

Platonis dialogi selecti, cura L. Fr. Heindorfii, v. II, Gorgias et Theaetetus, ed. II, Berlin 1829.

Platonis Theaetetus, rec. et prolegg. illustravit G. Stallbaum, Gothae 1839.

Platons Werke. Griechisch u. deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen, 20. Teil, Theaetetus von F. W. Wagner, Lpz. 1855.

Platonis opera quae feruntur omnia, ed. M. Schanz, v. II, fasc. I. Theaetetus. Lpz. 1883.

The Theaetetus of Plato, with a revised text and English notes by Lewis Campbell, 2-nd. ed., Oxford 1883.

Platonis Theaetetus, rec. et commentariis instruxit M. Wohlrab, ed. II, Lpz. 1891.

Platonis opera, recognovit Ioannes Burnet, Oxford 1899, tom I.

ПЕРЕВОДЫ

На немецком языке

Platons Werke, uebersetzt v. Fr. Schleiermacher (Uebers—gen u. Einl—gen), II. Theil, I. Bd., 3. Aufl., B. 1856.

Platons sämmtliche Werke, übersetzt von Hieronimus Müller (mit Einl—gen v. K. Steinhardt), 3 Bd., Lpz. 1852.

Platons Theätet, uebersetzt von W. Wagner.

Platons Theätet, uebersetzt von I. Deuschle, Stuttgart 1856.

Platons Dialog Theätet, uebersetzt u. erläuter v. I. H. von Kirchmann («Philos. B.», Bd. 82), Lpz. 1880.
Otto Appelt («Philos. B.», Bd. 82), Lpz. 1911.

На французском языке

Victor Cousin, Paris 1824.
Par Chauvet et André Saisset, Dialogues de Platon. Dialogues polemiques, t. I: Théétête, Cratyle, Euthydeme, P. 1861.

На английском языке

B. Jowett, 3 edit., Oxford 1882 (вместе с другими произведениями Платона).
Dyde, Theätetus, translated with introduction.

На русском языке

Карпов, Сочинения Платона, ч. V, M. 1879.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ (187b—201c)

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ (201d—210b)

Сдано в набор 29/II 1936 г. Подписано к печати 15/VI 1936 г. Формат 72×110¹/₃₂. Печ. л.—6. Зн. в печ. л.—45 696. Огиз № 1 706. Заказ № 300. Тираж 10 000 экз. Уполномоченный Главлита Б 20621. Цена книги 3 р. 25 к. Переплет 1 р. 25 к.

16-я тип. треста «Полиграфкнига». Москва, Трехпрудный, 9.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
6	14 св.	от материи),	от материи.
22	2 сн.	δυναμεων-potentiarum	δυνάμεων=potentiarum
35	12 сн.	противоположное	противоположно
162	10 св.	εεόδωρος	θεόδωρος
162	11 св.	ε и ε	θ и ε
171	7 св.	cicero	Cicero
182	14 сн.	речи	речи)
183	20 св.	αὐτοῦ	αὐτοῦ
186	8 сн.	Einl—gen	Einl-gen

Платон Теэтет